

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2024 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГТУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *Р. АЛОНЦИ* – PhD, (профессор РУДН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *А.В. Апанасенок* – д-р ист. наук, (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов*, д-р ист. наук (ИРИ РАН); *Д.М. Бондаренко* – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Ф.А. Гайда* – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук, доцент (ИНИОН РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущий редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» («Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History»). Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

ISSN 2219–875X

DOI: 10.31249/hist/2024.02.00

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Апанасенок А.В. Паломнические поездки советских граждан на Святую землю в отражении «Журнала Московской Патриархии»: 1964–1967 гг.	7
Минц М.М. Репрессивная политика сталинского руководства: обзор публикаций 2021–2023 годов	28
Тулупов Н.С. Партийный и государственный контроль в условиях советской ведомственности: от эпохи застоя к перестройке	49
<i>Реф. кн.:</i> Беспалова К.А. Портреты первых французских коммунистов в России. Французские коммунистические группы РКП(б) и судьбы их участников	68
<i>Реф. кн.:</i> Слискова В.В. Французский диалог Н.И. Кареева (1914–1931): сюжеты, темы, респонденты	74

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Комзолова А.А. Бюрократическая классификация и национальная идентичность в империи Габсбургов в 1848–1914: новые зарубежные исследования	79
Эман И.Е. От либеральной Италии к Италии фашистской. Институциональный кризис итальянского государства: события и концепции	86
Бабенко О.В. Проблемы истории городов Франции Нового и Новейшего времени: современные зарубежные исследования (2015–2023)	105

РЕЦЕНЗИИ

Буздалина Е.А. Философия образования в поздней Античности: культивирование идентичности и самосовершенствования. <i>Рец. на кн.: Штенгер Я. Образование в поздней Античности: проблемы, динамизм и реинтерпретация, 300–550 гг. н.э.</i>	123
Дунаева Ю.В. <i>Рец. на кн.: Барыкина И.Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра</i>	131
Суздальцев И.А. <i>Рец. на кн.: Ватлин А.Ю. Утопия на марше. История Коминтерна в лицах</i>	137

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Apanasenok A.V. Pilgrimage trips of soviet citizens to the Holy land in reflection of «Journal of the Moscow patriarchate»: 1964–1967	7
Mints M.M. Repressive policy of Stalin’s leadership: an overview of publications of 2021–2023	28
Tulupov N.S. Party and State control in the conditions of Soviet «vedomstvennost»: from the era of «stagnation» to «perestroika»	49
<i>Ref. ad op.</i> : Beshpalova K.A. Portraits of the first French Communists in Russia. The French Communist groups of the RCP(b) and the fate of their participants	68
<i>Ref. ad op.</i> : Sliskova V.V. The French dialogue of N.I. Kareeva (1914–1931): Plots, themes, respondents	74

GENERAL HISTORY

Komzolova A.A. Bureaucratic classification and national identity in habsburg empire in 1867–1914: recent foreign studies	79
Eman I.E. Dall’Italia liberale all’Italia fascista. La crisi istituzionale dello Stato italiano: gli eventi e le concezioni.....	86
Babenko O.V. Problems of the history of French cities of modern and contemporary times: modern foreign studies (2015–2023) ...	105

REVIEWS

Buzdalina E.A. Philosophy of education in Late Antiquity: cultivating identity and Self-Cultivation <i>Rev. ad op.</i> : Stenger J.R. Education in late Antiquity: challenges, dynamism and reinterpretation, 300-550 ce	123
--	-----

Dunaeva J.V. <i>Rev. ad op.</i> : Barykina I.E. «A typical St. Petersburg official». Count Dmitry Andreevich Tolstoy (1823–1889). The experience of the biography of the minister	131
Suzdaltsev I.A. <i>Rev. ad op.</i> : Vatlin A.Yu. Utopia on the march. History of the Comintern in persons	137

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 338.48.6, 94(47).084.9

DOI: 10.31249/hist/2024.02.01

АПАНАСЕНОК А.В.* ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В ОТРАЖЕНИИ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»: 1964–1967 гг.

Аннотация. Статья посвящена истории шести паломнических поездок верующих из СССР к христианским святыням Ближнего Востока в 1960-е годы, а также особенностям репрезентации этих поездок в Советском Союзе. В центре внимания автора находятся публикации «Журнала Московской Патриархии» – единственного издания, освещавшего такого рода события в советский период. В работе анализируются вопросы организации паломнических путешествий, их событийное наполнение, степень соответствия традиционным «поклонническим» нормам, влияние фактора советского гражданства паломников на их поведение и коммуникацию в Святой земле. Кроме того, в статье рассматривается готовность авторов журнала освещать те или иные аспекты пребывания советских граждан в библейском регионе.

Ключевые слова: паломнические поездки в Советском Союзе; Святая земля; «Журнал Московской Патриархии»; церковная дипломатия; контент-анализ.

APANASENOK A.V. Pilgrimage trips of soviet citizens to the Holy land in reflection of «Journal of the Moscow patriarchate»: 1964–1967

Abstract. The paper is devoted to the history of six pilgrimage trips of believers from the USSR to the Christian shrines of the Middle

* Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); apanasenok@yandex.ru

East in the 1960s, as well as the representation peculiarities of these trips in the Soviet Union. The author focuses on the publications of the “Journal of the Moscow Patriarchate”, the only publication that covered such events during the Soviet period. The work explores the issues of organizing pilgrimage trips, their content, the degree of compliance with traditional “worship” norms, the influence of the factor of Soviet citizenship of pilgrims on their behavior and communication in the Holy Land. In addition, the paper examines the willingness of the journal's authors to cover certain aspects of Soviet citizens stay in the Biblical region.

Keywords: pilgrimage trips in the Soviet Union; Holy Land; “Journal of the Moscow Patriarchate”; church diplomacy; content analysis.

Для цитирования: Апанасенок А.В. Паломнические поездки советских граждан на Святую землю в отражении «Журнала Московской Патриархии»: 1964–1967 гг. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 7–27. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.01

Введение

В последний год пребывания у власти Н.С. Хрущева, когда еще не закончилась его знаменитая антирелигиозная кампания, произошло на первый взгляд странное и одновременно знаменательное событие: группа православных советских граждан отправилась на Ближний Восток с паломническими целями. В следующие три года делегации из священников и мирян из СССР еще пять раз посетили Святую землю¹, продемонстрировав, что возобновление паломничества к главным христианским святыням (прекратившегося с началом Первой мировой войны) в 1964 г. не было случайностью.

Неожиданными и странными указанные поездки, разумеется, могли показаться только неискушенному наблюдателю. С се-

¹ Термин «Святая земля» используется автором в его наиболее распространенном значении, то есть относится к региону, примерно соответствующему современному Израилю, палестинским территориям, западной Иордании, частям южного Ливана и юго-западной Сирии.

редины 1940-х годов руководство СССР, имея в виду большое количество православных христиан на Ближнем Востоке, активно использовало «церковную дипломатию» для укрепления советского влияния в этом регионе. Решению столь непростой задачи, по мысли правительства, должны были способствовать визиты в библейский регион патриарха Алексия I, состоявшиеся в 1945 и 1960 гг. [9, с. 22–24; 3, с. 418]. А организация паломничества «простых» верующих кроме укрепления межгосударственных связей могла служить улучшению международного имиджа Советского Союза, который, несмотря на систематическую антирелигиозную пропаганду, декларировал наличие реальной свободы совести у своих граждан.

Для Русской православной церкви значимость возобновления паломничества в Иерусалим и сопредельные территории (пусть и весьма ограниченно количественно) определялась той большой ролью, которую традиционно играли для православного сообщества образы Святой земли. Последние заняли важное место в отечественной культуре еще в эпоху Средневековья. По мере того, как Русь (Киевская, затем Московская) все более ощущала себя оплотом истинной веры, росло стремление сопоставить себя с родиной христианства – Палестиной, продемонстрировать преемственность по отношению к ней. Политические центры средневековой Руси – Киев, Галич, Новгород, Тверь, Москва – часто сравнивались русскими людьми с Иерусалимом, а порой и прямо назывались таковым. Распространение теории «Москва – третий Рим» предполагало соотнесение новой русской столицы не только с Римом, но и Иерусалимом, и было подкреплено в XVI–XVII вв. активным перенесением восточных святынь на территорию Московского государства [3, с. 31–37]. Значимость образов Святой земли отразилась и в языке, в котором постепенно появились связанные с нею понятия. В XIX в., например, В.И. Даль обратил внимание, что слово «палестина» обычно используется русскими для обозначения родины (выражение «наши палестины»), очевидно имея в виду влияние на массовое сознание церковной идеи о Палестине как духовной родине всех христиан. Он же указывал на распространенность в России поговорки «Иерусалим есть пуп земли» [16, с. 291].

Ментальные связи между Русью / Россией и Святой землей поддерживались практикой паломничества, зародившейся еще в X в., менявшей свои масштабы, но никогда не прекращавшейся. Особенно сильно выросли его масштабы в позднеимперский период. Массовый интерес верующих к ближневосточным святыням, а также организационные усилия образованного в 1882 г. Императорского Православного Палестинского общества привели к тому, что в начале XX в. Российская империя оказалась на первом месте в мире по количеству подданных, посещавших Иерусалим. Ежегодно сюда прибывало несколько тысяч русских «поклонников», представлявших разные слои общества [13, с. 346–357]. Авторитетный исследователь феномена русского паломничества А.А. Дмитриевский в 1903 г. утверждал, что Палестина в глазах простого русского человека – земля, «текущая молоком и медом», «где зеленая листва круглый год услаждает взоры своих обитателей, где всякий овощ родится в изобилии и труд с избытком вознаграждает человека ... где жили, учили и страдали Сам Господь... апостолы, сонмы святых мучеников и подвижников» [6, с. 279]. А знаменитая итальянская писательница М. Серао двумя годами ранее отмечала, что «никакая страна в Европе ... не испытывает такой сильной тоски по святыням Востока, как Россия» [цит. по: 5, с. 8].

С началом Первой мировой войны в 1914 г. паломничество российских подданных на Ближний Восток прекратилось. Согласно формулировке представителя Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме, война «разрушила жизнь» последней¹. Революционные события и формирование антирелигиозного курса в России / СССР не дали возможности восстановить традиционные паломнические связи. Таковые отсутствовали 50 лет, и их возрождение не могло стать незаметным событием.

Конечно, паломнические поездки 1964–1967 гг. организовывались в политических и культурных условиях, принципиально отличавшихся от реалий начала XX в. Их участники были представителями иной – советской – цивилизации, а потому де-факто должны были выполнять «дипломатические» функции. Как проходили эти поездки? Насколько они соответствовали по своему содержанию древним «поклонническим» традициям, сформирован-

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 4230. Л. 4.

ным верующими из Московской Руси и Российской империи? И, наконец, как возрождение паломничества на Ближний Восток презентовалось в Советском Союзе – стране, культивировавшей атеизм? Постараемся ответить на эти вопросы в данной статье, опираясь на публикации «Журнала Московской Патриархии» – единственного церковного журнала в стране на тот момент и одновременно единственного издания, которое освещало визиты граждан СССР на Святую землю. В качестве вспомогательных источников информации в статье используются материалы из отчета для отдела внешних церковных сношений Московской патриархии о паломнической поездке 1964 г.¹, а также воспоминания участника этой поездки Н.С. Людоговского, опубликованные более 40 лет спустя, в 2008 г. [14].

Как выглядели паломнические поездки из СССР на Святую землю?

В первом выпуске 1965 г. «Журнал Московской Патриархии» (далее – ЖМП) известил своих читателей о том, что в мае предыдущего года была организована паломническая поездка группы православных верующих из СССР к древним христианским святыням. В соответствующей заметке рассказывалось о том, как 14 советских граждан транзитом через Египет отправились в Иорданию, чтобы поклониться там Гробу Господню и встретить Пасху в Иерусалиме. В трех следующих выпусках журнал опубликовал три сюжета с продолжением рассказа о необычной для советского времени практике. В них говорилось о том, как советская делегация последовательно побывала в Сирии, Ливане, Греции (покинув для этого историческую территорию Библейского региона на десять дней), а затем в Израиле. Из рассказа следовало, что перемещения группы паломников определялись религиозными целями, сопряженными с посещением значимых мест священной истории [10].

¹ Этот развернутый отчет был составлен руководителем паломнической группы архимандритом Ювением (Поярковым) после возвращения в Москву и в настоящее время хранится вместе с другими материалами по Иерусалимской патриархии и Русской духовной миссии в Иерусалиме в Государственной архиве Российской Федерации. См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 554.

Авторы заметок (трое участников паломничества), естественно, ничего не говорят о том, почему они отправились к древним святыням именно в 1964 г. – рассуждения такого рода заставили бы перейти в ненужную журналу политическую плоскость. Судя по всему, формировавшимся с середины 1950-х годов планам возродить межцерковное общение на уровне «обычных» граждан [3, с. 412] долгое время мешала геополитическая и военная напряженность в ближневосточном регионе, а также отсутствие официальных дипломатических связей с Иорданией, на территории которой на тот момент располагались часть важнейших христианских святынь, включая храм Гроба Господня. В начале 1960-х годов напряженность несколько снизилась, в 1963 г. в Иордании наконец-то появилось дипломатическое представительство СССР, после чего проект стал выглядеть реалистично.

Поскольку поездка 1964 г. с точки зрения организации и событийного наполнения в значительной мере стала моделью для последующих паломничеств, представляется уместным охарактеризовать ее подробно, постаравшись при этом выявить сходства и отличия от типичных паломнических путешествий дореволюционной эпохи. Упомянутые выше заметки из первых четырех выпусков ЖМП 1965 г. вкупе с отчетом, подготовленным руководителем РДМ в Иерусалиме (и одновременно главой паломнической группы) архимандритом Ювеналием по итогам поездки, дают возможность описать последнюю и уяснить, чем в мае 1964 г. занимались советские паломники на Святой земле.

Судя по представленным именам, для путешествия к христианским святыням были выбраны «респектабельные», хорошо знакомые отделу внешних церковных связей люди, среди которых оказалось девять клириков и пятеро мирян¹. В праздник весны и

¹ Согласно подробному отчету руководителя паломнической группы архимандрита Ювеналия (Пояркова), кроме него самого в состав этой группы вошли: инспектор Московской духовной академии архимандрит Филарет; доцент Ленинградской духовной академии протоиерей Л. Воронов; секретарь Ярославского епархиального управления протоиерей П. Красноцветов; диакон Никольского кафедрального собора в Ленинграде Б. Глебов; доцент Ленинградской духовной академии А.Ф. Шишкин; член Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии Б.С. Кудинкин; преподаватель и помощник инспектора Московской духовной академии П. Горбачев; преподаватель Московской духов-

труда они отбыли самолетом в Каир, затем, после однодневной остановки в столице Египта, опять же по воздуху отправились в Иерусалим (древний город в то время был поделен между Иорданией и Израилем, группа прибыла на иорданскую территорию). После официальной встречи с Патриархом Иерусалимским Венедиктом в его резиденции делегация вместе с предстоятелем отправилась на праздничное богослужение, открыв таким образом составленную заранее паломническую программу. В течение следующей недели члены группы посетили практически все известные христианские святыни на территории западной Иордании: побывали в храме Воскресения (Гроба Господня), а также других древних церквях и монашеских обителях Иерусалима, съездили к берегам Иордана, навестили Самарию (где побывали у разрушенной церкви Иоанна Крестителя, легендарного колодца Иакова, осмотрели монастырь Самарянки), молились в Гефсимании, в Лавре Саввы Освященного, в Хевроне, у Мамврийского дуба, а также на месте рождения Иисуса Христа в Вифлееме. Паломникам довелось еще трижды побывать на торжественных приемах у Иерусалимского патриарха, по меньшей мере шесть раз присутствовать на официальных застольях, засвидетельствовать уважение местному губернатору, посетить посольство СССР в Аммане, дважды пообщаться с прессой [10, № 1–2]. С 9 по 12 мая паломники пребывали в Сирии, где навестили Патриарха Антиохийского Феодосия, поучаствовали в торжественном богослужении в Дамаске, побывали в двух православных монастырях [10, № 3]. Там же они были на двух дипломатических приемах, посетили детский приют и две местные школы (в одной из них представитель группы А.Ф. Шишкин выступал с речью «О положении религии в СССР»)¹.

С 12 по 15 мая делегация находилась в Ливане, где посетила два монастыря и бегло осмотрела три храма, провели по меньшей мере шесть встреч с местным священноначалием (сопровожда-

ной академии Б.А. Нелюбов; редактор журнала Среднеевропейского Экзархата «Голос Православия» Г.Ф. Троицкий; преподаватель Ленинградской духовной академии Н.А. Заболотский; староста Троицкого собора в Ленинграде Н.С. Людо-
говский; переводчик В.П. Котелкин, а также секретарь редакции «Журнала Мос-
ковской патриархии» Е.А. Карманов. См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 554. Л. 76.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 554. Л. 87–89.

шихся торжественными трапезами), побывали в госпитале, пяти школах и поучаствовали в заседании общества «Союз Православия», где опять же рассказывали об особенностях положения РПЦ в СССР и были награждены орденами «Неопалимая Купина». Пребывание в Ливане увенчалось пресс-конференцией и официальным приемом в Бейруте¹.

На протяжении следующих десяти дней паломники путешествовали по Греции, а 25 мая вернулись обратно в исторический Библейский регион, но теперь уже на территорию Израиля. В этой стране они прежде всего побывали в РДМ на территории израильской части Иерусалима (она была возвращена Советскому Союзу в 1948 г.), затем посетили Назарет, горы Фавор и Сион, побережье Тивериадского озера [10, № 4]. В миссии было организовано торжественное богослужение, устроено несколько официальных обедов, а также ужин с сотрудниками советского посольства и представителями властей Израиля. 29 мая делегация покинула еврейское государство, отправившись в Москву². Ко всему перечисленному нужно добавить, что во время посещения всех названных стран некоторое время паломникам было отведено на прогулки с познавательно-экскурсионными целями. Эти прогулки, как и посещение святынь, обстоятельно описываются в ЖМП. Торжественные приемы, общение с прессой, выступления членов делегации перед местной общественностью более полно характеризуются в отчете архимандрита Ювеналия.

При чтении опубликованных записок участников паломничества 1964 г. очевидно, что советское гражданство накладывало серьезный отпечаток на их поведение. Судя по текстам, их авторы прекрасно понимали, что и речи во время приемов, и даже простые разговоры с местными жителями должны были указывать на благополучие в государственно-церковных отношениях (как, впрочем, и в других сферах) в первой социалистической стране. В этой ситуации сказать «лишнее» было существенно хуже, чем просто промолчать. В заметках из ЖМП отсутствуют упоминания о беседах с посторонними людьми. На ограниченность в общении указывает и автор опубликованных в XXI в. воспоминаний Н. Людо-

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 554. Л. 90–93.

² Там же. Л. 94–101.

говский, бывший одним из участников первой паломнической поездки. Он даже говорит о предупреждении, которое было дано членам делегации по прибытии в Иерусалим: «Ничему не удивляйтесь и меньше говорите. Отвечайте только на вопросы, и то, по возможности, уклончиво» [14, с. 115].

Следующая паломническая поездка из СССР была организована на Рождество в 1965 г. К маленькой группе из четырех человек в Иерусалиме присоединился игумен начальник РДМ Гермоген, а также заранее приехавший туда архимандрит Ювеналий (теперь уже в качестве заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений – очевидно, предыдущий визит советской делегации в библейский регион, который он возглавлял, был признан вполне успешным) [17, с. 17–21]. В 1966 г. было организовано уже две поездки, причем в обоих случаях во главе с архиереями – на Рождество во главе с ректором МДА епископом Дмитровским Филаретом, и на Пасху во главе с главой Отдела внешних церковных сношений РПЦ митрополитом Никодимом [2; 15; 20]. В 1967 г. также было совершено два паломничества, как писала пресса, «групп мирян и духовенства» [4; 18; 21; 22]. Первое из них возглавил епископ Минский и Белорусский Антоний.

Все поездки с 1965 г., совершавшиеся, согласно устойчивому определению ЖМП, «группами клириков и мирян», судя по публикациям того же издания состояли из двух частей. Сначала паломники прибывали на территорию Иордании в Старый Иерусалим, где встречались с Патриархом Иерусалимским Венедиктом, посещали храм Воскресения и откуда отправлялись в Вифлеем и к Иордану. Встреч с Патриархом, как правило, у каждой паломнической группы было несколько, в процессе стороны обменивались торжественными речами и памятными подарками, паломники из СССР получали из рук иерусалимского предстоятеля медали Саввы Освященного. На втором этапе паломничества группы перебирались на территорию Израиля, где располагались на территории Русской духовной миссии. Из миссии они выезжали к святыням, расположенным на территории Израиля – в Назарет, Тивериаду, г. Фавор и Сион.

После Шестидневной войны 1967 г. вся территория Иерусалима оказалась под контролем Израиля. Это могло бы облегчить передвижение будущим паломническим группам, однако из-за

напряженных отношений с этой страной регулярные поездки паломников из СССР в Святую землю оказались на некоторое время прерваны. В 1970 г. святыни Иерусалима посетило шесть священников РПЦ, а в 1972 г. на Святую землю приехал сам Патриарх Пимен (несмотря на очевидную церковно-дипломатическую миссию предстоятеля РПЦ, этот приезд официально именовался паломничеством) [7, с. 17]. К апробированному в 1960-е годы формату, предполагавшему участие в паломнических поездках как священнослужителей, так и мирян, а также сочетание религиозных, экскурсионных и церковно-дипломатических целей, РПЦ вернулась лишь во второй половине 1970-х годов. [3, с. 420–422].

Можно ли, опираясь на заметки из ЖМП, говорить о схожести паломничества советских граждан и традиционных «поклоннических» практик, сложившихся до 1917 г.? Если сравнить особенности поездок 1960-х годов с характерными чертами дореволюционных путешествий русских пилигримов, описанными в литературе (см., напр.: [1; 6; 8]), то, пожалуй, различий окажется больше, чем сходств. Так, до революции паломничество обычно предпринималось по собственной инициативе, будучи вызвано духовной потребностью и определяясь персональными возможностями. В случае с поездками 1964–1967 гг. очевидно, что они проектировались церковным руководством в кооперации с государственными органами. Далее, при «старом порядке» «поклонники» на путешествие к Гробу Господню (как, впрочем, и к другим святыням) расходовали собственные средства (или деньги сочувствовавших этому начинанию частных лиц), тем самым принося своеобразную жертву; делегации из СССР находились на содержании вышестоящих инстанций. Третье различие связано с отношением к традиции самоограничения: на протяжении столетий от паломников требовалось проявлять аскетизм. Сознательно несмягчаемые тяготы длительного пути к святыне, пешие переходы между объектами поклонения, скудные трапезы считались нормой. Паломники же из СССР прибывали на Святую землю на самолетах, а к святыням, находящимся за пределами Иерусалима, добирались на автомобилях. Размещение в комфортабельных гостиницах, участие во множестве тожественных застолий и «дипломатических» мероприятиях практически не оставляли возможности для проявления аскезы. Сочетание паломнической миссии поездки с представительской и

туристической программой очевидно мешали членам группы добиться духовного сосредоточения (что, собственно, требуется от паломника в первую очередь). Наконец, даже гендерный состав групп (в описаниях 1960-х годов фигурируют только мужчины) не был традиционным: в императорской России более половины прибывавших на Святую землю поклонников составляли женщины.

Каковы же были сходства паломничеств 1960-х годов и традиционного дореволюционного «поклонничества»? По всей видимости, основания называть возобновившиеся в позднесоветский период поездки паломническими давал сам факт посещения верующими гражданами множества христианских святынь, а также соответствующая традициям приуроченность путешествий к Пасхе либо Рождеству.

О чем писали и о чем не писали участники паломничеств

Какие чувства вызывала Святая земля у тех, кому все-таки удалось посетить ее в 1960-е годы? Ясно, что для верующего человека путешествие в Иерусалим, как бы оно ни было организовано, не могло оказаться рядовым событием, тем более что конфессиональный опыт в данном случае дополнялся межкультурной коммуникацией. Например, у эмигрантов, посещавших Иерусалим еще до того, как сюда стали отправляться группы советских граждан, такие поездки обычно вызывали не только религиозные, но и ностальгические переживания. Для них Библейский регион был не просто местом сосредоточения христианских святынь, а еще и напоминанием (в силу большого количества созданных здесь до революции РДМ и Императорским Православным Палестинским обществом русских объектов) об утраченной Родине. Как писал еще до войны один из ностальгирующих по исчезнувшей цивилизации авторов А.П. Ладинский, русские подворья в Иерусалиме явились ему уголком «старой России, с ее молитвами, колокольным звоном и церковнославянским шрифтом» [12, с. 110]. Могли ли авторы заметок для ЖМП позволить себе выразить подобные чувства? Можно ли было дать волю описанию своих религиозных переживаний? На что они в принципе делали упор в своих заметках?

Разобраться в особенностях восприятия феномена Святой земли гражданами СССР и его дальнейшей репрезентации в позд-

несоветский период помогают те же публикации паломников в ЖМП. Наиболее обстоятельно таковые освещают первую паломническую поездку 1964 г. (что не удивительно, учитывая формально состоявшееся возрождение традиции). Как уже было отмечено, ей посвящены заметки (своего рода воспоминания «по горячим следам») трех членов группы (церковных журналистов Е. Карманова и Г. Троицкого, а также сотрудника Московской духовной академии П. Горбачева), опубликованные в первых четырех выпусках ЖМП в 1965 г. В ходе нашего исследования тексты этих заметок были подвергнуты контент-анализу¹. Основываясь на частоте упоминания авторами определенных слов (для контент-анализа были взяты полные тексты, за исключением разделов, посвященных имевшей место тогда же поездке в Грецию), оказалось возможно составить представление о том, что именно они сочли нужным сказать читателям. Для сравнения таким же образом были проанализированы воспоминания старосты ленинградского Троицкого собора Н.С. Людоговского. Последний был представителем дворянского рода, в сталинский период неоднократно преследовался как политически неблагонадежный гражданин, а затем все-таки примирился с советской властью. Будучи в какой-то степени носителем «старых» культурных кодов и не рассчитывая на издание своих воспоминаний, он не пытался выстроить свой текст в строгом соответствии с официальным дискурсом. Последнее обстоятельство делает воспоминания Людоговского особенно интересными.

¹ Специфика контент-анализа исторических источников по сравнению с другими методами исследования заключается в том, что его процедура предусматривает подсчет частоты упоминаний тех или иных смысловых единиц исследуемого текста. В нашем случае были выбраны смысловые единицы, отразившие сосредоточенность авторов воспоминаний на разных аспектах их поездки – религиозном, представительском, рекреационном, познавательном (слова «паломничество», «храм», «молитва», «прием», «посольство», «обед», «кофе», «красивый» и т.д.). Подсчет количества соответствующих упоминаний, наряду с анализом цитат позволил составить представление о том, чему паломники уделяли внимание и придавали значение в ходе своего путешествия на Ближний Восток.

Результаты подсчетов в рамках контент-анализа (выполнены автором) представлены в нижеприведенной таблице¹.

Таблица

**Результаты сравнительного контент-анализа воспоминаний
членов паломнической группы 1964 г.**

№	Смысловые единицы (с.е.) (с учетом склонений)	Количество с.е. в замет- ках, опубликованных в «Журнале Московской Патриархии» (1965)	Количество с.е. в воспоминаниях, опубликованных в 2008 г.
1	храм(ы)	87	235
2	паломник(и), паломни- чество	58	138
3	русский(ие)	40	86
4	монастырь	38	125
5	Гроб Господень	27	38
6	прием, визит	26	64
7	трапеза, обед, ужин, завтрак	17	124
8	хороший, красивый	9	123
9	дипломат, посольство	7	15
10	советский(ие)	6	3
11	речь	4	13
12	молитва	1	35
13	кофе	-	30
14	конфеты, сладости	-	20
15	коньяк	-	7

Как видно из таблицы, участники первого «советского» паломничества на Святую землю и, одновременно, авторы опубликованных в «Журнале Московской патриархии» заметок часто используют слова «храм» (87), «паломник / паломничество» (58), «монастырь» (38), «Гроб Господень» (27), что совершенно закономерно: без этих слов они просто не могли бы осветить свою поездку. Но при этом во всех четырех частях заметок лишь один (!) раз встречается слово «молитва». Общеизвестно, что цель паломничества традиционно связывалась с тем, чтобы помолиться в осо-

¹ При оценке данных из таблицы следует иметь в виду, что заметки, опубликованные в «Журнале Московской патриархии» по объему почти в три раза меньше текста Н.С. Людоговского.

бом, наделенном (по мнению верующих) божественной благодатью месте. Пребывание же в таком месте без молитвы превращает паломника в туриста.

Относительно часто используются в заметках 1965 г. термины «прием», «визит» (26), нередко упоминания трапез (17), прежде всего – официальных обедов (при этом о самой пище не говорится). Эта особенность указывает на представительский характер поездки 1964 г. О том же говорят упоминания (с имеющимися тут же описаниями) речей (4), употребление терминов «дипломат» и «посольство» (7). Впрочем, уже в первой части заметок прямо говорится о «дипломатической» миссии паломнической группы: «В нашем лице Иордания принимала первую после восстановления нормальных дипломатических отношений делегацию из Советского Союза», – пишет он в первой части заметок [10, №1, с. 38]. В то же время, результаты контент-анализа показывают, что члены группы чувствовали себя прежде всего представителями Русской церкви, а не страны Советов – об этом свидетельствует явное преобладание слова «русский» (40) над словом «советский» (6). Необходимость помнить о дипломатии, видимо, обусловила безоценочность суждений авторов ЖМП. Как правило, они воздерживаются от эмоциональных оценок: слова «хороший» и «красивый» встречаются в четырех заметках всего 9 раз.

Уходя от количественных характеристик заметок, стоит указать и на тональность высказываний авторов. Так, читатель может заметить определенный скепсис авторов по отношению к актуальному состоянию библейского региона. Например, во второй части заметок говорится о чувстве «невольного недоумения», вызванного несоответствием традиционных представлений о палестинских святынях их современному виду. Иерусалим описывается как «слегка разочаровывающий» [10, № 2, с. 35]. Знаменитая кувуклия в третьей части характеризуется как «безвкусное мраморное сооружение», а про Иордан написано, что это илистая и мутная река, вокруг которой чувствуется «давящая духота». После описания реки следует указание на трехдневное недомогание автора, которое читателю логично связать с последствиями купания в священном потоке [10, № 3, с. 31–34]. Описанные в четвертой части заметок поездки в Сирию и Ливан вообще представляются неоправданными.

ми с религиозной точки зрения, так как «Антиохийская церковь не богата достопоклоняемыми местами» [10, № 4, с. 28].

Имеющиеся в заметках описания пейзажей библейского региона трудно назвать привлекательными. Например, про дорогу, ведущую из Иерусалима на север Иордании, говорится, что она «ничем не привлекательна... одни только камни и скалы, обожженные солнцем» [10, № 3, с. 36]. Столица Сирии Дамаск представлена как «обычный современный город с многоэтажными зданиями», пешая прогулка по которому показалась ее участникам «бесцельной». Бейрут называется «городом-гаражом», который пострадал от «катастрофической автомобилизации» [10, № 4, с. 26, 28].

В некоторых случаях в заметках участников первого «советского» паломничества видна легкая (и до некоторой степени замаскированная) грусть их авторов из-за невозможности повторить нелегкий, но радостный путь предшественников, сопряженный с долгим путем к цели и христианской аскезой. «Нам, паломникам середины XX в., – говорится в первой части, – было несравненно легче добраться до Святого Града... но зато нам не дано было испытать и яркой радости встречи с Иерусалимом» [10, № 1, с. 39]. В четвертой части можно найти жалобу на то, что на гору Фавор паломники попали на автомобиле, а не пешком [10, № 4, с. 38].

Иной ракурс открывается перед читателем мемуаров Людоговского. Контент-анализ их содержания тоже указывает на большое количество слов «храм» (235), «паломник / паломничество» (138), «монастырь» (135). Но, по сравнению с опубликованными в советский период и проанализированными выше заметками, здесь намного чаще используется слово «молитва» (35). Автор не предназначенного для опубликования текста, как видно, не боялся рассказывать о своей духовной работе, а потому предстает перед читателем не столько представителем церкви / государства, сколько настоящим паломником. Он, например, очень трогательно описывает свои переживания во время пребывания в иерусалимском храме Воскресения у Гроба Господня: «Склонившись в благоговейной молитве перед ложем Спасителя, я сразу почувствовал перемену в своем душевном состоянии. В душу мою снизошел необыкновенный покой, сердце исполнилось тихой радости... Умиленную душу охватила необыкновенная, особенная любовь к Богу, ко всем людям, ко всему живущему, ко всему миру» [14,

с. 25]. Подобные проникновенные описания чувств встречаются в воспоминаниях Людоговского ещё несколько раз. Впрочем, немало внимания он уделяет и представительской деятельности своей группы. Слова «прием», «визит» встречаются у него 64 раза, упоминания о различных официальных трапезах – 124 (при этом автор часто и без стеснения рассказывает об обилии последних). Кроме того, Людоговский часто упоминает небольшие угощения во время коротких визитов, в том числе кофе (30), разные сладости (20) и коньяк (7). С заметным удовольствием автор рассказывает о привлекательных пейзажах в окрестностях Иерусалима, Дамаска и Бейрута, часто (более десяти раз) упоминает высокое качество дорог в странах Восточного Средиземноморья.

Как и его спутники, Людоговский перед лицом представителей другого народа чувствует себя прежде всего представителем Русской церкви. Соотношение определений «русский» и «советский» в его воспоминаниях носит характер безнадежной диспропорции: 86 к 3. При этом, в отличие от авторов заметок из ЖМП, он не стремится к скупым оценкам реалий Святой земли, используя этические и эстетические категории. Эпитеты «хороший» и «красивый» у него встречаются 123 раза. Поэтому и общая оценка пережитому на Ближнем Востоке, которую автор формулирует в заключительной части своих воспоминаний, выглядит очень эмоциональной. Здесь он говорит: «все, пережитое и пережитое, остается самым ярким воспоминанием и, озаряя немеркнущим светом полностью душу мою, служит мне постоянной духовной пищей и великим утешением в старости» [14, с. 15].

Знакомство с книгой Людоговского показывает, что поездка 1964 г. была гораздо более интересной и волнующей, чем это представлено в заметках ЖМП. Очевидно, последние писались в режиме самоцензуры: авторы имели определенное представление о том, насколько далеко можно заходить в описании религиозных явлений в атеистическом СССР (тем более, что на момент подготовки их текста летом 1964 г. хрущевская антирелигиозная кампания еще не закончилась). Довольно сухо выглядит и предложенное «Журналом Московской патриархии» описание следующей паломнической поездки в Святую землю [17, с. 16–21]. Его автор – настоятель Покровской церкви в пос. Алабино Московской обла-

сти Владимир Рожков – предложил читателю безоценочное изложение путешествия своей группы, распределив его по дням и дав лаконичные исторические характеристики посещенным объектам. В целом заметка выглядит, скорее, как страноведческий экскурс, чем рассказ о паломничестве. Вот, например, как описан пятый день пребывания группы из СССР на Святой земле: *«Мы осмотрели Силоамскую обитель, которая находится вне стен Иерусалима. Недалеко от нее – монастырь св. Онуфрия и пещеры, где, как предполагают, были гробницы царей Давида и Соломона. Относительно местонахождения гроба царя Давида существуют два мнения: по одному, общепризнанному, гроб Давидов находится на Сионской горе (в израильской части Иерусалима), по-другому же – в пещерах близ Силоамской купели, вне города. Около Силоамского источника видны остатки стен, которые воздвиг Ездра, тут же некогда стоял жертвенник Ваалу, а в шести метрах от стены – место, где плакал Езекия, страшаясь приближения смерти. Отсюда можно видеть фундамент Силоамской башни, о которой говорится в Евангелии от Луки.*

Спускаемся ниже, нам показывают место упокоения ветхозаветных праведников и стену, построенную за несколько столетий до Рождества Христова. Мы посетили также католическую церковь на месте дома Пилата.

В этот же день мы осмотрели «стену плача» (это сохранившаяся часть фундамента от храма Соломонова).

Мы нанесли визит Армянскому Иерусалимскому Патриарху Иегишей. У армян в Иерусалиме имеется замечательный храм, в котором находится глава ап. Иакова Алфеева. Позднее мы были с визитом у Сирийского Патриарха.

10 января мы отправились в монастырь (Лавру) преп. Феодосия Великого. В храме монастыря находится пещера – гробница преподобного основателя (ум. 532), недалеко от которой расположена гробница матерей преподобных Феодосия и Саввы Освященного. Здесь же, в Лавре, находились мощи преподобной Евфросинии Полоцкой (ум. 1173). Монастырь преп. Феодосия Великого был основан в 465–475 гг. Авторитет этой обители был настолько велик, что в VI и VII вв. из числа братин посылались монахи на Соборы для свидетельства истин православной веры. Из Лавры

преп. Феодосия Великого мы отправились в Лавру преп. Саввы Освященного» [17, с. 19].

Как и участники предыдущего паломничества, В. Рожков не пишет о том, каким образом он оказался среди счастливых обладателей билетов в Иерусалим, не говорит о своих чувствах во время пребывания в исторической Палестине, избегает похвал в адрес принимающей стороны и красочного описания картин жизни на Ближнем Востоке. Чтение его репортажа укрепляет ощущение, что начатая в первом выпуске 1965 г. серия публикаций в «Журнале Московской Патриархии» о паломнических поездках граждан СССР как будто призвана сказать советскому читателю: легендарное паломничество к Гробу Господню не так уж привлекательно. Иерусалим и окружающая его местность – всего лишь бледная тень той Святой земли, которую видели паломники из «старой России». Да, здесь находятся великие святыни, но связанные с ними традиции отчасти утеряны, а мир вокруг сильно изменился. Паломничество на Ближний Восток для советского гражданина в принципе возможно (Советский Союз – свободная демократическая страна!), однако на практике путешествие на родину христианства может вызвать не только духовный подъем, но и определенное разочарование.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что публикации ЖМП, освещающие паломничества после 1965 г., выглядят чуть менее сухими. Например, в заметке, подготовленной одним из участников рождественского паломничества 1966 г. А. Климашиным, видны легкие нотки ностальгии по «старой России». Рассказывая о посещении сохранившегося с дореволюционных времен центра российского присутствия в Палестине / Израиле, он писал: «Продолжая паломничество, вы вступаете под своды нашей Русской Духовной Миссии, и вас охватывает какое-то особенно приятное сознание, что вы вступили на землю, над которой поднята хоругвь нашей Церкви. Хотя кругом слышна чужая, разнородная речь, молитва здесь звучит на родном языке» [11, с. 20]. Трудно не увидеть созвучие этой фразы с приведенной выше цитатой из записок эмигранта А. Ладинского, посетившего Палестину в 1936 г. Ассоциации со славным прошлым проглядывают в тексте участника рождественского паломничества 1967 г. В. Гришина, который дал своей заметке романтическое (по сравнению с пред-

шествующими публикациями ЖМП) название «Под сенью Русской духовной миссии в Иерусалиме» [4]. Ностальгия (хотя и несколько иная, связанная с воспоминаниями о возможности массового паломничества на Святую землю) заметна и в публикации участника пасхального паломничества 1966 г. протоиерея М. Мудьюгина. В своих записках он между делом замечает, что знакомство с рассказами побывавших в Иерусалиме счастливых вызывает у окружающих мысль о «несбыточности заветной мечты» [15, с. 10]. Вероятно, чуть более эмоциональный и живой тон процитированных текстов по сравнению с первыми заметками ЖМП о паломничестве на Святую землю связан с произошедшим в 1965–1966 гг. ослаблением партийно-государственного давления на Церковь и уменьшением страха церковных авторов перед обвинениями в ретроградстве либо «рекламе» зарубежной жизни.

Заключение

Содержание заметок, опубликованных в «Журнале Московской Патриархии», дает достаточно информации для характеристики возобновившегося после 50-летнего перерыва отечественного паломничества на Святую землю. Шесть поездок на Ближний Восток, несомненно, стали значимыми событиями в жизни Русской православной церкви, продемонстрировав жизнеспособность традиционных конфессиональных практик даже в условиях жестких государственных рестрикций. Кроме того, эти путешествия показали неготовность советского государства отказаться от использования религиозного фактора во внешней политике.

Анализ публикаций ЖМП о паломнических поездках 1960-х годов не оставляет сомнений в церковно-дипломатической направленности последних. Репортажи членов делегаций представляют путешествия не только как религиозные, но и, в значительной мере, как представительские, а также (в меньшей степени) туристические начинания. Эти же тексты демонстрируют ограниченность советских паломников в коммуникации, обусловленную их гражданством.

«Многозадачность» поездок определила то обстоятельство, что их собственно паломническая составляющая оказалась далека от традиционных идеалов и норм. Путешествия к христианским

святыням 1964–1967 гг. не были личным делом самих паломников, не требовали от них материальных жертв и проявлений аскетизма. А перенасыщенная приемами, торжественными обедами и встречами программа явно не позволяла членам групп сосредоточиваться на духовных переживаниях.

Была ли у «клириков и мирян» из СССР возможность испытать возвышенные религиозные чувства при посещении главных святынь христианского мира, невзирая на необходимость соблюдать «протокол»? Несомненно – об этом свидетельствуют воспоминания участника паломнической поездки 1964 г., опубликованные в постсоветское время. Тогда же «Журнал Московской Патриархии» довольно скупо характеризовал духовную составляющую паломничества, предлагая своим читателям не столько религиозные, сколько страноведческие заметки. На исходе масштабной антирелигиозной кампании эти заметки выглядели очень сухо, хотя по мере улучшения государственно-церковных отношений в 1966–1967 гг. стали чуть более красочными и эмоциональными.

Список литературы

1. Балдин К.Е. Паломнические мемуары конца XIX – начала XX в. как исторический источник // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 3 (7) : Филология. История. Философия. – С. 15–28.
2. Возвращение паломников Московского Патриархата // Журнал Московской Патриархии. – 1966. – № 6. – С. 4.
3. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. : коллективная монография / М.С. Шаповалов [и др.]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 776 с.
4. Гришин В. Под сенью Русской духовной миссии в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1967. – № 4. – С. 10–14.
5. Дмитриевский А.А. Типы современных русских паломников в Святую Землю. – Санкт-Петербург, 1905. – 40 с.
6. Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Святую Землю // Труды Киевской духовной академии. – 1903. – № 6. – С. 274–319.
7. Дымша С. Паломничество Предстоятеля Русской Православной церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1972. – № 8. – С. 17–21.
8. Дорошевич В.М. В Земле обетованной (Палестина). – Москва, 1900. – 232 с.
9. Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского Патриархата середины 1940-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. – 2017. – № 1 (35). – С. 22–24.

10. Карманов Е., Троицкий Г., Горбачев П. Путешествие русских паломников по святым местам Востока (воспоминания паломников) // Журнал Московской Патриархии. – 1965. – № 1–4.
11. Климашин А. Письмо паломника // Журнал Московской Патриархии. – 1966. – № 3. – С. 19–21.
12. Ладинский А.П. Путешествие в Палестину. – София : [б. и.], 1937. – 140 с.
13. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. – Москва : Индрик, 2006. – 510 с.
14. Людоговский Н.С. Записки паломника. – Москва : Сатисъ, 2008. – 203 с.
15. Мудьюгин М. Русские православные паломники в местах священных воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. – 1966. – № 6. – С. 10–17.
16. Пословицы русского народа : сборник В. Даля. – Москва, 1957. – 991 с.
17. Рожков В. Паломничество в Святую землю // Журнал Московской Патриархии. – 1965. – № 6. – С. 16–21.
18. Сперанский М. Праздник в Вифлееме // Журнал Московской патриархии. – 1967. – № 4. – С. 5–10.
19. Хитрово В.Н. Русские паломники в святую Землю в 1899–1900 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. – 1900. – Т. 9. – С. 648–655.
20. Хроника // Журнал Московской Патриархии. – 1966. – № 2. – С. 7.
21. Хроника // Журнал Московской Патриархии. – 1967. – № 2. – С. 7.
22. Хроника // Журнал Московской Патриархии. – 1967. – № 6. – С. 9.

УДК 323(47+57)«1923–1955»:930 DOI: 10.31249/hist/2024.02.02

МИНЦ М.М.* РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНСКОГО РУКОВОДСТВА: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ 2021–2023 гг.

Аннотация. В обзоре рассматривается подборка новейших отечественных и зарубежных публикаций по истории сталинских репрессий, включая такие вопросы, как история отдельных лагерных комплексов ГУЛАГА, повседневная жизнь в лагерях и колониях, опыт отдельных категорий заключённых, различные частные сюжеты из истории большого террора, число жертв террора, ГУЛАГ в культуре и народной памяти и др.

Ключевые слова: политические репрессии в СССР; Большой террор; ГУЛАГ; историческая память.

MINTS M.M. Repressive policy of Stalin's leadership: an overview of publications of 2021–2023

Abstract. The review article deals with a number of latest russian and western publications on history of political repressions under Stalin, including such issues as the history of certain labour camps and camp administrations, the fate of various groups of prisoners, everyday life in camps and labour colonies, case studies on history of the Great terror, the number of victims, images of the GULAG in russian culture and social memory, etc.

Keywords: political repressions in the USSR; Great Terror, Gulag, collective memory.

Для цитирования: Минц М.М. Репрессивная политика сталинского руководства: обзор публикаций 2021–2023 гг. (Обзор) // Социальные и

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); historian@michael-mints.ru

гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 28–48. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.02

Историография сталинских репрессий поистине необъятна. Мне доводилось обращаться к этой теме ранее¹, но новые работы выходят ежегодно в огромном количестве, и охватить их все в рамках единственного обзора практически невозможно. В данном обзоре представлена подборка книг и статей ряда российских и зарубежных авторов, увидевших свет в 2021–2023 гг. В основном эти исследования ограничены достаточно узкими тематическими рамками (ситуация в определенных республиках и регионах, история отдельных лагерей и лагерных комплексов, различные стороны повседневной жизни ГУЛАГа, опыт тех или иных категорий заключенных), но в совокупности охватывают довольно широкий круг вопросов, а их авторы не только вводят в оборот новые массивы источников, но и применяют оригинальные методы анализа, так что в дальнейшем их публикации, вероятно, ещё станут материалом для более широких научных обобщений.

Накануне и после Большого террора

Из литературы по истории массовых арестов и казней сто́ит отметить две книги, авторы которых исследуют не сам по себе Большой террор 1937–1938 гг., а два пограничных с ним периода. Работа Е.М. Мишиной [3] посвящена политическим репрессиям в СССР в годы, непосредственно предшествующие Большому террору, на материале Алтая (до 1937 г. территории современных Республики Алтай и Алтайского края входили в состав Западно-Сибирского края, единый Алтайский край был образован 28 сен-

¹ См. Минц М.М. Новая отечественная литература по истории сталинских репрессий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2011. – № 4. – С. 114–130; Его же. Новая зарубежная литература по истории сталинских репрессий // История России в современной зарубежной науке : сборник обзоров и рефератов / отв. ред. О.В. Большакова. – Москва : ИНИОН РАН, 2011. – Ч. 3. – С. 65–88; Его же. Современная историография ГУЛАГа: новые подходы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2016. – № 4. – С. 112–129.

тября 1937 г.). Автор исследует динамику и механизмы репрессий, прослеживает процесс их эскалации, реконструирует социальный портрет «врага народа», анализирует причины стремительного роста числа арестов в 1937 г. Она попыталась также внести свой вклад в изучение регионального «измерения» сталинских репрессий, поскольку ситуация за пределами Москвы до сих пор остается сравнительно малоизученной. Источниковую базу исследования составили главным образом региональные книги памяти жертв террора, основанные на них базы данных, а также архивно-следственные дела репрессированных. В первой главе книги приводится подробный источниковедческий анализ этих материалов. «Изучать различные аспекты сталинских репрессий, – отмечает автор, – нужно для понимания того, что при помощи террора нельзя эффективно решать экономические и социально-политические задачи, стоящие перед государством, которое в силу определенных обстоятельств вынуждено во многом полагаться на собственные ресурсы». По ее словам, это особенно важно в условиях роста популярности Сталина, который наблюдается в России в последние годы [3, с. 7]. С данным выводом сложно не согласиться.

В коллективной монографии «Лаборатории террора: заключительный акт сталинской Великой чистки в советской Украине» под редакцией Л. Виолы и М. Юнге [15] рассматриваются аресты и судебные процессы над бывшими сотрудниками НКВД после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», завершившего «массовые операции» НКВД 1937–1938 гг. Репрессии против бывших чекистов по обвинениям в незаконных методах ведения следствия вплоть до недавнего времени оставались практически неисследованными из-за недостатка источников. Ситуация стала меняться лишь в 2010-е годы, когда историки получили доступ к документам архива Службы безопасности Украины. Книга «Лаборатории террора» также написана на украинском материале: авторы использовали главным образом архивно-следственные дела работников НКВД, а также их личные дела и стенограммы заседаний партийных организаций НКВД в конце 1938 – начале 1939 г. Основное внимание они уделяют таким вопросам, как «мир преступников из НКВД, а также механизмы и логистика террора на мест-

ном уровне» [15, р. 2]. Оба составителя книги ранее уже публиковали работы на эту тему¹.

Книга состоит из введения и семи глав, в пяти из которых описывается ситуация в тех или иных регионах Украинской ССР (Винницкая, Одесская, Николаевская, Харьковская, Житомирская области), в основном по документам, отложившимся в ходе следствия и суда над руководителями соответствующих управлений НКВД. В пятой главе, написанной Л. Виолой, анализируются механизмы репрессий на локальном уровне на примере Сквирского района Киевской области. Заключительная седьмая глава Дж.Дж. Россмана посвящена чисткам в Дорожно-транспортном отделе НКВД Северо-Донецкой железной дороги.

Как показывают авторы, «что касается этого примечательного эпизода в истории Большого террора, совершенно ясно, что чистка чистильщиков не имела отношения к справедливости и правосудию. Никто не ставил под вопрос ни Большой террор, ни коммунистическую партию, ни Сталина» [15, р. 17]. Репрессиям подверглась лишь часть оперативных работников НКВД, причем наиболее суровые наказания назначались работникам среднего звена, принимавшим непосредственное участие в фальсификации уголовных дел, пытках подследственных и других «нарушениях социалистической законности», хотя на вышестоящих руководителях, координировавших их работу, лежит несопоставимо большая ответственность. В процессе чисток были прекращены многие уголовные дела, по которым еще не были вынесены приговоры, но это касалось в основном арестованных коммунистов, и даже они в лучшем случае могли рассчитывать на освобождение и восстановление в партии, но не более того. Тем не менее результаты чисток 1938–1939 гг. в НКВД были по-своему довольно значительны. Только в 1939 г. были уволены 7372 оперативных работника (22,9% от общего количества), 973 из них арестованы; вместе с арестованными в конце 1938 г. в самом начале кампании количество чекистов, подвергшихся уголовному преследованию, возрастает до 1364 человек [15, р. 49]. Кампания обозначила не только окончание

¹ См. Viola L. *Stalinist perpetrators on trial: scenes from the Great Terror in Soviet Ukraine*. – New York : Oxford univ. press, 2017. – XVIII, 268 p.; Junge M. *Stalinistische Modernisierung: die Strafverfolgung von Akteuren des Staatsterrors in der Ukraine, 1939–1941*. – Bielefeld : Transcript-Verlag, 2020. – 376 S.

«массовых операций» и Большого террора в целом, но и важный идеологический сдвиг: арестованным работникам НКВД, в отличие от предшествующих репрессий внутри этого ведомства, больше не предъявлялись (за редким исключением) обвинения в «троцкизме» и других «контрреволюционных преступлениях», вместо этого использовались статьи о должностных преступлениях. Документальный материал, отложившийся в указанный период, был использован в ходе реабилитации жертв репрессий, начавшейся в середине 1950-х годов, после XX съезда КПСС.

Репрессии против крестьянства

Монография И.Н. Романовой [6] посвящена так называемому Лепельскому делу – противодействию всесоюзной переписи населения 1937 г. и другим мероприятиям властей со стороны жителей двух сельсоветов Лепельского района Белорусской ССР, которые в официальных документах фигурируют как «молчальники-краснодраконовцы» (Красным Драконом представители данного религиозного сообщества называли советскую власть, печатью или клеймом Красного Дракона – пятиконечную звезду). Судебные процессы в связи с этими событиями рассматриваются в более широком общественно-политическом контексте того времени, включая взаимоотношения между правящим режимом и крестьянством, принятие новой конституции, февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., «кулацкую операцию» НКВД и т.д. По стечению обстоятельств «Лепельское дело» сыграло важную роль в развертывании массовых репрессий не только в Белоруссии, но и на остальной территории Советского Союза.

В качестве источников автор использует документы органов власти разного уровня, хранящиеся в РГАСПИ, Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве Витебской области (включая материалы о настроениях населения), а также интервью крестьян Лепельского района, чье детство пришлось на изучаемый период. В приложении к книге дается небольшая подборка документов по теме исследования.

Как показано в книге, весной 1937 г. сталинское руководство попыталось найти компромисс с крестьянами и так или иначе интегрировать их в новое общество, включая и единоличников, что

было новшеством по сравнению с предшествующим периодом. В этих условиях Сталин использовал «Лепельское дело», обстоятельства которого уже были ему известны к началу февральско-мартовского пленума ЦК, как повод для развертывания массовой кампании по преследованию местных руководителей низового уровня за «перегибы» по отношению к крестьянам. Тем самым советский диктатор в очередной раз попытался выстроить себе образ «добротного царя», «защищающего» крестьян от произвола чиновников. Это, впрочем, не спасло от репрессий самих «молчаливиков-краснодраконовцев». Кроме того, уже к середине 1937 г. отношение партийной верхушки к крестьянам вновь резко изменилось, и в ходе «кулацкой операции» НКВД, проводившейся в соответствии с печально знаменитым приказом № 00447, «бывшие кулаки», наряду с подпольными религиозными группами и некоторыми другими категориями населения, вновь оказались в числе главных «врагов» советской власти.

Кампании раскулачивания в Адыгее посвящена одна из глав в книге И.И. Ващенко [1]. По подсчетам автора, на протяжении 1929–1932 гг. раскулачиванию подверглись 8 тыс. человек из 121 тыс. проживавших в республике в 1929 г., что заведомо превышало реальное количество зажиточных крестьян. Как следует из проанализированных им источников, применявшиеся властями критерии для деления крестьян на кулаков, середняков, бедняков и батраков не учитывали специфику сельского быта и менталитета, в результате чего в ссылку нередко отправлялись середняцкие и даже бедняцкие семьи. Известны случаи, когда крестьяне пытались защитить своих односельчан, попавших под раскулачивание, однако в целом в Адыгее преобладали пассивные формы сопротивления. Как заключает автор, «раскулачивание лишило крестьян самого главного – желания работать на земле» [1, с. 132].

История ГУЛАГа

Довольно разносторонний (хотя и не исчерпывающий) срез современной историографии сталинских лагерей представлен в сборнике «Переосмысление ГУЛАГа: идентичности, источники, наследие» под редакцией А. Баренберга и Э.Д. Джонсон [19]. Авторский коллектив включает в себя не только историков, но и спе-

циалистов по литературоведению, антропологии, социологии и географии, что позволило участникам предложить читателю многоаспектный и междисциплинарный взгляд на проблему. Термин «ГУЛАГ» в книге используется в широком смысле, включая Соловецкий лагерь особого назначения, позднейшие трудовые лагеря и трудовые колонии, лагеря для военнопленных и интернированных, спецпоселения.

Как отмечают составители во введении, исследование истории ГУЛАГа как таковой стало возможно лишь в конце 1980-х годов, когда ученые впервые получили доступ к архивным документам (до этого он фигурировал главным образом в литературоведческих работах, посвященных творчеству А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и других выживших узников). «Архивная революция» 1990-х годов, вопреки пессимистическим прогнозам Солженицына, предоставила в распоряжение историков значительный объем информации о различных сторонах жизни в лагерях, включая статистику численности заключённых и смертности. В то же время внимательное изучение документов породило и новые вопросы — например, о масштабах манипуляций со статистикой и методах анализа соответствующих материалов или о лагерном опыте таких категорий заключенных, как «бытовики», составлявшие большинство «населения» ГУЛАГа на протяжении большей части его истории, и уголовники-рецидивисты, численность которых была относительно небольшой, но которые длительное время занимали доминирующее положение в лагерях и колониях и оказали существенное влияние на образ жизни заключенных и их традиции. Продолжаются споры о соотношении политических и экономических факторов, влиявших на возникновение ГУЛАГа и динамику численности «спецконтингента». Важным открытием стало осознание того, что политика сталинского руководства в отношении пенитенциарной системы носила зачастую ситуативный характер и определялась текущими обстоятельствами едва ли не в большей степени, нежели какими-то долгосрочными планами. Дальнейшее изучение истории ГУЛАГа во многом затрудняют сохраняющиеся ограничения на доступ к архивам в России, Казахстане и ряде других постсоветских республик; как следствие, большое внимание в последние годы уделяется материалам из архивов Украины (книга писалась до 24 февраля 2022 г.) и стран Балтии, где в 2000-е годы

сложилась более благоприятная ситуация с доступом к документам. Недостаток архивного материала стимулирует растущий интерес исследователей к другим видам источников, включая воспоминания, устную историю, переписку, художественную литературу и др. Наконец, с увеличением временной дистанции между сегодняшним историком и прошлым, которое он изучает, становится все очевиднее, что «наиболее долговечным наследием адской системы принудительного труда в Советском Союзе» являются не столько возведенные силами заключенных промышленные и транспортные объекты, сколько «коллективная и индивидуальная травма, брошенные могилы и поломанные жизни» [19, р. 10].

Сборник содержит 12 тематических статей, объединенных в три части. В первой части «Идентичности» рассматриваются некоторые группы заключенных, судьбы которых по разным причинам до сих пор остаются малоизученными (верующие, национальные меньшинства, уголовники-рецидивисты). Во второй части «Источники» приводятся примеры того, как привлечение новых материалов позволяет серьезно обновить наши представления о сталинской пенитенциарной системе. В третьей части «Наследие» анализируется позднейшая память о ГУЛАГе и ее отражение в художественной литературе и фольклоре. Каждая из трех частей завершается обобщающей статьей, автор которой предлагает общий комментарий к остальным статьям данной части. Ниже большинство статей будут рассмотрены подробнее.

К историографии ГУЛАГа из авторов сборника обращается также Л. Виола; в своей статье она приходит к выводу, что представления историков о сталинских лагерях наиболее заметно изменились в последние лет десять. В основном это выразилось в том, что освоение новых документальных массивов, а также мемуаров, опубликованных уже в постсоветский период (по большей части это воспоминания простых узников, не принадлежавших к интеллигенции), позволяет понять, насколько разнородны были и сам ГУЛАГ как сеть исправительных учреждений, и его «население», а также насколько сильно ситуация в лагерях, колониях и спецпоселениях менялась со временем. Это вынудило ученых отказаться от выработанного «тоталитарной» школой представления о ГУЛАГе как об относительно гомогенной системе, основанного по большей части на информации о собственно исправительно-трудовых лаге-

рях конца 1930-х годов. Новые источники также показывают, что фактическое положение на местах часто разительно отличалось от инструкций и планов, издававшихся в Москве. В основном это было связано с хронической нехваткой ресурсов, включая квалифицированный персонал. Как следствие, администрация лагерей сама зависела от собственных заключенных в гораздо большей степени, чем было принято считать ранее. Автор специально отмечает, что эта новая информация не отменяет преступного характера сталинской карательной системы, поскольку «Москва полностью отдавала себе отчет об ограничениях, связанных с недостаточной управляемостью [лагерей] и о судьбе заключенных в ГУЛАГе» [21, р. 98].

В России в 2021 г. вышли под одинаковым заглавием сразу две монографии Я.А. Ждановой и М.В. Муравьевой об истории Свирского ИТЛ (Свирлага) [2; 4]. Обе книги написаны в рамках совместного исследовательского проекта, над которым авторы работали на протяжении 2015–2021 гг. В ходе длительных изысканий в целом ряде архивов, включая ГАРФ, Центральный городской архив Санкт-Петербурга, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, Ленинградский областной архив города Выборга, им удалось выявить довольно значительный массив документов, несмотря на то, что архивы Свирлага долгое время считались утраченными. Авторы предполагают, что еще большее количество документов может до сих пор оставаться на секретном хранении [4, с. 18]. Кроме этого они используют лагерные газеты изучаемого периода, хранящиеся в РНБ, а также воспоминания бывших узников Свирлага и их родственников. В ходе своей работы они выезжали в экспедиции по местам расположения бывших лагпунктов.

Основной задачей Свирлага, созданного в 1931 г., было снабжение дровами Ленинграда и его предприятий. Большинство лагпунктов размещались по берегам реки Свирь. За время существования лагеря через его подразделения прошли около 250 тыс. заключенных. Лагерь был ликвидирован в 1937 г. за нерентабельностью после того, как расположенные на его территории лесные массивы были практически полностью вырублены.

Книга Ждановой представляет собой систематическое изложение истории Свирлага, работа Муравьевой выполнена как по-

дробный справочник по структуре лагеря и различным сторонам его жизни. Обе книги сопровождаются многочисленными иллюстрациями, картами и пространными цитатами из документов и воспоминаний. Хотя в целом исследование Ждановой и Муравьевой носит описательный характер, несомненная его ценность обусловлена тем, что авторам удалось впервые собрать и систематизировать огромный фактологический материал по истории Свирлага.

К историографии отдельных лагерных комплексов относится также книга А.С. Навасардова, посвященная формированию Верхнеколымской системы расселения населения в 1932–1940 гг. Как отмечает автор, в этот период «на территории Северо-Востока СССР велось активное изучение запасов полезных ископаемых и осуществлялся переход на их промышленную разработку. В эти же годы завершается формирование производственно-лагерной иерархической структуры ГУСДС¹, а также отрабатывается механизм интенсификации и стимулирования принудительного труда в новых условиях» [5, с. 4]. Географически работа Навасардова охватывает «территорию Северо-Востока СССР площадью 2 млн 266 тыс. км² от Пенжинской губы на северо-востоке до Удской губы на юго-западе, включавшую в себя Чукотский, Корякский национальные округа, часть Хабаровского края, а также бассейны рек Колымы и Индигирки» [5, с. 4]. Исследование основано главным образом на документах Государственного архива Магаданской области. Помимо этого автор использует также обширный массив топографических карт, источники личного происхождения и другие материалы. Работа носит междисциплинарный характер и выполнена на стыке антропологической истории, истории повседневности, исторической демографии и экологии человека (автор

¹ Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР, также известное как Далъстрой – государственный трест, образованный в 1931 г. для промышленного освоения бассейна Колымы. Использовал рабочую силу заключенных нескольких исправительно-трудовых лагерей, прежде всего Северо-Восточного ИТЛ (сокр. СВИТЛ или Севвостлаг). Трест осуществлял также административные и хозяйственные функции на территории своей деятельности, которая в 1951 г. охватила около 1/7 территории СССР, включая современную Магаданскую область, Чукотский автономный округ, часть Якутии, Хабаровского края и Камчатского края, отдельные населенные пункты (совхозы) Приморского края. Ликвидирован в 1957 г.

предпочитает использовать термин «антропозкология») – дисциплины, изучающей взаимодействие человека с окружающей средой, приспособление к особенностям среды, обеспечение приемлемых условий жизни главным образом на уровне отдельных поселений и комплексов поселений.

Монография состоит из введения, четырех тематических глав и заключения. Автор последовательно анализирует место и роль Северо-Востока СССР в сталинской репрессивной политике 1930-х годов, организацию и функционирование логистических центров Дальстроя и собственно процесс формирования Верхнеколымской системы расселения в изучаемый период. Книга сопровождается подробной картой производственно-лагерной инфраструктуры Дальстроя в 1940 г. на двух листах.

Как показано в работе, освоение вновь открытых месторождений полезных ископаемых на советском Северо-Востоке сопровождалось возникновением целой сети новых поселений различного назначения. В большинстве своем эти поселения строились без какого-либо заранее продуманного плана и без учета климатических особенностей региона. Кроме того, поскольку важнейшим приоритетом властей было развитие тяжелой индустрии, промышленные предприятия возводились быстрее, чем жилые дома и объекты социальной инфраструктуры. Как результат, уровень жизни в новых поселениях был крайне низким. На положении заключенных сказывалась также откровенная дискриминация «политических» по сравнению с уголовниками.

Две статьи в сборнике «Переосмысление ГУЛАГа» описывают отдельные частные стороны лагерного быта. Э.Д. Джонсон [13] изучает практику переписки с родственниками на родном языке. Вопреки распространенному заблуждению, использование в письмах языков официально признанных народов СССР в ГУЛАГе не запрещалось, хотя на деле такие ограничения периодически вводила администрация конкретных лагерей. Кроме того, письма на языках, отличных от русского, регулярно задерживались или вовсе не доходили до адресатов из-за нехватки цензоров, владеющих этими языками. Тем не менее в доступных на сегодня архивах (в основном провинциальных российских, а также в бывших союзных республиках) сохранилось довольно большое число писем не на русском языке, в том числе с пометками цензуры, что под-

тверждает их легальный статус. Подобная практика нередко была связана с тем, что авторы писем просто недостаточно хорошо знали русский, но могла быть и сознательным проявлением своей идентичности или способом подчеркнуть эмоциональную связь с домом или родными: известны примеры, когда заключенные использовали в письмах родной язык, даже умея писать по-русски. Напротив, неизвестно ни одной попытки передать таким путём какую-либо «запрещенную» информацию, то есть родной язык не рассматривался как средство для обхода цензуры. Встречаются письма, написанные на русском языке с вкраплениями отдельных слов и выражений из родного языка автора, а также письма на разнообразных смешанных диалектах.

Г. Слейд анализирует систему репутации, принятую среди заключённых-уголовников, как центральный элемент «воровской» субкультуры. Согласно его наблюдениям, возникновение этой системы норм было во многом обусловлено такими факторами, как «размер пенитенциарной системы, частые переводы [заключённых] между лагерями, нехватка персонала, насилие среди заключённых и со стороны охраны, коррупция и широкое использование информаторов» [20, р. 84]. Сложная система репутации позволяла уголовникам организовать своеобразное самоуправление; это помогало им выживать в экстремальных условиях лагерей. Элементы этой системы продолжают существовать в местах лишения свободы в современной России и других постсоветских государствах.

Отдельные категории заключённых

В статье Дж.С. Харди рассматривается опыт православных клириков, содержащихся в 1920-е годы в Соловецком лагере [12]. Поскольку в то время это было практически единственное в СССР место содержания политических заключённых, здесь оказалось сосредоточено довольно большое число церковных деятелей. При этом отношение к ним со стороны администрации отличалось нерешительностью, так что на Соловках сформировалось довольно прочное религиозное сообщество, не имевшее аналогов в последующей истории сталинских лагерей, участники которого имели возможность частично соблюдать обряды. Этому способствовала и сама обстановка лагеря, размещенного в одном из крупнейших в

России монастырских комплексов. В конце 1920-х годов, однако, отношения внутри данного сообщества заметно осложнили трения между сторонниками митрополита Сергия (Страгородского) и иосифлянами, отвергавшими его политику безусловной лояльности по отношению к советскому руководству. В 1929 г., на фоне сталинского «великого перелома», руководство Соловецкого лагеря резко ужесточило условия содержания для священников (конфискация ряс, короткая стрижка, бритье бород, тяжелый физический труд) и стало переводить часть из них в другие места заключения. В 1930-е годы священники и монахи, еще остававшиеся на Соловках, были окончательно распределены по различным «островам» зарождающегося ГУЛАГа.

С. Грюневальд в своей статье описывает обращение с немецкими военнопленными во время Второй мировой войны и в послевоенные годы [11]. Особенностью ее исследования является использование историко-географического метода и компьютерных геоинформационных систем (ГИС) для анализа географических условий, в которых располагались лагеря военнопленных. Хотя сформированное в 1939 г. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (УПВИ, с 1944 г. Главное управление по делам военнопленных и интернированных, ГУПВИ) не являлось подразделением ГУЛАГа, при его создании во многом учитывался и использовался практический опыт, накопленный в системе исправительно-трудовых лагерей. К концу войны ГУПВИ насчитывало 4 тыс. лагерей, в которых содержались около 3 млн пленных немцев. К концу 1945 г. число пленных сократилось до 1 млн 500 тыс. – отчасти за счёт высокой смертности, отчасти за счёт репатриации негодных к работе. Остальные в большинстве своём оставались в СССР до 1949 г. Географический анализ системы ГУПВИ, однако, показывает, что характер содержания и использования военнопленных отличался от обращения с заключёнными. Лагеря военнопленных располагались в основном в европейской части СССР либо вблизи крупных промышленных центров или транспортных магистралей, в то время как значительная часть узников ГУЛАГа были изолированы на Крайнем Севере и в других труднодоступных регионах. Таким образом, основным мотивом содержания военнопленных на советской территории после окончания боевых действий был экономический: использование прину-

длительного труда пленных немцев позволяло ускорить восстановление освобожденных областей и в целом восстановление экономики после войны в условиях тяжелейшего дефицита рабочей силы из-за катастрофических военных потерь. Политический мотив (наказание немецких военнослужащих за причиненные в годы войны разрушения и страдания) также присутствовал, но не был определяющим. Лишь после 1950 г., когда большинство пленных были возвращены на родину и в СССР остались только несколько тысяч из них, лагеря ГУПВИ утратили свое экономическое значение, а оставшиеся пленники вплоть до 1956 г. использовались в основном как предмет торга в начавшейся холодной войне.

Число жертв

Вопрос о количестве погибших в результате сталинских репрессий остается предметом многолетних споров. И.А. Флиге оценивает общее число жертв террора примерно в 4 млн человек, включая не менее 1 млн 100 тыс. расстрелянных, не менее 1 млн 700 тыс. умерших в лагерях и тюрьмах и не менее 1 млн 200 тыс. умерших во время депортации и позже в спецпоселениях [10, р. 245]. С учетом того, что всего через сталинские лагеря и колонии в 1930–1955 гг. прошли 17–18 млн человек, это означает, что погиб как минимум каждый десятый заключённый [18, р. 103]. Проблема в том, что цифра 1 млн 700 тыс. погибших основана на официальных советских данных, рассекреченных в 1990-е годы, и периодически оспаривается некоторыми учеными. Наиболее радикальную альтернативную оценку несколько лет назад предложила Г. Алексопулос: по ее подсчетам, с 1930 по 1955 г. погибли 6 млн заключенных, то есть около трети от общего числа¹. Эту оценку попытался проверить М. Наконечный, используя оригинальную методику, основанную на анализе данных о досрочном освобождении заключенных по медицинским показаниям (активировке), которое на практике применялось в числе прочего для сокрытия части смертей. Эту методику он впервые представил на примере ограниченной выборки лагерей и колоний в статье, опубликованной в

¹ См. Alexopoulos G. *Illness and inhumanity in Stalin's Gulag*. – New Haven : Yale University Press, 2017. – XI, 308 p.

журнале «Критика» [17]; исследование подтвердило, что официальная статистика смертности в лагерях существенно занижена. Свою аргументацию Наконечный дополнительно уточняет и развивает в опубликованном в том же номере журнала ответе [16] на критику С.Г. Уиткрофта, который в своей статье согласился с некоторыми его доводами, но высказал сомнение в том, что активировка использовалась для целенаправленных и систематических манипуляций со статистикой [22]. Сам Наконечный характеризует свои выводы как компромиссные между завышенными оценками смертности, предложенными Алексопулос, и позицией Уиткрофта [16].

Более подробный анализ проблемы Наконечный предлагает в статье, вошедшей в сборник «Переосмысление ГУЛАГа» [18]. В этой работе он привлекает не только архивы ГУЛАГа, но и документы, отложившиеся в работе Наркомата юстиции СССР и органов прокуратуры, а также материалы из местных архивов. Проведенное им исследование показывает, что активировка действительно использовалась для манипуляций со статистикой, но масштабы таких фальсификаций менялись со временем и достигали пиковых уровней только в периоды кризисов (1932–1933, 1941–1944 и 1946–1947). В более «спокойные» годы (1934–1936, 1939–1941 и 1948–1953) практика освобождения заведомо умирающих полностью не исчезала, но применялась достаточно редко. Число смертей, исключенных таким способом из официальной статистики, по мнению автора, подсчитать довольно сложно, но сугубо предварительная оценка составляет около 800 тыс. человек. Общее число погибших лагерников, таким образом, возрастает до 2 млн 500 тысяч [18, р. 121].

В «Критике» опубликована также ответная заметка Алексопулос [7], в которой она полемизирует как с Уиткрофтом, так и с Наконечным, настаивая на корректности собственных оценок (6 млн погибших). Исследовательница обращает внимание, в частности, на то, что помимо активировки в ГУЛАГе применялись и другие способы фальсификации статистических данных, например, освобождение по амнистии. Для корректной оценки избыточной смертности, таким образом, требуется более тщательный анализ достаточно сложного комплекса показателей.

Память о репрессиях, ГУЛАГ в культуре

Отражению сталинских лагерей в отечественной культуре посвящены несколько работ в сборнике «Переосмысление ГУЛАГа». Так, в статье С.Дж. Янг исследуются особенности жанра воспоминаний о ГУЛАГе [23]. Ж. фон Цитцевитц анализирует использование природных образов в лагерной поэзии Шаламова и Н.А. Заболоцкого [24]. В статье А. Баренберга рассматривается переписка Г.Г. Демидова с Шаламовым в середине 1960-х годов [8]. Автор отмечает, что в период между выходом в свет «Одного дня Ивана Денисовича» и появлением «Архипелага ГУЛАГ» лагерная проза как литературное направление находилась еще в стадии формирования; в данном контексте полемика между Демидовым и Шаламовым имела особое значение.

Работа И.А. Флиге посвящена тому, что она называет «Некрополем ГУЛАГа» или «Некрополем террора» – массовым захоронением казненных в годы террора, заключенных и спецпоселенцев [10]. Статья представляет собой обзор более обширного «книжного» проекта, над которым в настоящее время работает автор. По замечанию Флиге, сохраняющиеся проблемы с доступом в архивы приводят к тому, что в последние годы «Некрополь террора вернулся к своему основному состоянию – неизвестным захоронениям неизвестных жертв» [10, р. 267].

В статье Т. Кирка [14] рассматривается биография А.Я. Кремса (1899–1975) – советского геолога, сыгравшего важную роль в освоении Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, а также его образ в памяти коллег и в публичном дискурсе. Статья основана на личном архиве Кремса, который до сих пор остается почти неисследованным. Судьба Кремса нетипична для советских лагерников: арестованный в 1938 г., он ни в чем не сознался и 29 мая 1939 г. был приговорён Особым совещанием к 8 годам лишения свободы после того, как в феврале того же года сфабрикованное против него «дело» развалилось в суде. Заключение отбывал в Ухтижемлаге, где довольно быстро оценили его знания и квалификацию, так что уже в 1940 г. он был освобожден досрочно (но без права покидать Ухту) и возглавил в том же Ухтижемлаге геолого-разведочный отдел. В Ухте он остался до конца жизни, несмотря на то что в 1944 г. его приговор был отменен, ограничения на сме-

ну местожительства сняты, в 1947 г. он был принят в партию, а в 1957 г. полностью реабилитирован. Как заключает Кирк на основе его архива, это было во многом связано с тем, что даже официальная реабилитация не освобождала репрессированных от предвзятого отношения. Вместе с тем в самой Ухте Кремс со временем стал местной знаменитостью, его научным достижениям и вкладу в освоение Севера посвящен значительный массив газетных и журнальных публикаций. После его смерти улица в Ухте, на которой он жил, была переименована в его честь, а в 1982 г. открылся его музей. Эволюция его публичного образа тем самым позволяет проследить, как менялось отношение властей к «неудобным» страницам истории. По заключению Кирка, в политике памяти брежневской эпохи возобладал компромиссный подход: история освоения Севера преподносилась по преимуществу в «героическом» духе, но в числе прочих прославлялись и те деятели, кто, подобно Кремсу, оказался в северных широтах в качестве заключенных. Их лагерное прошлое при этом замалчивалось, но не было секретом для значительной части местных жителей, многие из которых сами прошли через ГУЛАГ. Именно в этом контексте они воспринимали, например, памятник «Первопроходцам Севера» в Ухте. Биография Кремса и история последующего увековечения его памяти, таким образом, не только добавляют новую главу к истории ученых и инженеров в сталинских лагерях, но и показывают тесную взаимосвязь между ГУЛАГом и остальным советским обществом, а также позволяют проследить сложную эволюцию в отношении властей и населения к травматичным страницам прошлого.

К проблематике исторической памяти обращается также З. Богумил, причем с неожиданного ракурса: в своей статье она анализирует книги отзывов Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника как источник информации о влиянии экспозиций музея на представления посетителей о прошлом [9].

Что касается современной российской политики памяти, то составители сборника «Переосмысление ГУЛАГа» оценивают ее как противоречивую, поскольку правительство, с одной стороны, вкладывает немалые ресурсы в увековечение памяти жертв террора, но в то же время стремится монополизировать этот процесс, уничтожая профильные общественные организации и подавляя

низовые инициативы. «Можно предположить, – пишут Баренберг и Джонсон в послесловии, – что российские чиновники признают, что нарушения прав человека в сталинский период невозможно полностью отрицать или игнорировать, но хотят сохранить контроль над тем, как эта тема подается общественности, чтобы усилия по мемориализации не подрывали патриотическую гордость по поводу того, что они считают великими достижениями советского периода (индустриализация, победа во Второй мировой войне), не наводили на мысль о взаимосвязи с современными российскими политическими реалиями и не способствовали спонтанной массовой активности» [19, р. 288]. Тем самым формируется «удобный» образ сталинского прошлого, не связанный с настоящим и не представляющий опасности для действующей власти. Баренберг и Джонсон связывают эту политику также с тем обстоятельством, что «советские репрессии занимают центральное место в основополагающих исторических нарративах многих ближайших соседей России» [19, р. 288]. В условиях повторного ограничения доступа к архивам особое значение приобретает обращение к зарубежным документальным коллекциям и применение новых методов исследования; в тексте отмечается, однако, что российские архивные фонды, оставшиеся открытыми, изучены далеко не полностью и содержат еще немало полезной информации.

Заключение

Как видно из вышесказанного, представленные в данном обзоре публикации действительно формируют довольно разностороннюю картину репрессивной политики советского руководства в 1920-е – первой половине 1950-х годов. Читая их, поневоле лишний раз убеждаешься в том, что столь нелюбимое некоторыми коллегами «мелкотемье» при грамотной постановке исследовательских задач бывает по-своему чрезвычайно продуктивным, поскольку внимательное изучение отдельных частных сюжетов нередко может высветить гораздо более обширные тенденции. Привлечение нового документального материала и применение оригинальных методологических подходов позволяет значительно расширить наши знания об истории сталинского террора невзирая на сохраняющиеся лакуны в источниковой базе.

Примечательно, что целый ряд работ лишь с большим трудом можно отнести к какому-то одному определенному разделу истории репрессий, поскольку в действительности они созданы на пересечении нескольких тематических полей. Так, исследование Романовой сфокусировано на конкретном конфликте между властями и относительно небольшим религиозным сообществом на севере Белоруссии, но этот конфликт, как убедительно показывает автор, не только оказался важной составной частью сложной истории взаимоотношений сталинского руководства с крестьянством, но и повлиял на дальнейшее раскручивание Большого террора. Статьи Джонсон и Слейда не только описывают определенные составляющие лагерного быта (переписка на языках, отличных от русского, и система репутаций), но и являются важным вкладом в изучение опыта соответствующих категорий заключенных (представители национальных меньшинств и уголовники), так что составители сборника «Переосмысление ГУЛАГа» включили эти статьи в раздел «Идентичности» наряду с работой Харди об арестованных служителях церкви. Статья Кирка написана на стыке биографического жанра и истории памяти. Хочется надеяться, что подобные эксперименты будут продолжаться и дальше, невзирая на все многочисленные сложности и риски, с которыми историки репрессий сталкиваются сегодня.

Список литературы

1. Ващенко И.И. Коллективизация и раскулачивание в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации. – Майкоп: О.Г. Магарин, 2021. – 166 с.
2. Жданова Я.А. Свирлаг, 1931–1937. – Санкт-Петербург: Реноме, 2021. – 263 с.: ил.
3. Мишина Е.М. Время «тихого террора»: политические репрессии на Алтае в 1935 – первой половине 1937 г. – Москва: Политическая энциклопедия, 2021. – 230 с.
4. Муравьева М.В. Свирлаг, 1931–1937. – Санкт-Петербург: Реноме, 2021. – 359 с.: ил.
5. Навасардов А.С. Урбанизация и характер заселения территории Северо-Востока СССР (1932–1940). – Магадан; Санкт-Петербург: Кордис, 2021. – 262 с.
6. Романова И.Н. Клеймение Красного Дракона: 1937–1939 гг. в БССР. – Москва: Политическая энциклопедия, 2021. – 215 с. – (История сталинизма).
7. Alexopoulos G. Counting Gulag's dead and dying // *Kritika*. – 2022. – Vol. 23, N. 4. – P. 899–904. DOI: <https://doi.org/10.1353/kri.2022.0059>.

8. Barenberg A. “I would very much like to read your story about Kolyma”: Georgii Demidov, Varlam Shalamov, and the development of Gulag prose, 1965–67 // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 220–242.
9. Bogumił Z. The museum visitor book as a means of public dialogue about the Gulag past: the case of the Solovki Museum // *Kritika*. – 2022. – Vol. 23, N 2. – P. 315–338. DOI: 10.1353/kri.2022.0023.
10. Flige I. The Necropolis of the Gulag as a historical-cultural object: an overview and explication of the problem / transl. by J. von Zitzewitz // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 243–272.
11. Grunewald S. Applying digital methods to forced labor history: German POWs during and after the Second World War // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 129–154.
12. Hardy J.S. Religious identity, practice, and hierarchy at the Solovetskii Camp of Forced Labor of Special Significance // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 19–42.
13. Johnson E.D. Censoring the mail in Stalin’s multiethnic penal system: the use of languages other than Russian in Soviet inmate correspondence // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 43–66.
14. Kirk T.C. From enemy to hero: Andrei Krems and the legacy of Stalinist repression in Russia’s Far North, 1964–82 // *Russian review*. – 2023. – Vol. 82, N 2. – P. 292–306. DOI: <https://doi.org/10.1111/russ.12440>.
15. Laboratories of terror: the final act of Stalin’s Great Purge in Soviet Ukraine / ed. by L. Viola, M. Junge. – New York : Oxford univ. press, 2023. – XXIV, 211 p.: ill.
16. Nakonechnyi M. Gulag medical releases: a response to Stephen G. Wheatcroft // *Kritika*. – 2022. – Vol. 23, N 4. – P. 873–898. DOI: <https://doi.org/10.1353/kri.2022.0063>.
17. Nakonechnyi M. The Gulag’s “dead souls”: mortality of individuals released from the camps, 1930–55 // *Kritika*. – 2022. – Vol. 23, N 4. – P. 803–850. DOI: <https://doi.org/10.1353/kri.2022.0057>.
18. Nakonechnyi M. “They won’t survive for long”: Soviet officials on medical release procedure // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 103–128.
19. *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – X, 310 p.: ill.
20. Slade G. “Who are you in life?” The Gulag reputation system and its legacies today // *Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies* / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 67–90.

21. Viola L. The real Gulag: commentary on the “Identities” section // Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 91–100.
22. Wheatcroft S.G. The mortality of released prisoners and the scale of Soviet penal mortality, 1939–45 // Kritika. – 2022. – Vol. 23, N 4. – P. 851–872. DOI: <https://doi.org/10.1353/kri.2022.0058>.
23. Young S.J. Framing Gulag memoirs: a distant reading // Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 155–180.
24. Zitzewitz J. von. The role of nature in Gulag poetry: Shalamov and Zabolotsky // Rethinking the Gulag: identities, sources, legacies / ed. by A. Barenberg, E.D. Johnson. – Bloomington: Indiana univ. press, 2022. – P. 197–219.

УДК 338.244; 94(47)«1965/1990» DOI: 10.31249/hist/2024.02.03

ТУЛУПОВ Н.С.* ПАРТИЙНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЕДОМСТВЕННОСТИ: ОТ ЭПОХИ ЗАСТОЯ К ПЕРЕСТРОЙКЕ

Аннотация. В статье на основе опубликованных материалов Секретариата ЦК КПСС и документов Государственного общественно-политического архива Нижегородской области изучается взаимодействие системы партийного и государственного контроля и ведомственной системы СССР в их развитии от эпохи застоя к перестройке. В работе дается авторское определение феномена «ведомственности», которая рассматривается в трех формах – как принцип организации советской экономики, как механизм и как совокупность областей управления. Делается вывод о специфике партийного и государственного контроля, заключающейся в обеспечении существования тех недостатков советской экономики, с которыми эта система была призвана бороться.

Ключевые слова: административно-командная система; советская экономика; ведомственность; система партийного и государственного контроля; ведомственные конфликты; застой; перестройка; экономические реформы.

TULUPOV N.S. Party and State control in the conditions of Soviet «vedomstvennost»: from the era of «stagnation» to «perestroika»

Annotation. Based on the published materials of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU and documents of the State Socio-Political Archive of the Nizhny Novgorod region, the article examines the interaction of the system of party and state control and the

* © Тулупов Никита Сергеевич – студент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; vatikanpaparimski@gmail.com

system of “vedomstvennost” of the USSR in their development from the era of “stagnation” to “perestroika”. The paper gives the author's definition of the phenomenon of “vedomstvennost”, which is considered in three forms – as a principle of organization of the Soviet economy, as a mechanism and as a set of management areas. The specificity of party and state control was to ensure the existence of those shortcomings of the Soviet economy that this system was designed to combat.

Keywords: administrative and command system; Soviet economy; “vedomstvennost”; system of party and state control; departmental conflicts; “stagnation”; “perestroika”; economic reforms.

Для цитирования: Тулупов Н.С. Партийный и государственный контроль в условиях советской ведомственности: от эпохи застоя к перестройке (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 49–67. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.03

Введение

Ведомственность как феномен советской действительности очень трудно поддается идентификации, и в этом, собственно, заключается ее уникальность. Недостаточность законодательного регулирования отношений «анклавов» ведомств между собой и их центрами – министерствами компенсировалась неформальными связями между членами партийной, государственной и хозяйственной номенклатуры. Тем самым, ведомственность была «теневой» областью управления в Советском государстве.

Существующие работы преимущественно описывают ведомственную систему как часть области управления, сформированной в результате сталинской индустриализации и представляющей собой структуру министерств, предприятий, организаций производства и доставки ресурсов, сбыта продукции. Наиболее интересными в этом отношении являются работы историков О.В. Хлевнюка [14; 15] и Р.Г. Пихоя [8]. Другая часть историков сосредоточила свое внимание на негативных последствиях формирования ведомственной системы управления и стратегий ведомственной борьбы [1; 2; 4; 7], конфликтах регионов и центра [5; 16].

Анализ историографии показал, что в настоящий момент в литературе отсутствует устоявшееся определение ведомственности.

Формирование ведомственности относится к ранним этапам складывания советской государственности, однако властные структуры наиболее полно ощущали ее присутствие в каждый из периодов, ознаменованных попытками осуществления экономических реформ. Так, в материалах высших партийных органов первое критическое осмысление ведомственности встречается в период подготовки экономической реформы 1957 г. – попытки децентрализации органов управления экономикой. Н.С. Хрущев, инициируя проведение экономической реформы, при обсуждении текущего положения в общей организации промышленного производства страны на заседании Президиума ЦК назвал ведомственность «основным пороком в управлении промышленностью и строительством в нашей стране», определив ее как «негосударственный подход к решению важных народнохозяйственных задач»¹. Введение совнархозов отчасти являлось и попыткой преодоления ведомственного принципа управления экономикой.

Интересно восприятие самим первым секретарем ведомственной структуры. По Хрущеву, «все управление строится строго по ведомственной вертикали, каждое министерство неизбежно обрастает и соответствующими параллельно действующими атрибутами – различными сбытовыми и снабженческими конторами, базами, инспекциями, управлениями и т.д.»². Эта ситуация приводит к тому, что «безвозвратно теряется большое количество нужных для производства административных и инженерных кадров, значительная часть из них навсегда оседает в канцеляриях центральных организаций, пополняя собой разбухший государственный аппарат...»³. Замкнутость ведомственной структуры сказывалась на кадровом обеспечении развития экономики. Ограниченная

¹ Записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством». 27 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А.А. Фурсенко. – Москва, 2006. – С. 523.

² Там же.

³ Там же. – С. 524.

рамками одной структуры мобильность кадров является одним из наиболее явных признаков ведомственности.

Важнейшей особенностью ведомственности стало стремление отдельных структур к автономному управлению в ущерб межведомственной кооперации, которое не только приводило к дисбалансу в развитии разных сфер экономики, но и чинило препятствия для оптимизации использования государственных ресурсов. Эта особенность также отмечалась в Записке 1957 г.¹ Уже тогда ставился вопрос об увеличении эффективности контроля за деятельностью ведомств и подконтрольных им предприятий: «они (ведомства. – *Прим. авт.*) сами конкретно не знают положения на своих заводах, не берут в расчет наличие больших простоев оборудования... В результате дезорганизуется производство, выпускается много брака, снижается качество продукции, преждевременно изнашивается оборудование, появляется низкая производительность труда»². Общий контроль за ведомствами и координация их действий осуществлялись Госэкономкомиссией и высшими партийными и государственными органами (Президиумом и Секретариатом ЦК, Советом министров), в состав которых и входили представители ведомств.

Проведенный анализ литературы и источников дает нам возможность предложить свою трактовку понятия «ведомственности». По нашему мнению, феномен «ведомственности» следует рассматривать комплексно, в трех основных формах – как **принцип**, характерный для советской экономической системы, заключающийся в организационной обособленности промышленных отраслей, ведущий к формированию широко разветвленной, но при этом замкнутой структуры; как **совокупность областей управления**, представляющих собой головное ведомство и подчиненные ему структуры, каждое из которых стремится к отстаиванию собственных интересов; и как **механизм** принятия управленческих решений в рамках одной ведомственной структуры.

¹ Записка Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством». 27 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А.А. Фурсенко. – Москва, 2006. – С525.

² Там же. – С. 526.

Ведомственной же системой можно считать совокупность ведомств, в которых действует характерный механизм управления. В статье рассматривается взаимное влияние ведомственности и системы партийного и государственного контроля в их развитии от эпохи застоя к перестройке.

Особенности системы партийного и государственного контроля

Важнейшей формой партийного контроля за деятельностью производств и первичных партийных организаций являлся кадровый контроль. Практически все руководящие лица предприятий утверждались заранее в соответствующих отделах районных или городских комитетов КПСС, а выборные лица первичных организаций – на заседаниях партийных бюро или парткомов соответствующих предприятий [11, с. 14]. Главным требованием для нахождения в составе партийной организации являлась лояльность к чиновникам партийной номенклатуры, готовность исполнять их гласные и негласные распоряжения. Однако при выборе кандидата значительную роль играло и мнение руководителя предприятия – ставленника ведомства, который имел инструменты административного воздействия на первичную партийную организацию. Таким образом, должность в парторганизации была подконтрольна как партии, так и ведомству, что давало возможность пресечения всякого несогласия с производственной политикой предприятия. Поскольку принцип «коллективного руководства» не предполагал возможность конфликта между партийными органами и ведомствами, то такой «двойной» контроль за руководством предприятия приводил к формированию условий для произвола в тех вопросах, которые прямо не угрожали интересам хозяйственных и партийных элит. С развитием «теневой экономики» после реформы 1965 г. эта ситуация создала атмосферу безответственности. В Комитете партийного контроля при ЦК КПСС руководители Горьковской области, к примеру, констатировали, что «в работе с кадрами» процветает «беспринципное и либеральное отношение к оценке неправильного поведения отдельных руководящих работников» и «выдвижение и назначение на руководящие должности

работников, не обладающих высокими моральными качествами и не пользующихся уважением товарищей»¹.

Вместе с этим и само руководство предприятий жестко контролировалось со стороны районных, городских, областных комитетов и иногда ЦК партии. И если выполнение плановых показателей было инструментом контроля со стороны ведомств, то партийные органы оказывали влияние через контроль над «партийной дисциплиной». С.В. Устинкин отмечает, что «в условиях всеобщего дефицита “времен застоя” в партийных органах формировались разного рода “министерские лобби”». Местная хозяйственная элита, «имея возможность перераспределять ресурсы, реально влияла на процесс принятия политических решений» [13, с. 24–25]. Таким образом, ведомства могли контролировать партийные органы через механизмы «лоббирования» и реализации своих возможностей перераспределения хозяйственных ресурсов.

Эпоха застоя. Экономическая реформа 1965 г.

Материалы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области свидетельствуют о том, что в числе самых обсуждаемых вопросов середины 1960-х годов была затратность производства, медленное освоение проектных мощностей вновь вводимых предприятий, выпуск продукции, не имеющей сбыта². Решение данной проблемы, характерной для всех регионов, руководство страны видело в усилении партийного и государственного контроля, совершенствовании управления промышленности и образовании производственных объединений, внедрения хозрасчета, хотя именно ведомственный механизм не позволял предприятиям быстро реагировать на изменения потребностей населения, внедрять новые производственные практики. То есть все стратегии выхода из сложившегося кризиса были направлены не на решение конкретной проблемы, заключающейся в ведомственном механизме, а лишь на следствия в виде низких темпов развития промышленности.

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4795. Л. 93.; Д. 4959. Л. 72.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2103. Л. 101.

Практика реализации реформы 1965 г. показала, что проблемы, связанные с природой экономических показателей и с ведомственностью, остались нерешенными. Н. Верт выделяет следующие проявления ведомственности: «новые показатели вводились с трудом. Поощрительные фонды не смогли ... вызвать интерес к повышению эффективности производства; что же касается фонда на социальные нужды, то его использованию мешало то, что план не предусматривал обеспечение строительными материалами. Наконец, фонды самофинансирования не могли быть эффективно использованы по причине слабой координации между научными изысканиями и промышленностью...» [3, с. 435]. В постановлении Горьковского обкома КПСС, вышедшего после постановления ЦК КПСС от 22 апреля 1974 г. «О некоторых мерах по совершенствованию планирования и экономического стимулирования производства товаров легкой промышленности», подчеркивалось, что предприятия многих отраслей плохо учитывают изменения в спросе населения, вследствие чего в торговой сети находилось большое количество неходовых товаров. Товаров, не пользующихся спросом, на территории Горьковской области на 1 апреля 1974 г. было на сумму более 22 млн рублей¹. Подобная ситуация наблюдалась на протяжении всего брежневского периода².

Разросшаяся ведомственная структура, сложность ее организации не позволяли предприятию эффективно осуществлять производство товаров и затрудняли сохранение достигнутого уровня производства. Так, в отчете «о проделанной работе... по освоению производственных мощностей» за 1969 г. коллектива горьковского завода «Красная Этна» отмечается: «В течение последнего десятилетия завод не проводил реконструкцию и имел ограниченные капиталовложения. В то же время рост автомобилестроения в стране требовал ежегодного наращивания производственных мощностей... Значительная часть оборудования имеет возраст свыше 40 лет... Однако заявки завода на оборудование Министерством выполняются неудовлетворительно»³.

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3566. Л. 182.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2039. Л. 36.; ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2155. Л. 1–9.

³ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2725. Л. 39, 42.

На отдельных примерах можно представить огромный масштаб потерь, которые несла советская экономика из-за функционирования ведомственного механизма. Так, на заседании Секретариата ЦК КПСС 9 августа 1966 г. секретарь ЦК А.П. Кириленко отметил, что только в Москве на складах в 1965 г. было испорчено 60 тыс. тонн бумаги на сумму 15 млн рублей. Имея 300 ведомственных складов, министерство деревообрабатывающей промышленности не сумело создать условия для хранения бумаги. Решение возникшей проблемы Секретариат видел в сокращении тиражей новых газет и журналов¹.

Как отмечает Н. Верт, «уже с первых шагов проведения реформы стало ясно, что она представляет собой набор разрозненных и противоречивых мер. Действительно, могло ли сочетаться расширение допущенной самостоятельности предприятий с усилением административных и экономических полномочий министерств...?» [3, с. 436]. Эти проблемы власть пыталась решить через расширение и укрепление партийного и государственного контроля, велась борьба за улучшение трудовой дисциплины и использования имеющихся у предприятий резервов. Согласно информационной справке статистического управления Горьковской области от 17 марта 1966 г., внимание партийных органов было направлено «на полное освоение вновь введенных производственных фондов, более рациональное использование имеющегося оборудования, механизации и автоматизации производства, сокращения текучести кадров, сокращения потерь рабочего времени»². Бюро Горьковского обкома КПСС и облисполкома постановило «усилить контроль за работой предприятий»³. Горкомы и райкомы партии должны были усилить «руководство партийными организациями производственных объединений и промышленных предприятий, осуществлять постоянный контроль за партийными организациями и хозяйственными руководителями в работе по совершенствованию управления промышленностью»⁴.

¹ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. / гл. ред. И.А. Пермяков. – Москва : Издательство «ИстЛит», 2020. – С. 65.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2155. Л. 9.

³ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3566. Л. 183.

⁴ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3958. Л. 52.

Для улучшения контролируемости организаций «была создана обширная сеть (около 250 тыс.) комитетов народного контроля» [3, с. 445]. Согласно информационной записке Статистического управления Горьковской области, в 1981 г. 24% всех проверок на промышленных предприятиях области осуществлялись совместно с комитетом народного контроля¹. Его полномочия были достаточно широки для того, чтобы выявлять недостатки в производственном процессе, но ограничены интересами партийной номенклатуры. Достаточно сказать, что председатель первичного отделения народного контроля входил в состав партийной организации самого предприятия. Подобное «слияние» двух органов означает, что народный контроль всегда мог быть использован в интересах номенклатуры.

По устоявшемуся мнению историков [6; 12], хозяйственная реформа 1965 г., не затронувшая ведомственные механизмы, не смогла создать стимулы к эффективному труду на предприятиях, практически не сказалась на их производительности и лишь истощила экономические резервы промышленности. Несмотря на то что на некоторых партийных собраниях выступающие «обращали внимание на улучшение руководства цеховыми партийными организациями и партийными группами»², пятилетние планы выполнялись в основном за счет скрытого повышения цен, ухудшения качества продукции, приписок. Увеличивалось количество предприятий, которым не удавалось выполнить планы. Если в 1970 г. в Горьковской области их было 19, то в 1971 г. стало 56, а в 1972 г. – 90 [цит. по: 10, с. 216]. Мнимая свобода хозяйственной деятельности лишь перекладывала ответственность за нарушение планов с ведомств на отдельные производства.

Рабочая запись заседания Секретариата ЦК КПСС от 22 ноября 1966 г. иллюстрирует специфику экономического положения производств после завершения реформы. В рамках заседания обсуждался вопрос о работе партийного комитета Ореховского хлопчатобумажного комбината им. Николаевой, в котором работало более 26 тыс. человек. Секретарь парткома Шабанов отмечал, что «переход на новую систему хозяйствования помог комбинату

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 116. Л. 138–140.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1968. Л. 142.

значительно улучшить свою работу. По инициативе коллектива план 1966 г. по реализации продукции увеличен на 1 млн рублей и план прибыли – на 324 тыс. рублей»¹. При этом отмечалась «недостаточность производительности машин и станков», которые «дают продукции на уровне 80–90% от проектной мощности». Особенно тяжело обстояло дело с жильем для сотрудников, вследствие чего наблюдалась текучка кадров. В 1965 г. с комбината ушли 3455 рабочих, а принято только 2595². Министр легкой промышленности СССР Н.Н. Тарасов заявил о невозможности «развернуть жилищное строительство из-за отсутствия строительной базы и строительной организации» на комбинате и переложил ответственность на министерство строительства РСФСР³. Этот пример ярко показывает результаты хозяйственной реформы, не затронувшей ведомственную систему.

Промышленное производство ориентировалось не на удовлетворение спроса потребителей (что было бы в случае большей самостоятельности хозяйствующих субъектов), а на потребности ведомств. В постановлении Горьковского обкома КПСС от 1974 г. отмечалось, что «утверждаемые в настоящее время... вышестоящими организациями объемы производства в штуках, парах и др. не позволяют в рамках этих показателей в достаточной мере ... обеспечить выпуск товаров в соответствии... с конъюнктурой рынка, сдерживают инициативу предприятий в выпуске новых товаров»⁴. Но решение виделось в еще большем усилении контроля над предприятиями⁵. Зависимые от ведомств партийные функционеры часто саботировали это решение. Так, согласно докладу первого секретаря Горьковского обкома КПСС Ю.Н. Христораднова от 23 ноября 1979 г., «с молчаливого согласия, а порой и при активном участии партийных комитетов, некоторые предприятия и организации области добиваются корректировки плановых заданий в сторону уменьшения, в результате чего создается видимость

¹ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. – С. 107.

² Там же. – С. 108.

³ Там же. – С. 109.

⁴ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3566. Л. 180.

⁵ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3566. Л. 183.

благополучия не только с выполнением государственных планов, но и с использованием мощностей»¹. В инициативной записке, отправленной 11 августа 1965 г. в ЦК КПСС, А.Н. Шелепин раскритиковал проверку исполнения директив партии и правительства в хозяйственных органах. Приводились случаи параллелизма и дублирования, а также формального проведения проверок².

А.Ю. Сунгуров видит причину низкой эффективности многочисленных контролирующих систем в их собственной подконтрольности партийной номенклатуре [11, с. 53]. И действительно, в 1966 г. 40 министерств, ведомств, общественных организаций с нарушением установленных сроков предоставили свои отчеты и предложения в Секретариат ЦК, что в целом носило систематический характер. Так, из 80 постановлений за 1966 г., в которых были установлены конкретные сроки, своевременно исполнены лишь 37. При этом министерства и ведомства, как правило, не информировали ЦК о причинах задержки³.

Этот тезис можно расширить и сказать, что система контроля в СССР брежневского периода была неэффективной из-за более зависимого ее положения – она сама была подконтрольна не столько партноменклатуре, сколько ведомственному механизму. Расширение полномочий контрольных органов, многочисленные попытки преобразования структуры этих органов лишь подтверждают неспособность этой системы решать поставленные задачи, сводящиеся к преодолению негативных последствий функционирования ведомственной системы. Коллизии с «реформированием контроля» вызывали сомнения в составе самого их инициатора – Секретариата ЦК КПСС. На заседании 5 января 1966 г. секретарь ЦК И.В. Капитонов высказался о необходимости «решения вопроса о Комитете партийного контроля, который в связи с организацией органов партгосконтроля был реорганизован в Партийную комиссию»⁴, а затем реорганизован в органы народного контроля.

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4679. Л. 18.

² Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. – С. 278.

³ Там же. – С. 305.

⁴ Там же. – С. 21–22.

Эпоха перестройки: усиление низовой демократии и расширение контроля за процессами реформ

Кризисное состояние советской экономики на завершающих этапах эпохи застоя, во многом предопределенное ведомственностью, привело государство к неспособности координации планирования и распределения в промышленном производстве. «Фактически прекратился экономический рост... Бюрократическая машина претендовала на тотальный контроль жизни общества, но не могла обеспечить удовлетворение элементарных потребностей людей», – отмечал впоследствии М.С. Горбачев¹. Решение задачи реформирования СССР, поставленной на апрельском Пленуме 1985 г., он видел в первую очередь в модернизации производства – в «ускорении». Первоначальные планы Горбачева полностью обходили вниманием проблему реформы собственности, без которой окончательного разрушения ведомственности произойти не могло. Вместо этого в начале перестройки правительство вновь обратилось к «совершенствованию» системы контроля.

Начало первому направлению преобразований в этой сфере было положено в Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по коренному повышению качества продукции» от 12 мая 1986 г. На первых порах Госприемка давала положительные результаты: к 1987 г. выпуск продукции высшей категории качества увеличился более чем на 9% [9, с. 237]. Однако ведомственные механизмы организации производства были не способны преодолеть проблему большого дефицита товаров, борьба за их качество не имела особого смысла, так как спрос, как и в период застоя, удовлетворялся плохо.

Другое направление деятельности в системе контроля, как и прежде, было связано с борьбой за улучшение трудовой дисциплины. Потери промышленности из-за недобросовестного отношения работников к своим трудовым обязанностям были очень велики. Так, например, начальник Горьковского отделения Государственной инспекции по качеству экспортных товаров в своем выступлении в 1986 г. констатировал: «При проверке предприятий мы чаще

¹ Горбачев М.С. Понять перестройку, отстоять новое мышление // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/> (дата обращения: 12.02.2022.)

всего отмечаем такие отрицательные факторы, влияющие на качество, как... низкая культура производства и... низкая исполнительная дисциплина. Укрепив только исполнительную дисциплину, можно, не затрачивая материальных, трудовых, финансовых ресурсов, устранить 50% брака»¹.

Для оценки состояния работы с кадрами в Горьковской области в 1986–1987 гг. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС провел масштабную проверку. Выводы комиссии КПК были обозначены первым секретарем обкома на семинаре первых секретарей горкомов и райкомов партии. Среди указанных недостатков можно выделить следующие: «партийные комитеты не смогли создать единый фронт борьбы за трезвый образ жизни в каждом коллективе...», «во многих партийных организациях ... имеют место многочисленные факты объявления... за пьянство и нарушение трудовой дисциплины, взыскания без занесения в учетную карточку, которые остаются впоследствии без внимания и контроля»². Выводы, сделанные Комитетом партийного контроля в результате проведенных по всей стране проверок, предопределили необходимость поиска новых методов и подходов в работе с кадрами.

Резолюции, принятые на XIX Всесоюзной конференции КПСС, ставили в качестве важнейших задач внедрение демократических форм руководства органами власти и предприятиями через увеличение политической активности народных масс³, разграничение полномочий между партийными и государственными организациями, разрешение критики⁴. Избрание советов трудовых коллективов, ответственность перед ними руководства предприятия, выборы директоров – все это должно было делегировать контрольные полномочия от партии к коллективам предприятий. Однако декларируемые принципы зачастую не реализовывались, так

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 80. Л. 18.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 338. Л. 74–75.

³ Резолюция «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задач по углублению перестройки» // XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. : стенографический отчет : в 2 т. Т. 2. – Москва : Политиздат, 1988. – С. 113.

⁴ Резолюция «О борьбе с бюрократизмом» // XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. : стенографический отчет : В 2 т. Т. 2. – Москва : Политиздат, 1988. – С. 148.

как потеря партийными организациями и ведомственными комиссиями контролирующих функций ставили под угрозу интересы ведомств.

Частично эта проблема была решена с принятием в 1987 г. закона «О государственном предприятии (объединении)», по которому предприятия получали ограниченную автономию. Роль ведомств сводилась к подготовке контрольных цифр и формированию государственного заказа. Предприятиям давались права устанавливать заработную плату, выбирать хозяйственных партнеров, реализовывать по свободной цене продукцию, произведенную сверх госзаказа¹. При обсуждении данного закона в информационном листе экономического отдела Горьковского обкома КПСС отмечалось, что «работники министерств и центральных планирующих органов не всегда поддерживают руководителей предприятий в обновлении продукции, в проведении технической реконструкции и перевооружения производства»². После принятия закона на партийной Конференции сохранились возможности для продвижения интересов ведомств и механизмы влияния на хозяйственную деятельность предприятий. Осуществлялось это влияние, в частности, через «агентов» ведомств, продвигавших кандидатов на управляющие должности предприятия через право санкционирования состава разных структур.

В материалах комиссии ЦК КПСС по вопросам партийного строительства и кадровой политики (1989 г.) сохранились предложения «пойти на решительные шаги в направлении децентрализации кадровой работы», «делегировать широкие полномочия в решении кадровых вопросов сверху вниз — от вышестоящих нижестоящим партийным комитетам, а также по горизонтали — органам государственной власти и управления, общественным формированиям». Отмечалось, что «соображения» местных партийных комитетов «не препятствуют отправлению демократических процедур»³. На XXVIII Горьковской областной отчетно-выборной партийной конференции в декабре 1988 г. председатель

¹ Закон СССР от 30.06.1987 № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости ВС СССР. — 1987. — № 26. — С. 385.

² ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3423. Л. 38.

³ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3809. Л. 5–7.

областного совета профсоюзов отмечал, что «зачастую права советов узурпируют их президиумы, состоящие, как правило, из узкого круга руководящих работников» [цит. по: 9, с. 241].

Результат противодействия ведомств реализации законных прав трудовых коллективов иллюстрируют, например, материалы одной из проверок, проведенной в октябре 1989 г. КПК при ЦК КПСС: «коммунисты-руководители и секретари партийных организаций большинства проверенных предприятий и объединений слабо влияют на укрепление трудовой и производственной дисциплины... Значительно увеличились потери сырья и материалов, хищения государственного имущества... Партийные организации плохо используют дополнительные возможности экономической самостоятельности предприятий... Некоторые из них не учатся работать в обстановке гласности и демократии, ждут указаний “сверху” и подчас пытаются разными путями сохранить командный стиль руководства»¹.

В обстановке гласности и, хотя весьма ограниченной, но самостоятельности трудовых коллективов, влияние ведомственности существенно снижалось. На наш взгляд, это изменение можно связать с усилением контролирующих функций партийных органов. Если раньше партийный контроль во многом следовал интересам ведомств, то на поздних этапах перестройки он стал действительно самостоятельным. С 1988 г. началась децентрализация системы контроля.

Одним из решений партии по итогам XIX Всесоюзной конференции стало увеличение самостоятельности местных партийных органов. КПК принял активное участие в реализации Постановления Политбюро ЦК КПСС от 12 ноября 1988 г. «Об образовании контрольно-ревизионных комиссий в ряде партийных организаций». Политбюро приняло решение об образовании на предстоящих партийных конференциях в ряде регионов контрольно-ревизионных комиссий с целью накопления опыта работы единых контрольных органов. Главной их задачей называлось «обеспечение надежных гарантий против субъективизма, самоуправства, влияния личных и случайных обстоятельств на проведение пар-

¹ О работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (информация за октябрь 1989 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 11. – С. 32.

тийной политики, укрепление партийной и государственной дисциплины, углубление демократизма внутрипартийной жизни»¹. Во «Временном положении о контрольно-ревизионных комиссиях районных, городских, областных и краевых партийных организаций» была отдельно отмечена значимость инициативы и активности коммунистов, низовых партийных звеньев, органов общественно-государственного контроля в работе контрольно-ревизионной комиссии в соответствии с принципом внутрипартийной демократии². Деятельность контрольно-ревизионных органов не ограничивалась партийными организациями. После введения Положения КПК оставался высшей инстанцией только для ряда регионов³. Комиссиям районных, городских, областных и краевых партийных организаций были даны полномочия контроля финансово-хозяйственной деятельности всех соответствующих комитетов⁴.

С начала процесса децентрализации и усиления партийного контроля стала повышаться и его эффективность. Например, в отчете Горьковского горкома КПСС о работе по руководству перестройкой с декабря 1988 по ноябрь 1989 г. сказано, что номенклатурный подход к расстановке руководящих кадров «сегодня во многом уже преодолен... укреплены многие участки советской и хозяйственной работы»⁵.

Пошатнувшийся принцип ведомственной организации управления экономикой поставил руководство страны перед негласным выбором. С одной стороны, после полного разрушения ведомственного механизма большая часть предприятий могла не сориентироваться в новых условиях и стать еще более убыточной. С другой – стало совершенно очевидным отрицательное влияние ведомственности на развитие советской экономики. «Перестроеч-

¹ О работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС после XIX Всесоюзной партийной конференции (информация за июль – ноябрь 1988 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 1. – С. 91.

² Там же. – С. 93.

³ О некоторых вопросах работы вновь образованных контрольно-ревизионных комиссий партийных организаций // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 31–32.

⁴ Там же.

⁵ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3863. Л. 9.

ные» меры стимулирования производственной активности предприятий запустили механизм трансформации всей экономической системы. Право предприятия в части формирования фонда развития производства влекло за собой ряд трудностей, вызванных еще функционирующим ведомственным механизмом.

В аналитической справке первому секретарю Горьковского обкома КПСС (1989) отмечалось: «переход на новые методы хозяйствования высветил целый ряд проблем, тормозящих перестройку. Сложившиеся десятилетиями экономические взаимоотношения и производственные связи между предприятиями плохо или хорошо срабатывали при административно-командном методе управления промышленным комплексом... Теперь эта система стала тормозом развития производства... Созданные ранее вертикальные... внутриотраслевые... связи требуют замены на горизонтальные межотраслевые... С вводом закона о госпредприятии предприятия стали вступать в прямые, минуя министерства, договорные связи с предприятиями-смежниками. Это привело к дроблению заказов, увеличению количества договоров, сокращению маршрутных поставок. В результате... возросли затраты на перевозки»¹. Однако данное противоречие правительство М.С. Горбачева решить не успело.

Заключение

Таким образом, в эпоху застоя система контроля являлась во многом инструментом достижения ведомствами своих интересов. В эпоху перестройки увеличение роли партийного контроля в хозяйственной деятельности предприятий снизило влияние на них ведомств, что в свою очередь привело к ее полному исчезновению на рубеже 1990–1991 гг. Слабо регулировавшаяся законами, ведомственная практика стала причиной отсутствия опыта законодательного регулирования производственных отношений. Разрушение ведомственности после введения рыночных элементов в экономику через закон о кооперации привело к значительному замедлению установления горизонтальных отношений между предприятиями. Партийный и государственный контроль оказался бес-

¹ ГКУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 567. Л. 133–143.

силен в своих попытках упорядочить огромное количество возникших хаотичных связей между элементами «социалистического рынка». Это дает право выдвинуть предположение о «коллорационистском» характере системы партийного и государственного контроля: она обеспечивала существование тех недостатков советской экономики, с которыми была призвана бороться.

Список литературы

1. Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2019. – №2. – С. 63–81.
2. Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). – Москва : Наука, 1990. – 250 с.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. 2-е изд. – Москва : Прогресс-Академия, 1994. – 542 с.
4. Захарченко А.В. Ведомственный «лоббизм» в советской экономике: министерства–правительство–Госплан, 1945–1953 гг. (на примере МВД СССР) // Известия Самарского науч. центра РАН. – 2016. – Т. 18. – № 6. – С. 83–87.
5. Иголкин А.А. Энергетическая политика СССР в 1928–1940 гг. – Москва : ИРИ РАН, 2005. – 261 с.
6. Лазарева Л.Н. Экономическая реформа А.Н. Косыгина: дис. ... канд. ист. наук. – Москва : МГОУ, 2011. – 269 с.
7. Лугвин С.Б. Патримониальные черты советской бюрократии // Научные ведомости БелГУ. Серия – история, политология, экономика, информатика. – 2013. – № 8 (151). – С. 174–179.
8. Пихоя Р.Г. Советский союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 734 с.
9. Серебрянская Г.В., Горева А.М. Экономика региона в условиях реформ // Общество и власть. Российская провинция: в 6 т. Т. 6. 1986–1991 г. / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – Москва : ИРИ РАН, 2010. – С. 236–323.
10. Серебрянская Г.В., Горева А.В. Экономическая политика и развитие промышленности региона // Общество и власть. Российская провинция: в 6 т. Т. 5. 1965–1985 г. / сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – Москва : ИРИ РАН, 2008. – С. 212–312.
11. Сунгуров А.Ю. Функции политической системы и их изменения в процессе российского транзита: в 2 ч. / Кафедра прикладной политологии филиала ГУ ВШЭ. – Санкт-Петербург, 2008. – 271 с.

***Партийный и государственный контроль в условиях советской
ведомственности: от эпохи застоя к перестройке***

12. Ульянова М.В. Тенденции и противоречия реформирования экономической модели развитого социализма в СССР в 1965 – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Москва : МПГУ, 2011. – 208 с.
13. Устинкин С.В. Партийно-советская номенклатура в условиях «брежневской кадровой стабильности» // Общество и власть. Российская провинция: в 6 т. Т. 5. 1965–1985 г. / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – Москва : ИРИ РАН, 2008. – С. 14–72.
14. Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. – Москва : АСТ CORPUS, 2015. – 461 с.
15. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 478 с.
16. Хромов Е.А. Формирование ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957–1965 гг. (на примере освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции): дис. ... канд. ист. наук. – Томск: ТГУ, 2010. – 256 с.

БЕСПАЛОВА К.А. ПОРТРЕТЫ ПЕРВЫХ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ В РОССИИ. ФРАНЦУЗСКИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РКП(б) И СУДЬБЫ ИХ УЧАСТНИКОВ. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 346 с.

Ключевые слова: история коммунистического движения; французские коммунисты; история РКП(б); история франко-русских отношений.

Keywords: history of the communist movement; French communists; history of the RCP(b); the history of Franco-Russian relations.

Для цитирования Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 68–73. – Реф. кн.: Беспалова К.А. Портреты первых французских коммунистов в России. Французские коммунистические группы РКП(б) и судьбы их участников. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 346 с.

Исследование канд. ист. наук К.А. Беспаловой (УрФУ, НИИ русской культуры) посвящено малоизученной теме – деятельности французских коммунистов в России в 1918–1920 гг. Книга состоит из введения, 20 глав, приложений. Работа основана на широком круге архивных документов из хранилищ Франции и России; опубликованных источников (отечественных и зарубежных); научной литературе; источниках личного происхождения; статьях из периодики; публицистических произведениях; листовках; кино-фотодокументов; фонодокументов (например, интервью с С. Жиро, П. Паскалем, М. Боди).

Первые 11 глав посвящены организации и деятельности французских коммунистических групп в разных городах РСФСР: Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Петрограде. Остальные главы представляют собой короткие биографические очерки французс-

ких коммунистов (С. Жиро, Ж. Садуль, Р. Пети, М.-Л. Пети и др.). Особое внимание автор уделяет тому, как складывались жизненные пути французских коммунистов после роспуска их групп. Так, например, довольно обстоятельно в книге охарактеризованы биографии Жанны Лябурб и Марселя Боди.

Жанна Лябурб родилась в 1877 г. в крестьянской семье. Получив образование, она отправилась на работу в Царство Польское, здесь она познакомилась с Р. Люксембург и Ф. Дзержинским. Тогда же у нее появился интерес к революционным идеям, а также к «польскому вопросу». Молодая революционерка вступила в местную левую партию. В 1905 г. она приехала в Российскую империю, присоединилась к партии большевиков. Именно ей принадлежит идея создания «Третьего Интернационала» как организации для сплочения французов, разделявших политику и идеологию большевиков. Также она была инициатором создания в Москве французской коммунистической группы (август 1918 г.). Лябурб занимала должность секретаря группы до 1919 г. Она была командирована в Одессу для создания там коммунистической группы. Французская коммунистка писала листовки и статьи, вела революционную агитацию среди французских военнослужащих и т.п. В начале марта 1919 г. Лябурб и ряд других членов группы были арестованы и расстреляны белогвардейцами. Так закончилась жизнь этой яркой женщины-революционерки.

Еще одним активистом французского революционного движения был Марсель Боди. Он родился в 1894 г. в предместье Лиможа в семье среднего класса. В 1914 г. молодой типографский работник примкнул к Социалистической федерации Лиможа. Однако молодость и скорый призыв в армию не позволили ему проявиться на политической арене. С молодости, привлеченный творчеством Л.Н. Толстого, Боди грезил о России. Он самостоятельно изучил русский язык. Поэтому, когда во время Первой мировой войны ему предложили отправиться в Россию в качестве военного инструктора, он согласился. В Москве Марсель Боди стал свидетелем Октябрьской революции и перешел на сторону новой власти, после чего начал работу во французской секции при Отделе советской пропаганды. Также он публиковался в газете, издаваемой французской группой III-me International. Затем Боди был командирован в Киев, чтобы создать там французскую коммунистиче-

скую группу. Здесь он продолжил издательскую деятельность в газете *Drapeau rouge*.

Следующим местом работы Боди стала Одесса. Он занимался непосредственно организацией группы, не прекращая своей деятельности в Киеве. Далее Боди продолжил работу по изданию коммунистической литературы в Петрограде, здесь же выступил инициатором создания коммунистической группы, которую сам и возглавил. Боди снова занялся издательской деятельностью, переводил статьи русских коммунистических деятелей для журнала «Коммунистический интернационал». Затем он перешел на работу в Коминтерн, где возглавил отдел печати.

В 1927 г. Боди вернулся во Францию. Он вступил в компартию Франции и стал издавать газету *La Voix d'un militant*. Однако вскоре из-за партийных разногласий его исключили из партии. После этого Боди стал заниматься переводами, в том числе статей Л.Д. Троцкого, М.А. Бакунина, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина. После Второй мировой войны Боди работал в разных издательствах, умер в 1984 г.

В 1918 г. была организована Центральная федерация иностранных групп при РКП(б). Ее целью стало распространение коммунистических идей, установление связей с зарубежными коммунистами, подготовка к созданию коммунистических партий в странах Европы. Федерация объединяла людей не по национальному признаку, а по партийному. Члены этих групп должны были разделять идеи коммунизма. Автор подчеркивает, что среди французских групп были к тому же социалисты и большевики. Федерация подчинялась непосредственно ЦК РКП(б), что позволяло строго контролировать ее деятельность. Подобное интернациональное объединение, несмотря на деление на национальные группы, было нацелено на ведение большевистской пропаганды и агитации за международную солидарность, всеобщую борьбу за освобождение и социальный прогресс.

В 1918 г. была создана французская коммунистическая группа в Москве. Вначале ее членами были Ж. Лябурб, И. Арманд, Р. Барбере, А. Барбере, Н. Тюрин, Н. Тихменев, А. Эбен-Гольц. Впоследствии к ним присоединились французские военные (Ж. Садуль, П. Паскаль, Р. Пети, М. Боди, Ж. Гельфер, Р. Дейме,

Гранье, Р. Шапоан, Э. Розье). Автор приводит краткие биографические сведения о членах группы.

Основной работой московской группы была пропаганда и распространение идей большевизма. Это делалось несколькими способами. Во-первых, издавалась газета III-me International, адресованная французскому пролетариату. Главной целью издания было объяснение политики правительства большевиков и пропаганда идеи мировой революции. Во-вторых, печатались листовки, брошюры в которых проводились те же идеи. В-третьих, устраивались собрания, беседы, конференции с французами, проживающими в стране Советов. В-четвертых, члены группы готовили агитаторов, которые должны были вести пропагандистскую работу во Франции.

Еще одна группа иностранных коммунистов была организована в Одессе. Иностранная коллегия коммунистической пропаганды была создана при подпольном Одесском обкоме КП(б)У. Коллегия занималась не только пропагандой и агитацией, но и разведкой на Юге России. Основной задачей был поиск информации о военных силах стран Антанты. Что касается пропагандистской работы, то она была направлена в первую очередь на иностранных солдат и матросов. Коллегия также издавала газету Le communiste. Помимо чисто пропагандистских обращений к военным с требованием прекратить войну с большевиками в ней публиковались материалы о социализме, о европейском революционном движении, статьи о советском образе жизни.

В апреле 1919 г. была создана Киевская французская группа. Первоначально в нее вошли знакомые нам по московской группе Садуль, Боди, а также Жиро, А. и Р. Барбере, Коста, Рожер. Киевская группа издавала газету Drapeau rouge распространявшуюся среди франкоязычных граждан. Газета издавалась большим тиражом – 50 тыс. экземпляров и распространялась не только в Киеве, но и в Одессе. На французских военных судах экземпляры газеты отправлялись во Францию.

Французская группа вела активную пропагандистскую работу среди соотечественников. Работа принимала разные формы: выступления на митингах, публичные лекции, встречи и конференции.

После ликвидации Киевской организации было решено создать Новое Южное бюро Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в Харькове. Деятельность этой группы охватывала несколько направлений. Во-первых, это сбор экономических и политических сведений о странах Юго-Восточной Европы. Во-вторых, подготовка кадров для ведения пропагандистской работы за рубежом. Для этого при Южном бюро были созданы специальные подготовительные курсы. В-третьих, собиралась информация об иностранных и советских гражданах, которые вели агитационную работу за рубежом. Характерной чертой Южного бюро было то, что его члены работали не только с французской диаспорой, но и с сербским, румынским, турецким и болгарским населением.

Как пишет Беспалова, деятельность французской группы в Петрограде была не столь развернутой как в других городах. Перед группой ставились две задачи: первая – пропагандистская и издательская деятельность, вторая – оказание помощи соотечественникам, находящимся в Петрограде.

Группа принимала участие в работе журнала «Коммунистический интернационал», выходившем на нескольких языках: русском, французском, немецком и английском. Так же печатались статьи российских революционных деятелей, например, Троцкого. Значительную роль играли публикации переводов статей французских коммунистов: Сержа, Садуля, Гильбо.

Сотрудники Петроградской группы, так же как и их коллеги из Харьковской группы, занимались подготовкой к проведению Второго конгресса Коминтерна, прошедшего в августе 1920 г. В работе конгресса приняли участие социалисты Франции и несколько человек из французской группы (Садуль, Гильбо).

После конгресса Коминтерна Московская и Петроградская группы прекратили свое существование, однако часть членов этих групп продолжили свою революционную деятельность в новых условиях. Ж. Садуль, Р. Пети, М.-Л. Пети, Р. Маршан, В. Серж, А. Гильбо переехали в Берлин, надеясь на скорую социалистическую революцию. Беспалова подчеркивает, что они находились в Европе на нелегальном положении, с поддельными документами, поскольку некоторые коммунисты разыскивались французскими властями и даже были приговорены к смертной казни. Однако это

их не остановило, они продолжали заниматься революционной работой, распространяя социалистическую прессу, работая над установлением взаимоотношений между РСФСР и европейскими государствами, налаживали связи между Коминтерном и коммунистами разных стран.

К маю 1920 г. работа Центральной федерации иностранных групп была прекращена. Причину этому Беспалова видит в укреплении советской власти и военных успехах Красной армии. Судьбы членов распавшихся французских групп сложились по-разному. Некоторые из них, например, Паскаль и Боди, первоначально приветствовали советскую власть, однако жестокое подавление Кронштадтского восстания в 1921 г. заставило французских коммунистов разочароваться в идеях социализма. Они прекратили политическую деятельность и позже покинули страну. Другие, примкнувшие к большевикам, остались верными социалистическим идеалам и, несмотря на ужесточение режима, продолжили свою деятельность. Так, Садуль и Жиро стали членами ФКП и продолжили сотрудничество с советской властью.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

СЛИСКОВА В.В. ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ Н.И. КАРЕЕВА (1914–1931 гг.): СЮЖЕТЫ, ТЕМЫ, РЕСПОНДЕНТЫ. – Москва : Изд. центр РГГУ, 2022. – URL: <https://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=45481>

Ключевые слова: эго-документы; история социологии; Н.И. Кареев – историк Франции.

Keywords: ego-documents; history of sociology; N.I. Kareev – historian of France.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 74–78. – Реф. кн.: Слискова В.В. Французский диалог Н.И. Кареева (1914–1931 гг.): сюжеты, темы, респонденты. – Москва, 2022. – URL: <https://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=45481>

Реферируемая книга В.В. Слисковой (РГГУ) состоит из введения, двух глав, заключения и приложений. Широкомасштабное источниковедческое исследование основано на значительном архивном материале из хранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Франции. Приводятся цитаты и выписки из разных источников личного происхождения. Прежде всего, это переписка Н.И. Кареева с отечественными и зарубежными коллегами; информация из записных книжек историка за 1925–1930 гг. Также исследовательница использует опубликованные документы и материалы из зарубежной печати.

Следует отметить, что В.В. Слискова рассматривает два направления в научных исследованиях Н.И. Кареева: это история Франции и социология. Во введении Слискова приводит историографию жизни и творчества Кареева. Исследовательница подчер-

кивает, что отношения историка с французскими коллегами относятся к малоизученной теме.

В первой главе «Зарубежные научные контакты Н.И. Кареева: корпус источников» Слискова исследует общение историка с французскими коллегами с 1877 г. (первой научной командировки) до начала Первой мировой войны.

Автор уделяет внимание тому, как началось и развивалось научное сотрудничество Кареева с французскими историками. Кареев впервые попал за границу в 1877–1878 гг. во время работы над магистерской диссертацией. Эта работа была переведена на французский язык и вызвала много откликов у отечественных и зарубежных ученых (Фюстель де Куланжа, Ф. Саньяка, К. Маркса). Еще одной точкой соприкосновения с трудами иностранных ученых стало написание Кареевым рецензий и отзывов на их работы. Во время многочисленных зарубежных командировок историк устанавливал контакты с коллегами, например, с выдающимся французским историком Фюстель де Куланжем, с социологом Г. Тардом и другими учёными.

Кареев принимал активное участие в становлении новой науки социологии. Он не только писал работы по этой дисциплине, но и был участником Международных социологических конгрессов. Вершиной его как социолога можно назвать сотрудничество с Международным институтом социологии в Париже. Кареев был одним из инициаторов и организаторов этого учреждения, а в 1916 г. занял пост директора института. К международному сотрудничеству относится и преподавание Кареева в Русской высшей школе социальных наук в Париже.

В следующем разделе Слискова анализирует письма историка как основу его научной биографии. Корреспонденция историка хранится в нескольких архивах: ОР РГБ, СПбФ АРАН, РО ИРЛИ РАН, РГАЛИ. Автор подробно описывает фонд Кареева в этих хранилищах. Большинство документов разного рода хранится в ОР РГБ. Это переписка Кареева с коллегами, копии опубликованных и рукописных работ, материалы к научным исследованиям, записные книжки и др. Особую ценность этому разделу добавляет то, что Слискова приводит имена французских историков и социологов, состоявших в переписке с русским ученым.

Завершается первая глава разделом «Французские письма Кареева: характеристика и методика выявления». Слисковой удалось обнаружить в архивах 82 зарубежных письма, из них 59 относятся к периоду 1914–1931 г. Среди них Слискова выделяет две основные группы. Первая группа представляет собой деловую переписку с представителями разных международных научных организаций. Вторая группа – личная переписка с зарубежными коллегами.

Что касается писем, полученных Кареевым, то сохранилось 15 единиц из разных стран: Германии, Франции, Польши, Югославии. Автор особо отмечает, что письма из Германии посвящены работе Комитета по оказанию помощи нуждающимся русским подданным и репатриации Кареева в 1914 г. В письмах французских коллег затрагиваются научные вопросы: издание научных трудов, работа в международных научных организациях.

Далее уделено внимание записным книжкам историка. Благодаря им удалось установить имена нескольких французских ученых, с которыми историк состоял в переписке, но сами письма не найдены.

Во второй главе «Темы и сюжеты зарубежной переписки Н.И. Кареева» анализируется переписка историка с зарубежными коллегами. Особое внимание уделяется периоду Первой мировой войны, когда возникли объективные сложности в общении с европейскими учеными.

В первом разделе этой главы автор отмечает, что война оказала серьезное влияние на международные связи. Но даже в эти тяжелые годы не прерывалась исследовательская деятельность в странах Антанты. «Так, одной из форм научного диалога стала организация просветительских обществ, ставших площадками для популяризации знаний об истории стран-союзниц и зарубежных научных трудов. Не менее важным стало опосредованное взаимодействие, выражавшееся через публикацию и рецензирование работ» (с. 28).

Далее, основываясь на мемуарах Кареева «Прожитое и пережитое» и на его переписке с женой, Слискова описывает деятельность историка по оказанию помощи соотечественникам, оказавшимся в Германии. Начавшаяся Первая мировая война застигла историка за границей. Он провел пять недель в плену (в Дрездене

и Берлине). Но и в это сложное для него время историк принимал участие в судьбах соотечественников, которые не могли покинуть Германию. Кареев работал в Комитете по оказанию помощи нуждающимся русским. Интересным фактом, на который обращает внимание Слискова, является то, что историк был вынужден обратиться к немецким ученым Т. Шиману и К. Лампрехту, чтобы те помогли ему покинуть Германию. Это характерный момент, показывающий отношение русского историка к научным зарубежным связям. Слискова приводит цитату из заметки Кареева «Пять недель в германском плену»: «Свое право писать ему [Т. Шиману] я обосновал на нашем товариществе по науке, “своего рода братства во Христе”... я писал, что война не будет вечной, что после заключения мира должны будут восстановиться добрососедские отношения... германское правительство должно нас отпустить в Россию» (цит. по: 30).

Вернувшись из плена, Кареев участвовал в работе разных организаций, способствовавших установлению и укреплению связей между учеными разных стран. Так, например, одной из целей «Общества английского флага» было формирование образа Великобритании как союзника Российской империи. Для этого организовывались заседания, выступления, посвященные английской науке и философии. Кареев выступал с докладами по этой теме.

Продолжалось сотрудничество историка и с французскими коллегами. Основываясь на переписке, автор приводит интересные данные об этой стороне деятельности Кареева. Одним из сюжетов, рассмотренных в книге, является переписка Кареева по поводу издания книги бельгийского ученого Ж. Массара о бельгийском сопротивлении в годы Первой мировой войны.

Далее Слискова более подробно рассматривает взаимоотношения историка с французскими коллегами, специалистами по истории Франции. Так, Кареев публиковал научные и историографические статьи и рецензии на исследования французских историков. Он перевел работу французского историка Ш. Велле и написал к ней предисловие. Историк сотрудничал с авторитетными французскими журналами, такими, как *Annales historiques de la Revolution Française*, *Revue historique* и др.

Несмотря на то что в 20-е годы XX в. публикаторская активность Кареева снизилась, он продолжал поддерживать отношения

с французскими историками, пишет автор. Одним из примеров тому служит просьба иностранных коллег написать статью, анализирующую изучение истории Франции в России.

Завершает главу раздел, посвященный Карееву-социологу. В ОР РГБ хранится переписка русского учёного с зарубежными социологами, например, с американским социологом Л. Уордом, заинтересовавшимся работой Кареева «Введение в изучение социологии». Еще одним источником являются письма Ю.С. Гамбарова Карееву по поводу преподавания в Русской высшей школе общественных наук.

Как показывают документы, участие Кареева в международных социологических организациях уменьшилось. Причину этого Слискова видит в том, что в эти годы изменилась международная политическая ситуация, кроме того, в гуманитарных науках стала доминировать марксистская школа, методологию которой Кареев не разделял. Свою роль сыграл и почтенный возраст ученого.

Подводя итоги, Слискова пишет, что Кареев был одним из ведущих специалистов по истории Франции, а также одним из первых социологов. Как историк и социолог Кареев пользовался европейской известностью и авторитетом, чему способствовали, в частности, его исследования, выходившие за рубежом, а также работа в международных научных заведениях.

Революция 1917 г. внесла серьезные изменения в творчество ученого. 1920-е годы Слискова характеризует, как «затишье». Заметно сократилась переписка с европейскими коллегами. Однако к середине 1920-х годов ситуация изменилась к лучшему. Французские историки заказывали ученому статьи об изучении истории Франции в Советской России. Интересным фактом стало то, что развернувшаяся в конце 1920-х – начале 1930-х годов критика Кареева как представителя «старой буржуазной школы историков» не сказалась на его лидирующей позиции в европейской науке. Зарубежные ученые продолжали ссылаться на его труды даже после смерти Н.И. Кареева в 1931 г.

*Ю.В. Дунаева**

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.4; 94(436).08

DOI: 10.31249/hist/2024.02.05

КОМЗОЛОВА А.А.* БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ В 1867–1914: НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые исследования современных зарубежных историков, в которых анализируются различные формы бюрократической классификации, использовавшиеся в многонациональной империи Габсбургов, – переписи населения, лингвистическая стандартизация диалектов, реестры избирателей. Исследователи сходятся в том, что бюрократическая классификация, благодаря которой были определены и формально зафиксированы четкие категории национальной идентичности, способствовала более активному формированию идентификации народов Австро-Венгрии.

Ключевые слова: империя Габсбургов; Австро-Венгрия в 1867–1914 гг.; имперская бюрократия; бюрократическая классификация; национальная идентичность; перепись населения в Австро-Венгрии; реестры избирателей.

КОМЗОЛОВА А.А. Bureaucratic classification and national identity in habsburg empire in 1867–1914: recent foreign studies

Annotation. The review examines the recent studies of modern foreign historians in which various forms of the bureaucratic classification used in the multinational Habsburg Empire (population census, linguistic standardization of dialects, national registers of

* Комзолова Анна Альфредисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); lizeze@yandex.ru.

voters) are analyzed. The researchers agree that the bureaucratic classification due to which clear categories of national identity have been defined and formally fixed, accelerated more active identification of the peoples of Austria-Hungary.

Keywords: Habsburg Empire; Austria-Hungary in 1867–1914; imperial bureaucracy; bureaucratic classification; national identity; Austro-Hungarian census; voter registers.

Для цитирования: Комзолова А.А. Бюрократическая классификация и национальная идентичность в империи Габсбургов в 1867–1914: новые зарубежные исследования. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 79–85. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.05

Историографическая перспектива рассмотрения Австро-Венгрии как «тюрьмы национальностей» постепенно сменилась на ностальгическую идеализацию многонациональной монархии Габсбургов, которая начала представляться историкам едва ли не как «модель будущего объединения Европы» или «Пан-Европа в миниатюре». Соответственно, акценты в исторических исследованиях сместились с изучения культурных и национальных различий на рассмотрение объединяющих начал. Современные исследователи стремятся отойти от этих полярных и довольно поверхностных оценок, проявляя интерес к более глубокому анализу повседневных практик сосуществования различных народов Австро-Венгерского государства.

После 1867 г. в империи Габсбургов представление о национальности определялось прежде всего на основании языковой, а не религиозной практики (в отличие, например, от Османской империи). При этом ни одна из языковых (национальных) групп не составляла большинства населения ни в империи в целом, ни в Австрии или Венгрии в отдельности. Если в венгерской части монархии венгерский считался официальным языком администрации и образования, то в австрийской части, напротив, немецкий не был признан официальным государственным языком, хотя и служил главным языком коммуникации для австрийской бюрократии (и общеимперской армии). В целом австрийское государство стремилось сохранить свой ненациональный характер и не ставило

цель создать имперскую австрийскую нацию, поскольку его «государственная идея» воплощалась в идеале монархии [2, р. 986].

Австрийская конституция 1867 г. установила равенство между всеми национальностями, проживавшими на землях империи Габсбургов. Одновременно признавалось их право развивать свои языки в публичной сфере. Национальности не были обозначены, но большинство парламентариев предполагало, что они будут определяться на основе языка. Однако идеал равенства множества народов империи в основном существовал лишь в теории. Со второй половины XIX в. межнациональные конфликты в Австро-Венгрии существовали по широкому спектру вопросов, касавшихся попыток реализовать заявленное правовое равенство народов в условиях огромного регионального разнообразия империи Габсбургов и культурно-административных различий в их положении. Проблема развития прав национальностей зачастую упиралась в вопрос численной «мощи» отдельных языковых сообществ на определенных землях империи [3, р. 580; 4, р. 35–36].

С 1869 по 1910 г. в Австро-Венгрии было проведено пять переписей населения. Поскольку под управлением Габсбургов национальная принадлежность считалась прежде всего личным выбором подданных, то эти народные переписи скорее отражали языковые предпочтения и социальные стратегии отдельных индивидуумов, чем степень самоидентификации населения по отношению к той или иной нации. Вместе с тем результаты переписей в период с 1880 по 1910 г. выявили безразличие к ориентированной на национальность идентичности среди значительной части населения империи. Ответом на национальную индифферентность или, по меньшей мере, «невежество в отношении идеи нации» стало появление общественных организаций и ассоциаций, главной движущей силой которых были националистически настроенные активисты [4, р. 37; 2, р. 979].

Результаты переписи населения 1880 г. на части территории империи Габсбургов, непосредственно подконтрольной австрийской имперской короне (так называемой Цислейтании), обозначили вопрос о том, в какой мере родной язык может служить в качестве «национального дифференциатора». Эта перепись включала опрос об языке повседневного использования – «языке общей коммуникации» (Umgangssprache). В частности, в графе переписи

о языке жителям Цислейтании предлагалось выбрать лишь один вариант из следующего списка: «немецкий, богемско-моравско-словацкий, польский, русинский, словенский, сербо-хорватский, итальяно-ладинский, румынский, венгерский». Не получило официального признания и весьма распространенное в империи двуязычие. Не все жители империи Габсбургов, которые должны были указать свой язык повседневного использования, в обязательном порядке идентифицировали себя с одной из 9 этнолингвистических групп (наций), выделенных в определенные категории данной бюрократической классификацией [4, р. 33, 37–38; 3, р. 580, 581].

В монографии М. Вольф (Грацкий университет, Австрия) особое внимание уделяется тому, как в целом государственная языковая политика и, в частности, переписи населения, исследовавшие «языки общей коммуникации», оказывали влияние в долгосрочной перспективе на судьбы языков народов, проживавших на землях империи Габсбургов [4]. Как отмечает автор, статистики не проводили различия в сферах использования языка, например, в семье или на работе. Сам этот термин был заимствован из статистических исследований более раннего периода – начала XIX в. Как респонденты, так и статистики, проводившие перепись, понимали под этим язык, который преимущественно определял этничность. Во всяком случае, согласно правилам проведения данной переписи, каждый респондент имел возможность указать только один язык повседневного использования. Подобного рода переписи требовали однозначных определений, которые весьма редко соответствовали реальности на местах. Требование государства выделить единственный «язык общей коммуникации» является индикатором того, что практика переписей в целом и, в особенности переписей в монархии Габсбургов на рубеже веков, была глубоко «пропитана» представлениями о культурных различиях и, следовательно, связана с конструированием этнических классификаций как таковых [4, р. 37–38, 40].

В исследовании П. Кладивы (Остравский университет, Чехия) на примере переписей населения в Богемии – части Цислейтании – анализируется, с одной стороны, то, как государство Габсбургов осуществляло «национальную» политику, а с другой, какова была реакция активистов чешских и немецких националистических движений (польские националисты в работе не

рассматриваются), в отличие от государства признававших национальность ясной и четкой категорией. Как отмечает автор, переписи населения не являлись «формой чистого научного исследования», а скорее представляли собой «политическое поле боя в битве за представления о “настоящих” идентичностях». Определение национальности в переписях «говорит нам больше о конструкции категорий как части политической идеологии, чем о реальности в различиях [населения]». Вместе с тем переписи могли использоваться не только бюрократией, но и негосударственными политическими движениями, стремившимися создать «свои собственные конструкты социальной реальности» [1, р. 69]. Процесс «национализации» населения постепенно все более ускорялся, и это, по мнению автора, было результатом давления как со стороны националистов, так и со стороны государства Габсбургов.

Признавая, что появление определенных наций на землях Австро-Венгерской империи не было неизбежным итогом модернизации или исторической необходимости, а в значительной мере результатом их целенаправленного конструирования со стороны националистических движений и активистов, Р. Стергар (Люблянский университет, Словения) и Т. Шеер (Венский университет, Австрия) предлагают пойти еще дальше в выводах, отводя едва ли не ключевую роль в процессе нацистроительства на этих территориях собственно монархическому государству Габсбургов. Хотя это зачастую противоречило первоначальным намерениям властей, успешный процесс институализации определенных этничностей оказался своего рода побочным продуктом бюрократической модернизации, направленной на классификацию и категоризацию населения страны. К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. благодаря усилиям бюрократии Габсбургов уже были сформированы четкие категории национальной идентичности. Пытаясь классифицировать с помощью таких категорий различные сферы общественной жизни, поддающиеся статистике, представители государства помогали распространять и пропагандировать представление о том, что все жители страны относятся к той или иной нации и их принадлежность определяется на основании использовавшегося ими языка [3, р. 575, 576]. Авторы выделяют три стадии этого достаточно длительного процесса: введение стандартизации и классификации диалектов с целью сделать гражданскую и воен-

ную бюрократию более эффективной; проведение переписей населения; встраивание национальных категорий в общеимперское и региональное законодательство. Таким образом, к 1914 г. категория национальности в большей степени оказывалась не вопросом личного выбора, а требованием законодательства и властей, руководствовавшихся предположительно объективными критериями. Как полагают авторы, в определенных случаях австрийское государство действовало как «(много)национализирующееся государство» [3, р. 584, 585].

Б. Кузманы (Венский университет, Австрия) детально анализирует теорию и практику национальной принадлежности в последние десятилетия существования империи Габсбургов. В его работе рассмотрены практики выборов и связанные с этим категоризации населения в нескольких регионах австрийской части монархии – в Моравии, Буковине и Галиции, в частности, исследуются правила, которые были введены в новые местные конституции и законы о выборах. По мнению автора, введение системы выборов, основанной на национальной принадлежности выборщиков, вынудило власти империи столкнуться со сложным вопросом об определении критериев национальной принадлежности различных групп населения, и они должны были выяснять объективность субъективной идентичности граждан. Такие процедуры «поиска объективности» («объективизации»), направленные на то, чтобы примирить субъективную идентификацию индивидуума с объективным пониманием национальности, предлагали общие правила классификации различных параметров идентичности [2, р. 977].

Кузманы анализирует особенности выборных кампаний в местные представительные органы в Моравии в 1905 г., Буковине в 1910 г. и Галиции в 1914 г. Во время этих выборов не был принят принцип пропорционального представительства, однако участвовавшие в выборах местные политические партии пришли к предварительной договоренности о том, сколько депутатских мест займет каждая из национальных групп. Отдельные национальные группы выбирали своих депутатов автономно. Например, чешские избиратели могли выбрать только своих чешских представителей. Поскольку вследствие смешанного состава населения было весьма сложно поделить территории на основании национальной принадлежности, было решено ввести отдельные списки зарегистриро-

ванных избирателей по национальностям. Так, в Буковине законы о выборах предполагали создание различных курий на основе социально-экономического положения выборщиков. Нововведением стало то, что большая часть этих курий (но не все) была поделена на национальные секции. В итоге, было введено множество отдельных списков зарегистрированных избирателей: 8 в Моравии, 10 в Галиции и 15 в Буковине [2, р. 978]. Состав региональных представительных органов был хорошо сбалансированным, но формировался с помощью очень сложной выборной системы, требовавшей тщательной подготовки, особенно в отношении избирательных списков. Эти списки по национальной принадлежности составляли местные власти: в Моравии и Буковине – на основании известных им «личных обстоятельств» выборщиков, а в Галиции – на основании данных об использовавшихся выборщиками языках, указанных в последней переписи населения. Граждане, не согласные с тем, в какой национальный реестр выборщиков их включили, могли обжаловать это в органах местной администрации, а также, при определенных условиях, в высших судебных органах империи [2, р. 979, 980].

В итоге, в общем разделяя вывод Стергара и Шеер об империи Габсбургов как государстве «(много)национализирующемся», Кузмань несколько корректирует это заключение. По его мысли, имперская Австрия была «гибридом между национализирующимся государством и империей», для которого был характерен своего рода диалог между привязанностью к нации и привязанностью к империи [2, р. 986].

Список литературы

1. Kladiwa P. National classification in the politics of the state census. The Bohemian lands 1880–1930 // *Bohemia*. – 2015. – Vol. 55. – N 1. – P. 67–95.
2. Kuzmany B. Objectivising national identity: The introduction of national registers in the late Habsburg Empire // *Nations and Nationalism*. – 2023. – Vol. 29 (3). – P. 975–991.
3. Stergar R., Scheer T. Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification // *Nationalities Papers*. – 2018. – Vol. 46. – N 4. – P. 575–591.
4. Wolf M. The Habsburg monarchy's many-languaged soul. Translating and interpreting, 1848–1918 / Translated by K. Sturge. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. – 289 p.

ЭМАН И.Е.* ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ К ИТАЛИИ ФАШИСТСКОЙ. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИТАЛЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА: СОБЫТИЯ И КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. В статье представлены современные концепции итальянской и отечественной историографии по проблемам кризиса либеральных властных структур Итальянского государства, начавшегося в предвоенный период, резко обострившегося во время Первой мировой войны и продолжившегося в послевоенный период. Институциональный кризис явился одной из основополагающих причин прихода итальянского фашизма к власти в 1922 г. Предпринята попытка рассмотреть, при помощи каких средств и в какой степени фашизм смог приспособить государственные институты либеральной Италии к новой социально-политической реальности фашистского 20-летия.

Ключевые слова: Италия в Первой мировой войне; фашизм в Италии; институциональные структуры Италии; институциональный кризис в Италии.

EMAN I.E. Dall'Italia liberale all'Italia fascista. La crisi istituzionale dello Stato italiano: gli eventi e le concezioni

Abstract. The article deals with some modern concepts of Italian and domestic historiography that have emerged in the problems of the crisis of the liberal power structures of the Italian state during the First World War. The institutional crisis was one of the fundamental causes of Italian Fascism's rise to power in 1922. An attempt is made to exam-

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); mit.semikozov@mail.ru

ine by what means and to what extent fascism was able to adapt the state institutions of liberal Italy to the new socio-political reality of the fascist twentieth century.

Keywords: Italy in World War I; fascism in Italy; institutional structures in Italy; institutional crisis in Italy.

Для цитирования: Эман И.Е. От либеральной Италии к Италии фашистской. Институциональный кризис итальянского государства: события и концепции. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 86–104. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.06

Известный итальянский философ и историк Бенедетто Кроче в 1943 г. сформулировал два основополагающих тезиса возникновения фашистского режима в Италии. «Фашизм не был ни изобретением, ни желанием какого-либо одного социального класса», фашизм был «продуктом войны», «социальной депрессией», своего рода «опьянением» [цит. по: 14. р. 22], т.е. определялся рядом процессов, которые имели место практически во всех странах Европы, принявших участие в войне 1914–1918 гг. Однако именно в Италии определенная совокупность и острота кризисных явлений обеспечили победу фашизма. «31 октября было объявлено о формировании нового правительства во главе с Муссолини» [2, с. 46]. В начале 1922 г. Муссолини заявлял о конце эры свободы и начале эры тоталитарности. Он писал: «если XIX в. был веком революций, то XX в. – это век реставраций». «Век демократии умер в 1919–1920 г. Умер вместе с окончанием мировой войны, встретившись с ужасающим, необходимым и фатальным военным трофеем из миллиона погибших ...» [цит. по: 15, р. 222].

Приход фашизма к власти обозначил исторический разрыв с либеральным государством, как считал Кроче. В работах итальянских исследователей конца 1900-х и, главным образом, в 2000-х годов тезис Кроче подвергся значительной корректировке, если не сказать пересмотру. Проблема соотношения институтов итальянского либерального государства и фашистского государства с той или иной полнотой освещения всегда оставалась в фокусе внимания итальянской историографии, но в 2000-е годы с выходом работ Сабино Кассезе [11], Паоло Коломбо [13], Андреа Гуизо [19], Гуидо Мелиса [20] и др. данная проблема приобретает новое

осмысление, получает новую оценку того, что представляло собой фашистское государство. В перечисленных исследованиях предлагается ответ на вопрос: как и в какой степени институциональные структуры фашистского государства смогли (и смогли ли?) адаптировать институциональное либеральное наследие.

В обосновании причин успеха фашизма в Италии одно из первостепенных мест занимает институциональный кризис итальянского монархически-либерального государства, сильно обострившийся в годы Первой мировой войны и в послевоенное время. «Красное двухлетие» было отмечено революционным движением под влиянием Октябрьской революции в Советской России, мощным забастовочным движением рабочих, переросшим в захват фабрик и создание на промышленных предприятиях фабрично-заводских советов, стремлением крестьян к присвоению необрабатываемых государственных земель, ростом численности и влияния социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда. Однако «двухлетие» достигло своей кульминации в сентябре 1920 г. и не переросло в движение за захват власти. В конце июня 1920 г. премьер-министром Италии вновь (после перерыва) становится Джованни Джолитти, опиравшийся на широкий блок правых сил.

Историк Федерико Шабо еще в своей работе начала 1960-х годов «Современная Италия» отмечал, что послевоенный кризис к концу 1920-х годов подошел к своему окончанию, исчерпав свои возможности как сила разрушения, а фашистское движение к этому периоду не обрело масштаба значительного явления. Следовательно, не случись Первой мировой войны, развитие Италии весьма вероятно могло пойти совсем по-другому сценарию [12].

Чем объясняется успешное и достаточно быстрое продвижение фашизма к захвату власти? Одним из центральных факторов современное направление итальянской историографии, изучающее властные структуры либеральной и фашистской Италии, считает глубину и значимость надлома либеральных государственных структур Италии, остановивших ее развитие по пути либерализма и позволивших взять верх фашистскому варианту. Но смогло ли фашистское государство полностью заменить властные либеральные структуры фашистскими – этот вопрос становится одним из центральных для современной историографической повестки в

изучении фашизма, предьявляя вопросы к концепции итальянского тоталитаризма, сложившейся в современной историографии.

Группа исследователей, объединившихся вокруг журнала *Le Carte e la Storia* («Документы и История»), созданного Гуидо Мелисом и ориентированного на исследование таких секторов фашистского государства, как Совет министров, квестуры и префектуры, общее руководство, министерства, общественные организации, школа, руководящие экономические органы, особенно менеджмент ИРИ (Институт промышленной реконструкции. — *Прим. авт.*), выпустила серию работ, в которых также большое внимание было уделено деятельности культурных учреждений, артистическим объединениям, органам судебной администрации, государственным налоговым органам, колониальной администрации, антисистемным организациям и т.п.

В обобщающем труде «Несовершенная машина. Образ и реальность фашистского государства» [20] Мелис проанализировал правительственные и партийные институты, государственные и парастатальные органы, различные общества и организации по всей территории Италии, показав, как шел процесс централизации, усиления руководящих органов (правительственных и партийных), как менялись законы, нормативы, на основании которых функционировали различные институты. В центре внимания автора вопрос о «качестве фашизации» (если уместно данное словосочетание) процедур, нормативов и институтов. Мелис «предоставляет слово» фактам, документам, карьерам, счетам руководства фашистских министерств за 20 лет существования фашистской диктатуры.

Вывод, к которому приходит Мелис, таков: в оформлении институций фашистского государства превалировал континуитет (та или иная степень трансформации либеральных институций или же их сохранение) над дисконтинуитетом (институциональным разрывом с нормативами либерального государства), конформизм над реальным согласием. К примеру, Мелис показал, что даже в уголовном праве фашистского государства превалировали законоположения либерального государства.

Принципиальная позиция Мелиса заключается в том, что в период фашистского 20-летия (1922–1945) фашизму не удалось создать сильное государство, которое смогло бы полностью ин-

корпорировать итальянское общество, не удалось достичь всего того, о чем мечтали чернорубашечники и лично Муссолини. Остались на своих местах те, кого должна была заменить фашистская государственная машина – генеральные директора министерств, префекты, квесторы, судебные власти, административные суды, руководители различных учреждений, школьное начальство, главы корпораций, государственных предприятий, учреждений с государственным участием и т.д. Муссолини в целом избежал того, что сегодня называлось бы ротацией. Можно сказать, что «фашистская революция» не состоялась. Многие институты, функционировавшие в фашистский период, дожили вплоть до 25 апреля 1945 г.¹ и были ассимилированы правительственными практиками послевоенной демократической Италии.

Специалист в области изучения институциональных вопросов в период фашистского 20-летия Сальваторе Секи отметил, что концепция Мелиса произвела более значительный разлом в историографии последних лет, нежели в 1960–1970-х годах так называемая «новая» концепция истории итальянского фашизма признанного мэтра Ренцо Де Феличе, создавшего собственную школу историков, своих сторонников и последователей [22, р. 333].

Сабино Кассезе, являющийся одним из крупных экспертов по вопросам государственного и административного устройства, в работе «Фашистское государство» [11] также предложил сравнительный анализ фашистского законодательства и институций в фашистской, дофашистской, либеральной и постфашистской, республиканской Италии. Исследователь доказывает, что фашизм не был некой приостановкой, цезурой с точки зрения институционального развития страны, он не обозначил полный разрыв с либеральными структурами. Корни государственных структур фашистской Италии уходят в эпоху либерального государства, либеральные государственные структуры сосуществовали совместно с фашистскими структурами и продемонстрировали свою жизнеспособность после падения фашизма. Большая часть нормативного материала, использованного фашизмом, восходит к либе-

¹ 25 апреля 1945 г. Комитет национального освобождения Северной Италии, находившейся в Милане, санкционировал всеобщее национальное восстание и потребовал безоговорочной капитуляции Муссолини. Диктатор бежал из Милана.

ральному периоду развития страны. Так, многие нормативные положения Свода законов (Codice delle leggi), появившиеся в период между двумя мировыми войнами, включали дофашистские нормы, их кодификация являет собой постепенный переход от префашизма к постфашизму [11, р. 23–24]. По мнению Кассезе, законодательство фашистского 20-летия не заменяет, но интегрирует законодательство предшествующего периода, усиливая авторитарные элементы, которые в нем уже присутствовали. Кассезе показывает, что предшествующий фашизму режим был далек от подлинно либерального, «имел авторитарную структуру, смягченную либеральными институтами» [11, р. 15]. Следовательно, фашизму легко было воспользоваться авторитарными компонентами итальянского либерализма, превратив их в собственную силу.

С. Секи отмечает, что в построении собственной государственной системы фашизм столкнулся со сложным комплексом проблем. Необходимо было дать юридически-теоретическое оформление фашистским институтам. Однако, пишет Секи, тема государственного устройства, особенно на начальном этапе существования фашистского государства, была чужда Национальной фашистской партии. Только в конце 1930-х – начале 1940-х годов появились первые полновесные работы фашистских авторов (Карло Эспозито, Карло Костаманья), посвященные тому, что представляет собой фашистское государство с позиций его институционального оформления. В обсуждении юридических основ фашистского государства приняли участие юристы Костантино Мортати, Джузеппе Кьярелли, Франческо Эрколе, Серджо Панунцио, Альфредо Рокко и др. Согласно их исследованиям, коннотации фашистского государства включали в себя такие понятия как этическое, органичное, социальное, авторитарное, иерархическое, корпоративное, правовое, тоталитарное и т.д.

Итальянский фашизм, согласно исследованию Кассезе, прошел три стадии концентрации власти в правительственных структурах (в партийных структурах). Первая стадия относится к 1922–1925 гг., когда концентрация власти шла относительно легальным путем. С 1925 г. пошел ускоренный процесс слияния фашистской партии с государством: соответствие партийных должностей и правительственных должностей в Большом фашистском

совете, придание секретарю фашистской партии ранга министра, отмена свободы выборов и пр.

Третий этап означился персонализацией и одновременно плюрализацией власти. Каркас фашистского государства содержал в себе определенный парадокс: режим был одновременно монолитным и плюралистским, основанным на монополии государства, но одновременно ставшим колыбелью корпоративной системы [11, с. 18–20]. Режим не только включал такие компоненты, как учреждение корпораций, но и создал Добровольную милицию национальной безопасности, подчинявшуюся непосредственно главе правительства, появилась специальная служба политического надзора за работой префектов и руководителями государственных учреждений, а также магистратуры (трудовые суды) [там же]. Интеграция фашистской партии и государства находила свое воплощение в создании фашистской мифологии, ритуалов, в использовании различных коммуникативных технологий.

Фашизм стремился доказать, что его «конституционные новации не искажают Альбертинский статут¹, конституцию объединенного Итальянского государства 1861 г., а только его несколько видоизменяют, приспособлявая к новому времени» [22, р. 325]. Задача юристов, обслуживающих режим, состояла в том, чтобы доказать, что фашистское государство не отступает от идеала правового государства.

С оценкой итальянского либерализма дофашистского периода, представленной Кассезе, нельзя не согласиться. Ведущий российский исследователь итальянского фашизма Б.Р. Лопухов отмечал, что «под формой либеральной и парламентской государственности в Италии процветали личные режимы – режимы Депретиса, Криспи» [4, с. 5]. В рамках конституционно-монархического итальянского парламентаризма период 1887–1900 гг., констатирует З.П. Яхимович, характеризовался ростом авторитаризма монархии и исполнительной власти, а также чисто силовыми методами управления страной [8].

Отечественная историография разделяет точку зрения, что в период фашистского 20-летия, особенно на начальном его этапе,

¹ Статут Сардинского королевства, введенный королем Карлом Альбертом в начале революции 1848–1849 гг.

сохранялись многие институты, правовые нормы Италии эпохи либерализма. Фашистская диктатура «осуществлялась в рамках старой конституции и без изменения основных государственных законов» [2, с. 48]. Лопухов приводит слова фашистского теоретика Ф. Эрколе: «Главные столпы государства – Монархия, Церковь, Армия, Статут. Благодаря этому фашизму удастся, как он сам скажет, привить революцию к стволу старой легальности, ускорив тем самым вхождение фашизма в орбиту Конституции ...» [цит. по: 2, с. 48].

Альбертинский статут так же, как и институт монархии, дожили вплоть до образования в Северной и Центральной Италии в период оккупации этих территорий германскими войсками Итальянской социальной республики (Республика Сало), просуществовавшей с 18 сентября 1943 по 25 апреля 1945 г. Король являлся верховной законодательной инстанцией, верховным главнокомандующим итальянскими вооруженными силами, объявлял войны, заключал мирные, союзные, торговые и другие договоры, а также обладал еще рядом важных прерогатив при сравнительно скромных полномочиях палат парламента. А если иметь в виду заключение в 1929 г. Латеранских соглашений между фашистским правительством и Ватиканом, покончивших с застарелым конфликтом между римско-католической церковью и Итальянским государством, то в период фашистского 20-летия существовал, по сути, не дуализм власти, а, если так можно обозначить, «триерархия» (по аналогии с «монархией») власти. Католическая церковь в лице Папы Пия XI поддержала режим Муссолини.

Но на повестке остается главный вопрос: что представляло собой институциональное ядро фашизма, дающее основание определять Итальянское государство как фашистское, принципиально отличавшее его от либерального государства? Фашистское государство идентифицировало себя как государство тоталитарное. Однако новая итальянская историография, в свете последних исследований, ставит под вопрос, насколько применимо понятие тоталитаризма в его классической интерпретации к «итальянскому тоталитаризму» в предлагаемой новой трактовке. Институциональные структуры фашистского государства полностью ли подходят под понятие тоталитарных? Был ли фашизм тоталитарным

режимом, либо, по сути, являл собой только 20-летнюю приостановку, цезуру в поступательном либеральном развитии Италии с особой авторитарно-иерархической спецификой?

Фашистский тоталитаризм и его современная интерпретация в итальянской историографии

Кассезе в своей работе указал на необходимость развеять миф, сложившийся в итальянской историографии относительно «фашистского тоталитаризма», рассматривавшего фашизм как особую форму тоталитаризма. Собственно говоря, уже в 1960–1970-х годах обозначился пересмотр концепции тоталитаризма в работах Альберто Аквароне и Ренцо Де Феличе. Книга Эмилио Джентиле, вышедшая в 2008 г. «Итальянский путь к тоталитаризму» [17], озаглавлена так не случайно. Сам автор рассматривает фашизм прежде всего как путь к тоталитаризму. По его мнению, тоталитаризм не был целью итальянского фашистского эксперимента, это был именно путь к реализации политической концепции итальянского фашизма. Джентиле пишет о том, что Аквароне и Де Феличе отказывают в правомерности применения к фашизму понятия «тоталитаризм»¹. Муссолини использовал личную диктатуру на основе компромисса с традиционными институтами монархического государства, сохранив в неизменном виде его фундаментальные структуры. Следствием подобной политики стало превращение фашистской партии в мощный бюрократический аппарат.

Схожих позиций придерживаются, как следует из анализа их работ, Г. Мелис, С. Кассезе и в целом историографическое направление, разделяющее их подходы к исследованию источникового материала. «Фашистский тоталитаризм» рассматривается фактически как длительный эксперимент политического господства, имевший свои специфические особенности. Итальянский фашизм прокламировал построение тоталитарного фашистского государства, но своими корнями он прочно был повязан с либеральным

¹ Аквароне отмечал, что если под тоталитарным государством понимать полную интеграцию между государством и обществом, то итальянское государство никогда не было тоталитарным. См.: Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. – Torino : Einaudi, 1968. – P. 290–291.

государством и его институтами и не представлял собой исторического институционального разрыва. Можно сказать, что имеет место определенное устранение из определения фашизма понятия «тоталитаризм».

Тоталитаризм, как писала Ханна Арендт, коренным образом отличается от диктатуры и тирании. Тоталитаризму удавалось объединить массы людей, тех, кто в силу своей политической индифферентности не могли быть объединены в политические организации, профсоюзы и т.п. Тоталитаризм развеял демократическую иллюзию, что «политически индифферентные массы якобы совершенно пассивны, что они действительно нейтральны и представляют собой молчаливую основу политической жизни нации» [10, p. 312].

Согласно определениям немецкого социолога Вильгельма Зенке, стоявшего у истоков концепции тоталитаризма, тоталитаризм является «антиподом либеральной демократии». Если характерная черта последней – «многопартийность», то тоталитаризм – это «однопартийная система». «При либерализме» царит «идеологическое многообразие», при «тоталитаризме» – «идеологический конформизм» [1, с. 11]. «Либеральная демократия» предполагает минимальное вмешательство государства в экономическую жизнь, «тоталитарный режим» – всестороннее регулирование. [цит. по: 1. с. 12] Применительно к итальянскому фашизму аналогичную концепцию развивал Франческо Саверио Нитти, глава Совета министров в 1919–1920 гг., решительный противник фашизма.

Становление фашистского тоталитарного государства шло путем глубоких структурных реформ университетов и школ, кодексов гражданского состояния, системы наказаний, создания фашистских профсоюзов согласно закону от 1926 г., реформ трудового законодательства и пр. Эмилио Джентиле полагает, что представление о новом государстве, (но не его концепция), сложилось скорее всего на основе мировоззрения сквадристов¹ и прочих членов фашистской партии, но отнюдь не в джолиттианскую эпоху. Создание тоталитарного государства имело значительные, и не

¹ Сквадристы – члены фашистских боевых отрядов (squadre), в период 1921–1922 гг. осуществлявшие террор и насилие. После захвата фашистами власти (октябрь 1922 г.) были преобразованы в Добровольную милицию национальной безопасности.

столь уж важно, насколько глубокие последствия для формирования идеологии средних слоев: техников и технократов, бюрократии, юристов, которые не всегда являлись членами фашистской партии, однако сотрудничали с фашизмом и оказывали ему финансовую поддержку [16]. Институты, наследники либерального государства, такие как двухпалатный парламент, министерства, профсоюзы, государственная администрация различных уровней, провинциальная и коммунальная бюрократия, магистратуры (трудовые суды), трибуналы лишались своего оригинального содержания, либо оно просто выхолащивалось.

При сохранении внешних форм менялись методы государственного управления. Фашистское правительство заняло ведущее положение по отношению к парламенту, стояло над парламентом, не имея на то юридических оснований. Местная администрация контролировалась провинциальными фашистскими организациями, осуществлялся «политический надзор» за работой префектов и руководителями государственных учреждений. Был создан Большой фашистский совет (1922), контролировавший декреты и законопроекты перед внесением их на рассмотрение парламентом.

То, что концепция тоталитаризма закладывала своего рода мину под фашистское государство, отмечали уже в 1930-е годы исследователи, ориентированные на фашизм, поскольку данная концепция содержала очевидное противоречие между теоретическим обоснованием фашизма и его практикой, как то: противоречия в обосновании расовых вопросов, фашистской этики, абсолютизации политики, интеграции фашистской партии и государства, националистических теорий и практик и др.

Фашистская идеология являла собой своеобразное соединение взаимоисключающих антиномий, как то: аристократизм и народность, национализм и идея национальной общности фашистов, антикапитализм и идея созидательного капитала, расистское оправдание кастовости и проповедь народной общности, возведенное в канон презрение к массам и провозглашение человека труда основой фашизма. Как отметил В.И. Михайленко во введении к публикации документов Итальянской социальной республики (Республики Сало), фашистская идеология включала в себя и такие ценности, как «совершенствование человека», «создание новой более передовой цивилизации», преодоление «либеральной

бездуховности», «эгоизма», «меркантилизма», «нигилизма», «рационализма», «дефицита метафизики» [7, с. 4].

Подведем некоторые итоги. Если между фашизмом и тоталитаризмом поставить просто знак равенства, то в этом случае концепт «фашистский тоталитаризм», приравненный к политическому господству, не раскрывает специфику фашистского режима. В таком понимании «тоталитаризм» растворяет конкретный социально-политический феномен фашизма, сводя его к извечной проблеме – тирания или демократия. (По замечанию А.А. Галкина, проблему в таком ключе ставили еще философы древних полисов [1, с. 11]). Концепция в этом случае не объясняет причин возникновения фашизма, не раскрывает силы, позволившие фашизму одержать верх над либеральной демократией.

Но если при характеристике «фашистского тоталитаризма» принять как главный его компонент разрыв между дискурсом и практикой, рассматривать его как специфическую приостановку в развитии итальянского либерализма с определенными авторитарными и тоталитарными компонентами, то тогда размывается понимание самого явления «фашизм», того, как он действовал, какова была его роль в эволюции Итальянского государства между приходом к власти и его крахом. На наш взгляд, весьма интересны выводы итальянского историка Джанпаскуале Сантомассимо, к которым тот пришел еще в 1970-х годах, приведенные в работе Михайленко: «Фашистская власть – это не только полицейский режим. Но было бы серьезной ошибкой забывать о том, что он является полицейским режимом. Фашизм опирался на репрессивный аппарат на протяжении всего времени пребывания у власти. Принадлежащий фашистскому реакционному массовому режиму такие признаки, как “насилие” и “консенсус” всегда были самым тесным образом связаны между собой» [6, с. 204].

Кризис итальянского парламентаризма и правительственных структур

Кризис итальянского либерального парламентаризма начался еще до Первой мировой войны. Зарождение и утверждение фашизма следует соотносить с теми сдвигами в итальянском обществе в целом, которые имели место до и в результате Первой

мировой войны. Как отмечал историк Гаэтано Сальвемини в лекциях, прочитанных в Гарварде во время Второй мировой войны, «осуществленный Саландрой и Соннино государственный переворот в отношении парламентского большинства был практическим уроком для государственного переворота октября 1922 г.» [21, р. 114]. Согласно исследованию В.П. Любина, в годы нейтралитета (1914–1915) «произошло резкое углубление кризиса либеральной системы в Италии... Непрекращающиеся классовые схватки внутри страны заставляли итальянские “верхи” в попытке поддержания “классового мира” искать пути преобразования государственного и политического режима, новые формы и методы управления» [5, с. 171]. Спровоцированные интервентистами беспорядки «радушных майских дней» (события, связанные с майским кризисом 1915 г. – *Прим. авт.*) «нанесли непоправимый удар по устоям буржуазного либерального государства, подорвав престиж парламентской системы в Италии» [5, с. 178].

По вопросам периодизации итальянского государственного строительства представляют интерес концепции Алессандро Гуизо [19] и Сабино Кассезе [11]. Согласно Кассезе, Итальянское государство формировалось не в период «маленьких войн» Рисорджименто, а в межвоенные, мирные периоды. Как образно пишет Секи о концепции Кассезе, итальянское государство «вызрело не в траншеях, и не под бомбардировками», а является детищем мирного времени [22, р. 331]. Кассезе относит построение государства к началу периода индустриализации, т.е. после 1898 г., особенно в 1900–1915 гг., которые исследователь называет периодом гиперзаконотворчества, административной правительственной революцией и отмечает, что схожие процессы проходили во все странах, принявших участие в войне.

Гуизо предлагает иную интерпретацию, связанную с государственными реформами, с выстраиванием вертикали институциональных властных структур, но одновременно с упрощением процедур принятия решений, их численным ростом, ускорением эффективности работы руководящих органов и т.п. Историк доказывает, что эти процессы происходили именно в периоды подготовки к военным действиям, отсылая читателя к периодам правления Криспи и Джолитти и к периоду подготовки Ливийской войны. И если анализ Гуизо основывается во многом на военном,

милитаристском происхождении итальянского государства, то Кассезе делает акцент на формировании государства как социального посредника.

Война нанесла удар по парламентской системе Италии, запустив процесс определенной маргинализации итальянского парламента. Усиление государственно-бюрократического аппарата с понижением роли парламентаризма создавали объективные возможности для возникновения авторитарно-диктаторских режимов, в том числе фашистских.

Говоря об институте парламентаризма и роли парламента в политической жизни Италии, З.П. Яхимович отмечала, что парламент являлся мощным резонатором, а на определенных этапах – своеобразным камертоном сложных процессов, происходивших в итальянском государстве и обществе, отражая общественно-политический климат страны, характер действовавших политических партий и движений, особенности социального поведения и менталитета различных слоев общества. В первые послевоенные годы до прихода фашистов к власти, т.е. в 1919–1922 гг., была опробована версия либеральной демократии в форме модифицированного варианта «эры Джолитти» (1901–1913).

Парламентская практика в довоенной либеральной Италии, писал Б.Р. Лопухов, «в основном базировалась на аморфном либерализме, который, хотя и называл себя партией, но не обладал постоянной организацией, партийным печатным органом, партийными денежными фондами, партийной дисциплиной. В парламенте постоянно шла борьба между различными либеральными группировками. С другой стороны, отсутствие организованных партий приводило к частым внепарламентским кризисам, образованию широкого недееспособного правительственного большинства, к особенно широкому распространению таких явлений, как конформизм, личная клиентела» [4, с. 5].

В годы Первой мировой войны работа итальянского парламента была оторвана от работы правительства. Парламент еще собирался, но уже не столь часто, парламентский контроль значительно ослаб. По образному выражению Секи, «парламент застыл в броне риторики и непродуктивности» [22, р. 331], превратившись в «нерабочий парламент», не соответствующий требованиям военного времени.

Секи отмечает персональную неспособность сформированного в декабре 1917 г. правительства Орландо адаптироваться к требованиям особого положения в стране после разгрома итальянской армии при Капоретто 27 октября 1917 г. Правительство попыталось создать некий союз всех итальянских партий, от правых до левых, но их единство продержалось недолго. К середине декабря межпартийные разногласия вновь обострились. По инициативе группы депутатов-интервенционистов было образовано парламентское объединение национальной обороны с целью борьбы против так называемых «пораженцев» (социалистов, джолиттианцев, католиков и др.).

Что же касается послевоенного времени, следует отметить, что государственные институты, действовавшие после Первой мировой войны, уже в меньшей степени соответствовали традиционным институтам итальянского либерального государства. Во время войны произошел определенный разрыв в развитии институциональных структур Италии. Правительственная либеральная система претерпела радикальные изменения, которые не сразу были осмыслены вследствие значительных изменений в экономике, имевших место во время войны. Послевоенные европейские либеральные демократии (такие как Великобритания и Франция), демонстрировали не только глубокие изменения в государственных структурах. В период войны резко возросли prerogatives исполнительной власти. Как писал П.Ю. Рахшмир, «Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо стали своего рода “демократическими диктаторами”» [8, с. 57]. В Англии все нити управления страной сосредоточились в Военном кабинете, состоявшем из четырех человек. Во Франции Ф. Петэн, по его собственным словам, хотел «добиться для всей страны режима, аналогичного тому, какой он ввел в армии» [8, с. 57–58].

После Первой мировой войны нормой в странах Запада становится то, что в довоенное время было бы исключительной ситуацией – получение правительствами чрезвычайных полномочий. В военный период изменилась сама техника работы правительств, издание законов и принятие решений исполнительными органами проходило в сжатые сроки, как этого требовала военная обстановка.

В исследованиях Алессандро Гуизо [19] и Гуидо Мелиса [20] показано, как в период Первой мировой войны менялась форма

правительств воюющих стран, как война сказалась на работе парламентов. В руках премьер-министров и органов исполнительной власти сосредотачивалась крайняя концентрация власти. Война потребовала огромного напряжения экономического потенциала воюющих стран, создавая предпосылки для концентрации власти в руках могущественных буржуазных группировок и их политического представительства. В послевоенных культурных и политических течениях неотъемлемым элементом стали такие понятия, как «массовое общество», взаимосвязь между государством и социальными слоями, соотношение личных и общественных интересов. В обществах все менее доминировали понятия «представительства», все более – «массы, граждане, социальные страты (классы)» [22, р. 330].

После падения правительства Орландо 23 июня 1919 г. к власти пришло правительство Ф.С. Нитти, предпринявшего решительную попытку выхода из затяжного послевоенного кризиса государства – проведения радикальной политики, аналогичной довоенной политике либеральных реформ «эры Джолитти». 15 августа 1919 г. была проведена новая избирательная реформа – избирательный корпус был значительно расширен, введена пропорциональная система.

Однако поражение итальянского варианта либерализма становилось неотвратимым. Усиление государственно-бюрократического аппарата с понижением роли форм парламентаризма создавали объективные возможности для возникновения авторитарно-диктаторских режимов, в том числе фашистских. Если фашизм образца 1919 г., по определению Эмилио Джентиле, был типично «ситуационным политическим движением» [16, р. 36–37], пытающимся увязать программную разрозненность «движения площади Сан-Сеполькро»¹ с противоречивыми идеями левого интервенционизма и соединить их с «новым радикализмом средних слоев» [16, р. 78] еще до разгула «аграрного фашизма» конца 1920 – начала 1921 г., когда массовый фашистский террор захватил сельские районы Италии, то после сентября 1920 г. фашистское движение

¹ 23 марта 1919 г. в Милане в особняке на площади Сан-Сеполькро состоялось учредительное собрание фашистского Союза борьбы.

находит опору в самых широких массах итальянского общества и получает поддержку наиболее влиятельных групп правящих классов.

Опыт участия фашистского движения в парламентских выборах в ноябре 1919 г. был неудачным, фашистам не удалось провести ни одного своего депутата. Но уже спустя два года на внеочередных парламентских выборах в мае 1921 г., используя открытый террор вкупе с манипуляциями на парламентском уровне (единый Национальный блок с либералами и демократами) фашисты получили 35 депутатских мест.

28 октября 1922 г. под давлением фашистов во главе с Муссолини, организовавших «поход на Рим», кабинет Факта уходит в отставку, король Виктор Эммануил III дает согласие на формирование правительства, возглавляемого Муссолини в качестве премьер-министра. «30 октября в 10 час. 42 мин. Муссолини выходит на перрон столичного вокзала уже в роли премьера нового правительства» [3, с. 16]. «Палата депутатов на своем заседании 16 ноября значительным большинством... проголосовала за доверие правительству. Более того, именно парламент наделил правительство “чрезвычайными полномочиями” для реорганизации административного аппарата... Парламент... склонился перед силой “вооруженного плебисцита”, покупая свою жизнь ценою ее смысла» [3, с. 18].

24 декабря 1924 г. был принят закон, согласно которому премьер-министр назначается королем и ответственен только перед ним, а не перед парламентом. 31 января 1926 г. принят закон, дающий право правительству обнародовать декреты и вводить их в силу, не дожидаясь утверждения в законодательном порядке. Правительственные акты не нуждались больше в одобрении парламента. Согласно закону от 9 декабря 1928 г. Большой фашистский совет был провозглашен верховным органом режима, имеющим законодательную функцию, фактически дублирующим функцию государственного совета и парламента. В 1938 г. парламент был упразднен и заменен «палатой фашей и корпораций». С парламентской системой в Итальянском государстве было покончено.

Первая мировая война стала своего рода катализатором тенденций к ограничению прав парламента, наметившихся в предшествующий период. Во многих странах, не только в Италии, «вы-

двигался тезис об отсутствии у парламента специальной подготовки для осуществления эффективного контроля над правительством» [3, с. 56]. Во время войны почти во всех воюющих странах применялась практика «делегированного законодательства» (там же) – парламент передавал правительствам часть своих законодательных полномочий.

Первая мировая война обострила кризис парламентских структур, который совпал с кризисом идеи демократии. Старая концепция европейской либеральной демократии, по которой были нанесены удары, как со стороны коммунистической (в связи с появлением нового социалистического государства) идеологии, так и со стороны фашистской, а также факт появления массового общества вывели на первый план вопросы равенства, гражданских и политических прав и т.п., которые потребовали серьезного обсуждения и которые остаются и сейчас на острие дискуссии.

Исследование властных структур либерально-монархического и фашистского государства позволяет понять, как и при помощи каких средств и методов в обстановке острого послевоенного политического кризиса, начавшегося ранее и обострившегося в период Первой мировой войны фашизм смог осуществить то, с чем не в состоянии были справиться традиционные буржуазные политические партии, либеральные властные государственные структуры, а именно: приспособить старую систему власти к новой экономической и социальной реальности при помощи крайних средств. В фашистской Италии сохранилась монархическая форма правления и унитарная форма государственного устройства. Тем не менее «основные перемены коснулись функционирования аппарата государства – политического режима, который определяет реальные позиции государственных институтов и нередко перестраивает государственную структуру» [6, с. 160].

Список литературы

1. Буржуазные и реформистские концепции фашизма : реферативный сборник / АН СССР, ИНИОН. – Москва, 1973. – 290 с.
2. История Италии : в трех томах. Том 3. – Москва : Наука, 1971. – 273 с.
3. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. – Москва : Наука, 1977. – 296 с.

4. Лопухов Б.Р. Эволюция буржуазной власти в Италии. – Москва : Наука, 1986. – 278 с.
5. Любин В.П. Италия накануне вступления в Первую мировую войну: (На пути к краху либерального государства). – Москва : Наука, 1982. – 192 с.
6. Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1987. – 237 с.
7. Нестеров А.Г. Итальянская социальная республика. Документы эпохи. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 264 с.
8. Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. – Москва : Наука, 1981. – 181 с.
9. Яхимович З.П. Институт парламентаризма и его роль в политической жизни Италии в 60-е – начале 70-х годов XIX в. // Из истории европейского парламентаризма: Италия. – Москва : Изд-во ИВИ РАН, 1997. – С. 51–69.
10. Arendt H. The Origins of totalitarianism. – New-York : Harcourt Brace & World, 1966. – 526 p.
11. Cassese S. Lo Stato fascista. – Bologna : Il Mulino, 2010. – 150 p.
12. Chabod F. L'Italia contemporanea. – Torino : Einaudi, 1961. – 212 p.
13. Colombo P. La monarchia fascista 1922–1940. – Bologna : Il Mulino, 2010. – 264 p.
14. De Felice R. Le interpretazioni del fascismo. – Bari : Edizioni Laterza, 1961. – 220 p.
15. Gentile E. Mussolini contro Lenin. – Bari ; Roma : Laterza, 2017. – VI, 262 p.
16. Gentile E. Storia del partito fascista, 1919–1922. – Roma ; Bari : Laterza, 1989. – IX, 704 p.
17. Gentile E. Via italiana al totalitarismo. Il partito e lo Stato nel regime fascista. – Roma : Carocci, 2008. – 421 p.
18. I giuristi e il fascismo del regime / A cura di Birocchi I., Loschiavo L. – Roma : Roma Tre-Press, 2016. – 452 p.
19. Guiso A. La Guerra di Atena. Il “luogo” della Grande Guerra nell’evoluzione delle forme liberali di governo: Regno Unito, Francia, Italia. – Firenze : Le Monnier, 2017. – 397 p.
20. Melis G. La macchina imperfetta. Immagine e realtà dello Stato fascista. – Bologna : Il Mulino, 2018. – 624 p.
21. Salvemini G. Le origini del fascismo in Italia, lezioni di Harvard / a cura di Roberto Vivarelli. – Milano : Feltrinelli, 1966. – 452 p.
22. Sechi S. Il regime di guerra 1915–1918 e i prodromi dello stato fascista su alcuni recenti studi // Rivista storica italiana. – 2020. – N 1. – P. 323–339.

УДК 303.446.4; 911.375; 94(44)04–08 DOI: 10.31249/hist/2024.02.07

**БАБЕНКО О.В.* ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОРОДОВ ФРАНЦИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУ-
БЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (2015–2023)**

Аннотация. В обзоре представлены современные иностранные исследования по истории городов Франции нового и новейшего времени. Отдельные труды посвящены Парижу, Марселю и Лиону. В них анализируются такие вопросы, как перепланировка старых городов, роль властей в градостроительной политике, миграции, всплеск национализма, проблемы с санитарией и др.

Ключевые слова: историческая урбанистика; города Франции в новое и новейшее время; история Парижа; история Марселя.

BABENKO O.V. Problems of the history of French cities of modern and contemporary times: modern foreign studies (2015–2023)

Abstract. The review presents modern foreign studies on the history of cities in France of modern and contemporary times. Separate works are devoted to Paris, Marseille and Lyon. They analyze such questions as the redevelopment of old cities, the role of the authorities in urban planning policy, migration, the surge of nationalism, problems with sanitation, etc.

Keywords: Historical urbanism; cities of France in modern and contemporary times; history of Paris; history of Marseille.

Для цитирования: Бабенко О.В. Проблемы истории городов Франции нового и новейшего времени: современные зарубежные исследования (2015–2023) (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отече-

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

ственная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 105–122. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.07

В обзоре представлены англоязычные исследования по истории городов Франции нового и новейшего времени, опубликованные в 2015–2023 гг. Авторы исследований – ученые из Франции, Германии, Великобритании и США. В последние годы историческая урбанистика активно развивается: вводятся в научный оборот неизвестные ранее источники, появляются новые концепции и термины. В научной литературе подчеркивается факт постоянной трансформации городов под влиянием технического прогресса и экономического роста – они меняли свой облик, функции, правовой статус, национальную и социальную структуру населения. Мы рассматриваем исследования по различным вопросам истории городов Франции – от влияния властей на модернизацию старых городов и проведение городских мероприятий до миграционной проблемы. В некоторых из них прослеживается тенденция к критике французского колониализма и национализма на примере колониальных и расистских мотивов городского строительства и быта.

Профессор Йельского университета Эстер да Коста Мейер (США) в своей книге о перестройке Парижа [1] с критических позиций анализирует перекройку улиц французской столицы при Наполеоне III Бонапарте (1848–1870). В Париже к XIX в. были сосредоточены памятники разных эпох и народов, поэтому его облик не всегда был до конца понятен даже самим парижанам. Население города представляло собой смесь коренных жителей с большим количеством приезжих провинциалов и иностранцев, чьи доходы, уровень культуры и взгляд на столицу постоянно менялись. Как пишет автор, отношение к Парижу его жителей в 1848 г. отличалось от восприятия французской столицы в 1868 г. [1, р. 1].

Для финансовой элиты и представителей «агрессивного промышленного капитализма» перестройка Парижа была крайне необходимой. Они стремились продвигать продукцию собственного производства, для них была важна и архитектурная репрезентация результатов их труда. В целях упрощения обращения и употребления товаров и услуг градостроителем Жоржем Эженом Османом (1809–1891) создавались банки, магазины, театры и железнодорожные станции, дополненные широкими улицами и пло-

щинами. В 1853 г. Наполеон III назначил Османа префектом департамента Сена. На момент назначения ему было 44 года. Осман уже имел опыт административной деятельности – работал в должности супрефекта Нерака. Он получил неограниченные полномочия от императора и перекроил уличную сеть старого Парижа, создав оси, пронизывающие столицу и открывающие прекрасные виды на многие памятники города.

К началу градостроительной деятельности Османа упрочились позиции представителей среднего класса, получавших большие доходы от работы в промышленности и торговле. Они хотели жить в красивых домах с водопроводом, канализацией, газом и светом, в округах с тротуарами. Как отмечает автор, Париж в своем развитии отличался от других крупных европейских городов благодаря особой модернизации, а точнее – «амбициозному проекту городской реновации» Османа [1, р. 2]. Тем не менее от перестройки Парижа пострадали его простые жители. Правящая элита видела в лабиринтах центра столицы, населенных беднотой, угрозу существовавшему политическому режиму. Тысячи людей лишились жилья, когда Осман «сравнил с землей огромные жилые массивы центра города в целях строительства зданий более высокого качества» [там же]. Но в ряде случаев они получили взамен трущоб более комфортные дома, чистую питьевую воду и регулярный вывоз мусора.

Да Коста Мейер подчеркивает, что со времен Великой французской революции Париж имел целый ряд префектов, которые, несмотря на смену режимов, придерживались одной общей линии городского планирования [1, р. 11]. Все они пытались решить текущие проблемы путем создания новых улиц и перекройки отдельных участков центра города, однако единого плана перестройки всего города не имели. Осман стал первым главой столицы, воплотившим в жизнь четкие градостроительные планы императора Наполеона III; а к работам по перестройке Парижа им были привлечены архитекторы, урбанисты и ученые-гуманитарии.

Источником вдохновения для Османа мог стать, по мнению автора, американский урбанизм как пример создания зеленых улиц и огромных площадей [1, р. 21]. Многие важные проекты самого Османа были дополнены властями. Да и сам градостроитель наме-

ревался в своих творениях выразить «имперский взгляд на прошлое» [1, р. 24].

Критики обвиняли Османа в строительстве магистралей (бульвар Сен-Жермен и др.) в военных целях ввиду их большой ширины и очевидной связи с железнодорожными станциями и гарнизонами [1, р. 35]. А да Коста Мейер утверждает, что градостроительные планы императора и префекта подчинялись политическим задачам [там же]. Так, Страсбургский бульвар имел большее стратегическое значение, чем, к примеру, улица Риволи, прямолинейность которой не позволяла использовать ее во время восстаний. Более того, усилиями Османа было проведено четкое разграничение между восточными и западными округами Парижа. На западе сосредоточились интересы владельцев крупных финансовых капиталов, желавших иметь дома и конторы, которые бы подчеркивали их богатство, и все, что ассоциировалось с респектабельностью. Революционные события 1789, 1830, 1832 и 1842 гг. происходили между центральной и восточной частями Парижа. В последней проживали люди с низкими доходами.

Кроме того, префект пытался сделать из столицы «город-спектакль» в смысле его внешней «театральной» красоты. Промышленные предприятия были перемещены на окраины. Новые дома, как пишет автор, строились в абсолютистских традициях: они были вместительными и многокомнатными, имели греко-римские формы «в королевском стиле» [1, р. 39].

Перепланировка города сопровождалась разрушениями, в том числе и исторических зданий. Такое оказалось возможным при авторитарном правлении, каковым и был по сути бонапартизм [1, р. 46]. В Париже разрушения начались в эпоху Наполеона I, а Наполеон III унаследовал жесткое отношение Бонапарта к историческим памятникам. Да Коста Мейер сравнивает разрушительную политику французских императоров с перекройкой Б. Муссолини примыкавших к Ватикану районов Рима в 1930-е годы [там же].

В рамках своей градостроительной политики Осман осуществил фундаментальную перестройку острова Сите и, в частности, старого дворца французских королей (сейчас это Дворец правосудия). Он уничтожил средневековую галерею святого Луи и неоготический фасад архитектора Жозефа-Луи Дюка. После такой бездумной переделки от дворца осталась лишь «стилизация, дополненная

искусственными добавлениями времен Второй империи» [1, р. 53]. Более того, по распоряжению Османа была снесена значительная часть домов, располагавшихся на острове Сите, а их жителей вынудили переехать в другие кварталы Парижа. Да Коста Мейер полагает, что это было сделано «в целях создания пустот вокруг основных памятников» [1, р. 54].

От «обновления» Парижа пострадали и старые церкви: были снесены три часовни церкви Сен-Лё-Сен-Жиль XIII в. на Севастопольском бульваре, заменен фасад XVII в. церкви Сен-Лоран на Страсбургском бульваре, а церковь Сен-Бенуа-ле-Бетурне XIII–XVI вв. была перемещена на левый берег Сены и лишилась своего западного портала [1, р. 61]. Объектами безрассудной перестройки стали фонтан Медичи и фонтан Леда в Люксембургском саду, фонтан Невинных и Пальмовый фонтан. Как отмечает автор, парижане «плакали над разрушенным историческим центром города» [1, р. 63].

В то же время да Коста Мейер отмечает и положительные стороны деятельности Османа. Как известно, в XIX в. Париж оставался городом рек и каналов, которые помогли ему сформировать свою идентичность. Тем не менее чистая вода была роскошью – она отличалась дороговизной вследствие загрязненности водоемов. Парижане веками получали питьевую воду из сильно загрязненной Сены. Ее правый берег снабжался водой лучше, чем левый, благодаря его водоносным горизонтам и колодцам. Традиционно вода во французской столице делилась на королевскую и муниципальную. Автор подчеркивает, что Осману удалось улучшить снабжение Парижа водой, появилась еще и частная вода, которую продавали торговые компании [1, р. 159].

Власти Франции и префект Сены были готовы избавиться не только от исторических памятников, но и от парковых зон. Однако им не всегда удавалось в полной мере осуществить свои планы. Так, в 1865 г. Наполеон III распорядился уничтожить восточную и западную части Люксембургского сада. Это вызвало протесты видных политиков и представителей интеллигенции, которые понимали, что уничтожение сада принесет доход муниципалитету. В газетах публиковались соответствующие статьи. В Сенат была подана петиция в защиту сада, под которой стояли 10 тыс. подпи-

сей. Под давлением критики император согласился сохранить его западную часть [1, р. 274].

Да Коста Мейер приходит к выводу о том, что после 1871 г. Париж «оставался во власти консервативного правительства с республиканскими атрибутами...» [1, р. 325]. Политики, занимавшие видные позиции при Наполеоне III, в 1870 г. перешли на службу Третьей Французской республике. Тогда же завершилась карьера Османа как парижского градоначальника, но через семь лет он продолжил свою политическую деятельность в качестве депутата Национального собрания от Корсики.

Монографию да Коста Мейер дополняет историографическая статья заслуженного профессора Иллинойского университета Дэвида П. Джордана (США) о градостроительной деятельности Османа [5]. Она дает представление об оценках работы префекта Сены американскими и французскими учеными начала XXI в. По мнению Джордана, общий вид Парижа «заслуживает восхищения благодаря Осману» [5, р. 542]. Именно при нем в городе появились газовое освещение, бульвары, которые ограничивали движение, и новые жилые дома в центре. При этом Джордан признает, что Осман разрушил почти весь средневековый Париж. Более того, американский исследователь подчеркивает, что те объекты, которые на протяжении веков создавали неповторимый облик Парижа (Эйфелева башня, Собор Парижской богородицы, базилика Сакре-Кёр, Триумфальная арка, Консьержери и др.), не имеют к Осману никакого отношения. Тем не менее, по его утверждению, после завершения префектом градостроительных работ парижане радовались обновленному городу как своего рода «модели современности» [там же]. И эта точка зрения Джордана совпадает с мнением авторов проанализированных им монографий. Все эти книги сфокусированы на рассмотрении истории уже не существующего в наши дни центрального рынка Парижа Лезаль (*Les Halles, фр.* – залы)¹, созданного по указу короля Филиппа II Августа в 1183 г. Это самый известный парижский рынок, который со временем так разросся, что сделался «городом в городе». В течение нескольких столетий он то разрушался, то восстанавливался вплоть до его

¹ В 1973 г. рынок был снесен, на его месте сделали зеленую зону, а под ней – подземный торговый центр.

фундаментального преобразования в архитектурный комплекс из стекла и кованого железа при Османе. Градостроительная деятельность последнего привела и к созданию новых рынков из бетона, кирпича, железа, металлического литья, стекла и фрезерованных пиломатериалов [5, р. 544].

Еще одна публикация по истории Парижа принадлежит научному сотруднику Исследовательского центра постколониального наследия в Гамбурге Тане Манчено (Германия), которая рассматривает культурное наследие французской столицы как память о колониализме [6]. Она исходит из того, что европейские города имеют ландшафты, относящиеся к мировому культурному наследию, и в то же время являются «регистром колониальной амнезии» [6, р. 56]. Париж в этом смысле не исключение. В 1972 г. на сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. В Париже в список всемирного культурного наследия попали более 14 памятников и исторических мест. Самый известный – Эйфелева башня, но события, сопутствовавшие ее открытию в 1889 г., в настоящее время освещаются недостаточно объективно [6, р. 57], хотя в них нашли отражение городская и колониальная истории.

В историографии существует точка зрения, согласно которой национальная история представлена в парижском городском пространстве таким образом, что она не является ни антиколониальной, ни антирасистской [6, р. 61]. Манчено соглашается с ней. По ее мнению, Париж выстроен таким образом, что трудно понять, где заканчивается выставочное пространство колониального значения и начинается реальный город [6, р. 62].

На рубеже XIX–XX вв. произошли события, сформировавшие у французов представление о национальном использовании культурного наследия. В частности, в 1889 г. во время Всемирной выставки в Париже люди могли гулять на улице Наций, где колониальные власти выстроили павильоны в национальном стиле. Выставка была в числе мероприятий, приуроченных к столетию Великой французской революции, которые имели вид празднований имперских достижений. Во время этих торжеств, как пишет Манчено, «колониальное насилие романтизировалось» [6, р. 63]. На Всемирной выставке были представлены выходцы из французских колоний, помещенные в искусственно созданные в выставоч-

ном пространстве модели городов и клетки для лицезрения их белым населением. Самая большая экспозиция именовалась «негритянской деревней» – на ней были представлены 400 африканцев. Жители французских колоний черной Африки, главным образом Сенегала, соседствовали с выходцами из южного Вьетнама и представителями Новой Каледонии. Автор называет эту выставку «расистской» и пишет, что ее кульминацией было ночное представление под названием «Канакский танец», сыгранное танцорами из голландской колонии – с острова Ява [там же].

На рубеже XIX–XX вв. Париж, по утверждению Манчено, превращался в «плантацию колониальных фантазий», на которой создавались расистские стереотипы [там же]. Даже после подписания в 1827 г. первого документа об отмене рабства празднования, чествующие колониальный экспансионизм, проводились в столице Франции довольно часто. В 1877–1912 гг. были организованы, по крайней мере, 30 выставок с участием жителей французских колоний, которые посетили приблизительно 30 миллионов туристов. Они проходили в ботанических садах и зоопарках, музеях, во время различных фестивалей.

Всемирные выставки способствовали культивации колониального общества и использовались для насаждения национализма в стране. С точки зрения автора, противоречия между универсализмом республиканской Франции и подчеркиванием данности колониализма были очевидными [6, р. 64]. Для контраста с выставками, представлявшими жителей французских колоний, создавались павильоны, посвященные европейской архитектуре. Париж на протяжении долгого времени переживал жилищный кризис. В целях его преодоления во время Всемирной выставки 1889 г. было создано «Французское общество жилья *à bon marché*¹». Вскоре начали строиться высотные дома большой длины в северных округах Парижа, а позднее – в его пригородах.

После Второй мировой войны во французской столице создавались однотипные дома под названием «Большие ансамбли» (*Grands ensembles*), которые, однако, характеризовались ограниченным внутренним пространством. В 1950 г. начатый в конце

¹ Термином «*à bon marché*» (*фр.* дешевый) обозначалось жилье для рабочих.

XIX в. проект создания доступного жилья получил наименование «дешевое жилье» (*habitations à loyers modérés*).

Как пишет автор, расистское деление Парижа, продемонстрированное на Всемирных выставках, нашло свое отражение в планировке таких колониальных городов-портов, как Алжир и Рабат [6, р. 66]. Французы построили в них европейские кварталы, не имевшие связей с местной арабской культурой. Кроме того, протяженные бульвары этих городов создавались в военных целях — они должны были соединять госпитали с казармами и препятствовать возведению баррикад. Колониальные власти пытались построить цивилизованные города, свободные от прежних традиций. А улицы североафриканских столиц переименовывались в честь известных французов [6, р. 67].

Манчено приходит к выводу, что урбанистика тесно связана с колониальной историей [6, р. 70]. Так, парижское городское планирование отразилось на планировке столичных городов французских колоний. А события колониального времени и постколониальные памятники Парижа позволяют составить карту размещения колониальной администрации [там же].

Проблемам истории другого крупного города Франции, Марселя, посвящена монография профессора Ноттингемского университета Николаса Хьюитта (Великобритания) [4]. Он рассматривает историю города сквозь призму произведений представителей творческой интеллигенции, которые на протяжении XIX–XX вв. формировали представление о Марселе у французов и иностранцев. Книга Хьюитта — одно из первых англоязычных исследований, знакомящее читателей с писателями, артистами и художниками, которые сделали Марсель притягательным культурным центром. Возникшие в то время художественные характеристики создали и поддерживали его образ как грязного и опасного места или, по заключенному в названии монографии выражению автора, «злого города».

В начале своего исследования Хьюитт приводит следующий факт: в 1939 г. из Парижа в Марсель прибыл первый поезд, пассажиры которого, едва увидев город, заключили, что он не французский. Автор подчеркивает, что в то время Марсель был вторым городом Франции по численности населения (более

900 тыс. жителей)¹ и «воротами» в ее колониальные имперские владения [4, р. 2].

Обращаясь к истории Марселя, Хьюитт пишет, что это старейший город Франции, основанный торговцами из Фокеи в 600 г. до н.э. [там же]. На протяжении многих веков сохранялся имидж Марселя как самого космополитичного города Франции ввиду успешной ассимиляции местным населением мигрантов. Помимо каталонцев и испанцев, пьемонтцев и неаполитанцев, в городе проживали беженцы из южного и восточного Средиземноморья, включая евреев и арабов из Северной Африки, выходцы из западной Африки, армяне из Турции и др. У всех были свои обычаи и традиции, однако, как утверждает автор, они относительно гармонично сосуществовали на местной почве [там же].

В XIX–XX вв. Марсель, по мнению Хьюитта, был, безусловно, во многом обязан Парижу [4, р. 10]. Власти Франции проявляли заботу о Марселе в период II Империи, покорения Алжира, строительства нового марсельского порта и его перепланировки, во время проведения модернизации города после деколонизации страны и даже в первом десятилетии XXI в.

На протяжении XIX столетия население Марселя постоянно увеличивалось. Если в 1816 г. оно составляло 107 000 человек, то в 1848 г. – 183 186 жителей [4, р. 16]. Этому способствовали основные функции города-порта. В источниках есть информация о том, что в 1817 г. порт Марсель посетили корабли всех стран мира. Самым густонаселенным был портовый район, в котором жили рыбаки. Строители и каменщики проживали в анклав, именовавшемся сначала корсиканским, а позднее – итальянским. Аристократия и буржуазия занимали малонаселенные районы Нового города.

У Марселя есть собственный имидж, который создали железнодорожные и судоходные компании, актеры Ремю и Фернандель, и который нашел отражение в местных анекдотах и газетных комиксах, а также в популярных песнях композитора Венсана Скотто, звучавших, в частности, на колониальной выставке 1906 г. Хьюитт констатирует, что город навсегда вписан в коллективную

¹ В настоящее время вторым городом Франции по численности населения является Лион.

память Запада благодаря национальному гимну Франции под названием «Марсельеза» (то есть «марсельская») – революционной песне, написанной в 1792 г. [4, р. 24]. Название этой песни происходит от Марсельского добровольческого батальона, во время марша которого парижане впервые ее услышали. А одной из наиболее популярных у туристов достопримечательностей города является памятник «Марсельезе».

Литературные репрезентации Марселя слились в два противоположных взгляда на его место в стране. Город присутствует, в частности, в произведениях «Граф Монте-Кристо» А. Дюма, «Тайны Марселя» Э. Золя и «Марсель и марсельцы» Ж. Мери. Именно в Марселе в 1826 г. герой Дюма Эдмон Дантес был заключен в замок Иф. Согласно первому видению, Марсель существует на самом краю цивилизованного европейского общества и является скорее средиземноморским, чем чисто французским городом. Пестрый состав населения, высокий уровень преступности, большая загрязненность окружающей среды – все это устоявшиеся характеристики Марселя. Но некоторые писатели отмечали и его архитектурные особенности. Так, Дюма в «Графе Монте-Кристо» уделил большое внимание старому порту, улице Канебьер, аллее де Мейан, аристократическому дому Сен-Меран и т.д. Он писал даже о происхождении каталонской деревни, находившейся к юго-западу от старого порта. Кроме того, Дюма отмечал некоторые лингвистические особенности Марселя: близость к нему Генуи способствовала тому, что местные жители хорошо понимали итальянский язык и пользовались им.

Согласно второму видению Марселя, он является местом путешествий, приключений и экзотики, а также гостеприимным городом для мигрантов, которые сделали его своим домом. Такая двойственная природа Марселя вызывала интерес у представителей творческой интеллигенции, особенно у литераторов и художников, которые стремились в него попасть. Особое внимание Хьюитт уделяет редактору журнала *Les cahiers du sud* («Южные тетради») Жану Балларду, поклоннику французских поэтов-сюрреалистов, фольклора Окситании, литературы еврейского и исламского Средиземноморья. Баллард объединял представителей творческой интеллигенции, которые, в его понимании, сформировали течение под названием «средиземноморский гуманизм» [4, р. 76].

Кроме того, Хьюитт обращает внимание на санитарную ситуацию в Марселе. В нем, конечно, были многовековые проблемы с санитарией, но мнение о Марселе как о городе, тонущем в собственной грязи, относится, по его мнению, к 1920-м годам [4, р. 114–115]. Однако автор противоречит сам себе, приводя сведения из классической литературы XVIII–XIX вв., где Марсель уже именовался грязным городом. Здесь заключен и элемент сатиры, поскольку в то время наиболее прибыльной отраслью марсельского производства была мыловаренная промышленность. Хьюитт отмечает также, что помимо проблем с уборкой мусора, в Марселе XIX в. не производилось должной утилизации промышленных отходов, вспыхивали эпидемии холеры и имели место засухи. Но эти проблемы не затрагиваются «в литературных или визуальных описаниях XIX в.» [4, р. 115].

В заключительной части книги автор обращается к современности. Он пишет, что с 1975 по 1990 г. население Марселя сократилось на 161 тыс. человек вследствие принятых спорных решений по экономическим вопросам и проблемам городского планирования, а также коррумпированности чиновников [4, р. 234]. А во втором десятилетии XXI в. Марсель, по утверждению Хьюитта, остался без поддержки французских властей, что может свидетельствовать о безучастном отношении Парижа к его будущему [там же].

История Марселя рассматривается и в статье преподавателя истории Университета Лазурного берега в Ницце Ивана Гасто (Франция) [3]. Как пишет автор, население средиземноморских городов формировалось в результате смешения разных народов с античных времен. Каждый из этих городов представляет собой «нечто похожее на универсальную модель космополитизма» [3, р. 309]. На примере Марселя Гасто показывает, какое восприятие мигрантов сложилось в средиземноморском регионе и как создавалось космополитичное общественное сознание.

Автор утверждает, что Марсель всегда воспринимался как противник Парижа, а в широком смысле – как город, противостоящий всей Франции [там же]. История Марселя – это история города, который на протяжении долгого времени должен был решать миграционную проблему. Город постоянно занимал промежуточную позицию между позитивной и негативной репрезентацией своего миграционного прошлого.

Гасто полагает, что Марсель «сделал миграцию неотъемлемой частью своей идентичности» [3, р. 311]. Иностранцы и рабочие-мигранты со всего мира всегда присутствовали в городе. После эпидемии чумы 1720 г. Марсель можно было назвать «маленькой Турцией», «маленькой Италией» или «маленьким варварским государством» [там же]. В конце XVIII в. половину населения города составляли иностранцы: геноуэзцы, пьемонтцы, гавоты (крестьяне из альпийских долин), испанцы, греки, армяне и левантинцы. Во время Великой французской революции отношение к мигрантам было негативным – тогда разоблачались «банды иностранцев», якобы возглавлявшиеся контрреволюционерами.

В XIX–XX вв. Марсель сохранил многонациональный состав населения. И в этом нет ничего удивительного: в XIX в. в город на кораблях доставлялось сырье для французской промышленности, поэтому порт стал окном в Средиземноморье, и это только способствовало увеличению миграционного потока. Автор приводит мнение обозревателя газеты *Le tour de France* («Тур по Франции») Флоры Тристан, опубликованное в 1844 г., которое сводится к тому, что Марсель – город не французский. Подтверждением этого служат слова известного репортера Альбера Лондреса, приглашавшего в 1927 г. в Марсель всех желающих увидеть Алжир, Марокко и Тунис [3, р. 312].

Гасто утверждает, что на пороге новейшего времени и в течение XX в. Марсель гостеприимно принимал представителей разных национальностей: малоимущих итальянцев и греков с конца XIX в., русских эмигрантов в 1917 г., армян в 1915 и 1923 гг., испанцев после 1936 г., выходцев из Северной Африки в межвоенный период, представителей черной Африки после 1945 г. и «черноногих» (так именовались жители Алжира. – О. Б.) после 1962 г. Как пишет автор, различия между жителями Марселя не всегда делались в соответствии с их национальной или конфессиональной принадлежностью. Применялись также социальные и профессиональные критерии [3, р. 312–313].

В 1973 г. в Марселе имели место беспорядки на национальной почве, которые начались 25 августа с убийства рабочего-француза Эмиля Герлаше неадекватным алжирцем. Это вызвало всплеск ксенофобии, которой, по мнению Гасто, не было во Франции с конца Второй мировой войны [3, р. 318]. Протест местных

жителей против засилья мигрантов выражался в листовках, статьях в местных журналах, в выступлениях на пресс-конференциях. В течение одного месяца нападениям подверглась дюжина выходцев из Северной Африки, в основном алжирцев. А в результате налета на консульство Алжира 14 декабря 1973 г. четыре человека были убиты и более 30 ранены. Противостояние вышло за рамки городского: французское правительство вынуждено было осудить национализм марсельцев-французов, а президент Алжира Хуари Бумедьен решил приостановить выезд своих граждан во Францию до тех пор, пока алжирцам не будет гарантирована безопасность. После этого в прессе появились статьи, осуждавшие национализм. Вскоре в этой сфере произошли изменения: уже в 1980–1990-е годы Марсель демонстрировал свой космополитизм. Как заключает автор, в городе успешно проходит процесс ассимиляции мигрантов, и не случайно именно в нем в 2013 г. был открыт Музей европейских и средиземноморских цивилизаций [3, р. 322].

В статье преподавателя Принстонского университета Патрика де Оливейры (США) [2] рассматривается формирование городского пространства Лиона в XIX в. Автор анализирует реновации времен Второй империи (1852–1870), продвигавшиеся французскими властями, которые позволили Лиону сохранить его городские формы (прежде всего, узкие и кривые улицы).

В Лионе есть места, которые исследователи считают исконно лионскими, например, улица Мерсьер, отражающая имидж Лиона как торгового города. А узкие, кривые и бесконечные улочки являются предметом гордости лионцев. Однако, в начале XIX в. улицы Лиона имели иной вид, поскольку власти опасались, что народ будет использовать их для возведения баррикад. Поэтому на протяжении всего XIX столетия проходила модернизация города в целях обеспечения его безопасности.

Самым значительным событием истории Лиона рассматриваемого времени автор считает создание во второй трети XIX в. Имперской улицы, переименованной к 1880-м годам в улицу Республики [2, р. 68]. К середине столетия уже ощущалась необходимость в создании широкой улицы между площадями Терро и Белькур вместо узких извилистых улочек, что сопровождалось уничтожением большого количества домов. При этом для культурной элиты города узкие лионские улицы представлялись неотъ-

емлемой частью идентичности Лиона, поскольку они контрастировали с широкими бульварами Парижа. Французская провинция всегда противостояла столице и соперничала с ней. Еще одной причиной, по которой власти решились на модернизацию городского пространства Лиона, была санитария, а точнее – проблемы с гигиеной. Согласно источникам 1845 г., ни один город Франции не пользовался такой дурной репутацией по части гигиены, как Лион [2, р. 70].

В то время в городе процветала шелковая промышленность. Еще в 1830-е годы в Лионе вспыхивали восстания канутов – политически подкованных мастеров-ткачей, занятых на шелковом производстве. В периоды подавления этих восстаний выяснилось, что Имперская улица играет более важную роль в стратегическом, а не в санитарном или эстетическом отношении. Кануты хорошо знали узкие улицы и пешеходные проходы Лиона, но не могли противостоять войскам, которые быстро добирались до центра города по Имперской улице.

В 1852 г. власть над Лионом получил префект Роны, а выборный городской совет был распущен. Де Оливейра считает, что ставший в 1853 г. префектом Роны Клод-Мариус Вайсе стремился быть «Османом Роны» [2, р. 72]. По крайней мере он запланировал существенную модернизацию фабричного Лиона.

Работы по «обновлению» города продолжались с 1853 по 1870 г. Однако, несмотря на большие масштабы перестройки, часть узких улиц, использовавшихся канутами в их политической борьбе, сохранилась. Более того, как подчеркивается в статье, Вайсе не перестраивал большую часть кварталов старого Лиона, находившихся к западу от реки Соны [2, р. 75]. Тем не менее по парижскому образцу был преобразован квартал Гроле, что могло означать «конец местной архитектуры» [2, р. 83]. В нем исчезли многие улицы и дома. Пострадал и квартал Сен-Поль, лишившийся памятников готической архитектуры и эпохи Ренессанса. Однако в 1890-е годы тенденция к сносу старинных домов и расширению узких улиц утратила свою актуальность, а статус извилистых лионских улочек, по утверждению автора, вырос [2, р. 86].

Де Оливейра приходит к выводу о том, что, благодаря своему культурному наследию и его признанию со стороны ЮНЕСКО Ли-

он в настоящее время живет за счет туризма [2, р. 89]. Город до сих пор известен своими узкими улицами и пешеходными проходами, именуемыми трабули (traboules).

В статье старшего преподавателя Страсбургского университета Фабьена Паулюса (Франция) и доцента Университета Шампань-Арденны Селин Ваккьяни-Маркуццо (Франция) [7] рассматриваются особенности экономического развития французских городов в 1960–2010-е годы. Авторы анализируют адаптацию городов к экономическим изменениям, связь между инновационными процессами и городской структурой. Особое внимание уделяется эволюции экономической специализации городов, особенно в связи с деятельностью служб по созданию знаний (Knowledge-creating services – KCS).

Паулюс и Ваккьяни-Маркуццо создали перечень французских городов, жители которых с 1960-х годов были заняты в 32 секторах экономики. Французская экономика на протяжении последних 50 лет прошла через период интенсивных изменений. Этот период характеризовался двумя основными чертами: 1. переход от индустриальной экономики к экономике знаний; 2. глобальная перекройка экономической географии [7, р. 158].

Одна из гипотез авторов сводится к тому, что на экономическое развитие города влияет его площадь [7, р. 159]. Большие города отличаются впечатляющим разнообразием в экономическом, социальном и человеческом отношении, демонстрируют «более высокий уровень сложности» городской экономики. Они же первыми получают выгоду от инноваций. Более того, они постоянно концентрируют в себе что-то новое и расширяются благодаря успешным инновационным процессам. Эти города получают всю необходимую информацию и привлекают высококвалифицированную рабочую силу.

Авторы проанализировали экономическое развитие 354 французских городов, выбрав те из них, которые квалифицируются как «функциональные городские территории» [там же]. Каждый город описывается на основании занятости населения в 32 секторах экономики. Так, в 1999 г. во французских городах 1,5 млн работников были заняты в службах, ориентированных на знания¹ [7, р. 161].

¹ Речь идет о знаниях в области информационных технологий.

Особенно высокая концентрация таких работников наблюдалась в Гренобле и Тулузе, далее следовали Ренн, Нант, Бордо, Монпелье, Марсель, Ницца, Страсбург и Лилль. Как утверждается в статье, занятость работников крупных городов, таких как, например, Париж и Лион, в сфере распространения знаний была невелика. Так, в Париже в 1999 г. работали только 25% служащих от общего числа занятых в этой сфере [7, р. 161–163]. В то же время во Франции есть малые города, имеющие большое значение в масштабах страны. К ним относится, в частности, Берк из региона О-де-Франс – в нем расположен госпиталь, в который привозят тяжелораненых людей со всей Франции [7, р. 163].

В 1960-е годы новшеством стала высокая занятость французов в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, связанного с туризмом. Однако это было заметно в основном в крупных городах. В 1962–1999 гг. увеличилось количество новых «центральных служб» – в области образования, здравоохранения, социальной сфере, банковском деле и страховании. В то же время деловые службы соседствовали с художественными заведениями и предприятиями высокотехнологичных отраслей промышленности (химической, фармацевтической, электрического оборудования и др.).

Авторы приходят к выводу о том, что в городах Франции существовали разные виды занятости. Одни из них способствовали развитию больших городов. Другие были характерны лишь для некоторых городов, необязательно больших, и определяли их специализацию [7, р. 169].

Список литературы

1. Da Costa Meyer E. Dividing Paris: urban renewal and social inequality, 1852–1870. – Princeton : Princeton University Press, 2022. – 400 p.
2. De Oliveira P. Imagining an old city in nineteenth-century France: urban renovation, civil society, and the making of vieux Lyon // Journal of urban history. – 2019. – Vol. 45, N 1. – P. 67–98.
3. Gastaut Y. Mediterranean migrations and cities with their cultural histories and imaginaries: the case of Marseille // Migrations in the Mediterranean / Ed. by R. Zapata-Barrero, I. Award. – Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2023. – P. 309–325.
4. Hewitt N. Wicked city: the many cultures of Marseille. – London : C. Hurst&Co (Publishers) Ltd., 2019. – 306 p.

5. Jordan D.P. Paris: Haussman and after // Journal of urban history. – 2015. – Vol. 41, N 3. – P. 541–549.
6. Mancheno T. Countermapping colonial amnesia in Parisian landscapes // European cities: modernity, race and colonialism / ed. by Ha N.K., Picker G. – Manchester : Manchester University Press, 2022. – P. 56–76.
7. Paulus F., Vacchiani-Marcuzzo C. Knowledge economy and competitiveness: economic trajectories of French cities since the 1960s // Knowledge – creating milieus in Europe: firms, cities, territories / ed. by Cusinato A., Philippopoulos-Mihalopoulos A. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 2016. – P. 157–170.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 37.01; 94(37).09

DOI: 10.31249/hist/2024.02.08

БУЗДАЛИНА Е.А.* ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ: КУЛЬТИВИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ. Рец. на кн.: STENGER J.R. EDUCATION IN LATE ANTIQUITY: CHALLENGES, DYNAMISM AND REINTERPRETATION, 300–550 CE. – New York : Oxford univ. press, 2022. – 336 p.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя; образовательный дискурс, система образования и воспитания; классическое античное образование; христианское религиозное образование; философия образования.

Keywords: Late Roman Empire; education discourse; classical ancient education; christian religious education; philosophy of education.

Для цитирования: Буздалина Е.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 123–130. Рец. на книгу: Stenger J.R. Education in Late antiquity: challenges, dynamism and reinterpretation, 300–550 ce. – New York : Oxford univ. press, 2022. – 336 p. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.08.

С появлением концепции Питера Брауна о «долгой поздней Античности» (long late antiquity) исследователи заговорили об уникальности и широком исследовательском потенциале одноименной эпохи, который позволяет рассматривать события с IV по VII в. н.э.

* Буздалина Екатерина Артемовна – старший лаборант отдела истории Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН); ecathrine.b@gmail.com.

в качестве периода глобальных трансформационных изменений на территории греко-римской ойкумены. В рамках нового дискурса все чаще появляются обобщающие труды, посвященные различным социокультурным явлениям. Однако история образования долгое время находилась на периферии научно-исследовательского поля из-за недостатка фактических сведений и доминирующего представления об инерции классического античного образования в указанный период. Попытки переосмысления господствующих парадигм происходили и ранее, но исследователи зачастую рассматривали отдельные сюжеты, либо же фокусировались на проблемах языческого или христианского образования по отдельности.

В силу приверженности к концепции «долгой Поздней античности» немецкий исследователь, специалист в области интеллектуальной и религиозной жизни Поздней Римской империи – Ян Штенгер (Университет Вюрцбурга, Германия) издал книгу под названием «Образование в Поздней Античности: вызовы, динамизм и реинтерпретация», опубликованную в 2022 г. в издательстве Оксфордского университета. В связи с заявленной широтой охвата, представленной во введении, как географически (латинский Запад, греческий Восток), так и хронологически (IV – сер. VI вв.) (с. 3) книга вызывает особый интерес среди исследователей, претендуя на статус обобщающего труда.

Автор прослеживает изменение отношения к целям и методам преподавания, обучения и воспитания на примере различных теорий, разработанных христианскими и языческими писателями в этот период. В то время как постклассическая система образования ранее рассматривалась как неподвижное и однородное поле, Штенгер утверждает, что мыслители этого периода критиковали сложившиеся подходы к обучению и стремились к обновлению образовательной парадигмы. Таким образом, цель данной монографии, по словам самого автора, состоит в том, чтобы выделить определяющие тенденции в развитии образовательной мысли, даже если эти тенденции не были закреплены в педагогической практике. Важно также отметить, пишет он, что характерной чертой образовательного дискурса в период поздней Античности является широкое понятие *παιδεία* (*paideia*): языческие или христианские, латинские или греческие, позднеантичные мыслители оставляли вне поля зрения слишком узкое понятие обучения, что-

бы более широко обсуждать процессы формирования стратегии образования (с. 15).

Предыдущие исследования образования были сосредоточены на школьных занятиях, учебном плане, отдельных учителях и жизни учеников. Автор данной монографии акцентирует внимание на теоретическом осмыслении образования интеллектуалами эпохи Поздней Античности, то есть на философии образования – дисциплине, получившей сегодня широкое распространение среди исследователей.

Книга состоит из введения, шести проблемно-тематических глав, разбитых на отдельные параграфы в соответствии с заявленной тематикой, и заключения. Весьма обширная библиография включает литературу, в основном, на английском и немецком языках.

Во введении автор неоднократно употребляет современное понятие «образовательный дискурс» (education discourse) для характеристики своего предмета исследования, вкладывая в него не только проблемы соотношения теории и практики в позднеантичном образовании (с. 5), но и рассматривая актуальные концепции, возникшие, в основном, на христианской почве (с. 6), факторы, условия и форматы, в которых они возникали; расширение социального круга обучающихся и их характеристики (с. 7–8); а также гендерные вопросы. Выбранные проблемные поля, обусловленные трансформационными процессами того времени, наводят автора на мысль о динамике и полифонии образовательного дискурса (с. 10). Штенгер поясняет, что в изучаемый период в силу глубоких трансформационных изменений увеличился диапазон заинтересованных в образовании сторон (новоиспеченные христиане, заботящиеся о должном образовании своих детей, члены управленческого аппарата и др. – *Прим. авт.*), а также возникли ожесточенные дебаты относительно приоритета между сторонниками этического и интеллектуального подходов к образованию (с. 9). Указанные тенденции, интерпретируемые автором как «динамика и полифония дискурса», создают поле для экспериментов с новыми идеями (с. 12), которые нуждаются, по его мнению, в формировании нового консенсуса и восстановлении сингулярного подхода.

Работа основана, в основном, на нарративных источниках как языческой (Юлиан Отступник, Либаний, Евнапий и др.), так и христианской традиции (Иоанн Златоуст, Василий Кесарийский,

Аврелий Августин и др). Широкое использование данного типа источников, с одной стороны препятствует комплексному анализу в современном понимании, а с другой, вполне оправдывает заданный вектор исследования, поскольку предлагает рассмотреть смену господствовавших парадигм сквозь призму взглядов непосредственных акторов изменений.

Первая глава, «Образовательные сообщества», чрезвычайно насыщена. В ней рассматривается то, как образование связано с групповой идентичностью и «текстовыми сообществами» и как тексты, принадлежащие перу таких выдающихся интеллектуалов, как Иоанн Златоуст, Августин и Григорий Богослов, играли фундаментальную роль в организации этих сообществ. В центре внимания автора также концепция образования Юлиана Отступника и литературные занятия галло-римской элиты, в частности, Сидония Аполлинария. Штенгер подчеркивает взаимосвязь между образованием, авторитетными текстами и членством в определенном сообществе. Автор справедливо полагает, что в Поздней античности процесс образования приобрел новый импульс и смысл по мере распространения по всему обществу, сплоченность которого обеспечивалась определенными религиозными идеологиями, о чем свидетельствует внимание императора Юлиана и Сидония Аполлинария к пайдеей.

Во второй главе, «Возникновение религиозного образования», Штенгер не ставит своей целью дать оригинальную переоценку влияния христианства на образование в обществе. Вместо этого он поднимает вопрос о сущности «религиозного образования» с концептуальной точки зрения, включающей в себя типы передачи и приобретения религиозных знаний, а также установок и практик, оставляя в стороне рассуждения о мировоззренческих и оценочных взглядах христиан и язычников друг на друга (с. 59–60). Автору удастся продемонстрировать, как при разных способах адаптации языческого наследия Григорий Богослов, Аврелий Августин, Иероним и Кассиодор положили начало христианскому гуманизму, то есть форме образования, которая включала в себя классическое наследие без ущерба для религиозной идентичности христианской общины. Особенно влиятельной в этом отношении, как показывает автор, является фигура Оригена, по мнению кото-

рого эллинское учение могло быть повторно использовано для освещения пути души к Богу.

Особый интерес представляет третья глава книги под названием «Чему мужчины могли бы научиться у женщин», в которой рассказывается о проблеме преподавания и обучения с точки зрения женщин, бросивших вызов культуре мужской элиты. Мелания Старшая и Младшая, Гипатия, Макрина, Марцелла и другие достигли литературной известности, хотя их социальные роли не претерпели фундаментальных изменений. Гипатия и Сосипатра были выдающимися женщинами-философами. Евнапий написал жизнеописание Сосипатры, а Григорий Нисский – идеализированный портрет своей сестры, Макрины Младшей, самой ученой женщины-святой. Штенгер подробно рассказывает об образовании упомянутых женщин в Поздней Античности. Читателя может удивить тот факт, что, несмотря на общепринятые предрассудки о роли женщин, многие пользовались большим уважением как ученые, являя собой примеры весьма образованных людей. Автор делает вывод о том, что ранее сложившиеся преимущества, получаемые от классической пайдейи, стали уступать внутренним стимулам, связанным со стремлением женщин к самосовершенствованию (с. 139–140). При этом позитивная сторона исследования, безусловно, заключается не только в попытке переосмысления андроцентричного подхода, уделении внимания ранее неизвестной стороне жизни позднеантичных интеллектуалок, но и в том, что автор намеренно не рассматривает каждую из них по отдельности, а выводит на первый план изучение общих закономерностей формирования их как личностей.

Четвертая глава «Жизнь Пайдейи» посвящена соотношению двух понятий βίος (bios) и παιδεία (paideia) в представлении человека поздней Античности. Особое внимание автор уделяет теории, которая фокусируется на идее о всеобъемлющей силе образования в жизни человека (с. 141). В главе рассматриваются биографические и автобиографические свидетельства в сочинениях Либания, Фемистия, Гимерия, Синезия и Макробия, которые показывают, что образование было более похоже не на стратегию или обязательный пункт в биографии, а скорее, на образ жизни. В результате Штенгер приходит к мнению о соотношении жизни и пайдейи, которое выражалось через интеллектуальный обмен между настав-

ником и учеником. По его мнению, преподавание занимало центральное место в формировании жизни других людей, помощи в развитии личности и направления на верный путь в соответствии со своим идеалом (с. 186). Такая этика является выражением идеи гуманизма, которая пронизывала всю концепцию образования (с. 187). Введение новой концепции, безусловно, придает книге теоретическую значимость, однако ее сущность в данном случае остается нераскрытой и требует пояснений. Поэтому в двух заключительных главах автор дополнительно останавливается на некоторых аспектах своей теории.

В пятой главе, «Формирование себя и мира», Штенгер показывает, каким образом мотив и метод саморазвития и самосовершенствования вдохновлял тех христианских и языческих писателей этого периода (особенно философов-неоплатоников), чьи работы и размышления выходили за рамки образовательного дискурса, а именно касались проблемы дуализма материального мира и внутреннего измерения личности (с. 191). Так в книге анализируются тексты IV–VI вв. под авторством Фемистия, Григория Нисского, Макробия и Боэция, в которых развивается концепция самосовершенствования. Она, по словам автора, «...не является автономной и самодостаточной деятельностью <...>. Чтобы прийти к самореализации и гармоничному единству, человек по необходимости зависит от объекта, с которым он может взаимодействовать таким образом, что это взаимодействие бросает вызов умственным способностям, убеждениям, установкам, ценностям и привычкам субъекта» (с. 236). Наконец, Штенгер приходит к выводу о применении практик ассимиляции и адаптации (с. 237), которые способствовали примирению различных форм и условий образовательного дискурса.

В шестой главе, «Формирование мышления в поздней Античности», немецкий исследователь, поставил себе задачу рассмотреть практику формирования нового взгляда на прошлое (с. 240). В ней он подвергает критическому анализу концепцию, согласно которой в поздней Античности литература и мораль прошлого служили образцами в процессе обучения. Как показывает автор, интеллектуалы поздней Античности осмысливали прошлое через настоящее. Златоуст верил в то, что нужно принять христианское видение истины и отречься от знания о прошлом в класси-

ческом понимании. Вместе с Августином он находил очень привлекательной идею о том, что эллинская культура прошлого умерла. Кассиодор, напротив, считал, что школы риторики необходимы для поддержания связи с прошлым, и верил в попытку гармонизировать образ прошлого с христианской моделью обучения. Однако, отмечает Штенгер, несмотря на широкий диапазон видения образа прошлого, всех их объединяло восприятие эпохи как «постклассической» (с. 283).

Иными словами, ключевая идея монографии заключается в том, что образование – это преобразующий процесс, который придает форму всему существу человека, а не просто передает формальные знания или навыки. Таким образом, дискуссия между христианами и язычниками велась не только вокруг религиозных догм, но и вокруг идеи достижения счастья, хорошей жизни и самореализации, а значит, ориентирования образования на развитие человечности в человеке. Штенгер подчеркивает, что позднеантичное образование часто рассматривалось, по сути, как продолжение прежней классической системы, и что даже многочисленные исследования христианских дебатов об образовании, как правило, следуют проторенными путями, освещая только ценностные или мировоззренческие сюжеты. Автор раскрывает множество приемов, с помощью которых позднеантичные писатели, разрабатывали новые образовательные теории, переосмысливая методы, цели, ценности и смысл образования такими способами, которые не только содействовали переменам, но и отражали их.

Немецкий исследователь проливает свет на критику интеллектуалами поздней Античности существующей теории образования и попытки переориентировать ее на современные проблемы природы и роли личности и общества, а также показывает, как образование решало ключевые проблемы того периода, которые затрагивали не только проблемы религии, что неизбежно, но и мораль, гендер, личность и ее взаимоотношения с миром. Писатели, которых обсуждает Штенгер, были менее заинтересованы в навыках и знаниях, которые могло дать образование, и больше заинтересованы в развитии человечности и счастья. Автор доводит до читателя мысль о том, что в поздней Античности пайдейя понималась как культивирование своей идентичности. Даже преподаватели риторики, которые не были такого уровня, как рассмотренные

выше интеллектуалы, считали, что образование выполняет функцию формирования жизни человека. Традиционная культура не отвергалась, а переосмысливалась с конечной целью самосовершенствования. Однако компромиссный подход может нуждаться не столько в уточнении, сколько в классификации мотивов самосовершенствования в связи с динамикой изменений и дискурсивными явлениями как в образовании, так и на политической арене того времени.

Монография производит благоприятное впечатление не только широтой охвата, вниманием к различным деталям и анализом довольно широкого круга источников, а также ярко выраженным междисциплинарным подходом. Философско-антропологическая оптика, избранная автором, с одной стороны, позволяет строить широкие умозаключения, демонстрировать читателю ясный и четкий ответ на поставленный вопрос, а с другой – угрожает модернизацией исторической реальности в силу специфики используемых источников, а также переносом господствующих сегодня теорий на самосознание древнего человека. Труд Штенгера заслуживает внимания исследователей поскольку может считаться первой попыткой переосмысления сущности образования в период поздней Античности, и с высокой долей вероятности может занять почетное место среди обобщающих трудов по данной тематике.

УДК 303.929; 94(47).081–082

DOI: 10.31249/hist/2024.02.09

ДУНАЕВА Ю.В.* Рец. на кн.: БАРЫКИНА И.Е. «ТИПИЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЧИНОВНИК» ГРАФ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1823–1889). ОПЫТ БИОГРАФИИ МИНИСТРА / Сибирский ин-т управления – Филиал РАНХиГС. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 296 с.

Ключевые слова: Великие реформы в Российской империи; пореформенный период; граф Д.А. Толстой.

Keywords: “Great reforms” in the Russian Empire; post-reform period; count D.A. Tolstoy.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 131–136. – Рец. на кн.: Барыкина И.Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра / Сибирский ин-т управления – Филиал РАНХиГС. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 296 с. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.09

Доктор ист. наук И.Е. Барыкина (Ленинградский обл. ин-т развития образования; РГПУ им. А. И. Герцена; Санкт-Петербургский институт истории РАН) – специалист по истории Российской империи XVIII – начала XX в. Автор работ по таким темам, как внутренняя политика Российской империи, государственное управление имперского периода и др. Она не впервые обращается к жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля,

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

графа Дмитрия Андреевича Толстого. Этой теме посвящена ее кандидатская диссертация, а также ряд статей¹.

Новая книга состоит из пролога, четырех частей, эпилога, именного указателя, приложений. В приложениях представлены разные материалы: родословная таблица рода Толстых; стихотворения А.И. Плещеева, посвященные графу Д.А. Толстому; эпиграммы на Д.А. Толстого; труды Д.А. Толстого; фотографии усадьбы Толстого.

Следует отметить, что рецензируемая книга представляет собой не просто биографию героя от рождения до смерти. В ходе описания жизни Д.А. Толстого автор затрагивает разные темы. Она поставила перед собой задачу показать карьеру этого неординарного государственного деятеля в широком общественно-политическом контексте соответствующей эпохи. Историк стремилась «воссоздать целостный образ героя и его времени» (с. 7). Новизна исследования состоит в том, что Барыкина, наряду с биографией Д.А. Толстого, представляет яркую картину Российской империи XIX в. в годы «Великих реформ» и контрреформенного периода. Таким образом, в книге создается целостная картина деятельности высокопоставленного чиновника в сложный период Российской империи.

Рамки рецензии не позволяют рассмотреть все подробности этого широкомасштабного исследования. Поэтому основное внимание будет сосредоточено именно на жизни и служебной деятельности графа Дмитрия Андреевича Толстого, а также на оценках его трудов современниками.

В первой части «Curriculum vitae (жизненный круг)» автор подробно рассказывает о происхождении древнего рода Толстых, ведущего начало от времен Золотой Орды. Особый интерес представляет биографический очерк графа Дмитрия Николаевича Толстого, двоюродного дяди героя повествования, оказавшего сильное

¹ См., например: Барыкина И.Е. Граф Д.А. Толстой и его труды : дис. ... уч. степ. канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 290 с.; Она же. Из записок графа Д.Н. Толстого: особенности государственного управления 1820–1860-х годов // Петербургский исторический журнал. – 2015. – № 2. – С. 79–99; Она же. Родственное окружение графа Д.А. Толстого // Клио. – 2006. – № 3. – С. 228–236. и др.

влияние на становление личности молодого графа и помогавшего ему в продвижении по карьерной лестнице.

Дмитрий Андреевич Толстой родился 1 марта 1823 г. О его детстве почти нет никаких сведений, отмечает И.Е. Барыкина. Благодаря протекции своего дяди Д.А. Толстой поступил в Царско-сельский лицей, который окончил блестяще, получив большую золотую медаль, а его имя было выгравировано на мраморной доске лицея. Благодаря таким заслугам молодой граф получил назначение чиновника IX класса. Он был направлен в Канцелярию императрицы Александры Федоровны по управлению учебными и благотворительными заведениями.

Во второй части «Спираль карьеры» историк приводит подробные сведения о служебном росте Толстого. Барыкина подчеркивает, что Толстой принадлежал к чиновникам нового рода. Если прежде эти посты занимали, по характеристике автора, «чиновники “самоучки”», то теперь им на смену пришли люди, подготовленные к этой работе. Толстой и его лицейские товарищи, приступившие к исполнению служебных обязанностей в 1840-е годы и занявшие министерские посты в середине XIX в., были профессиональными бюрократами. При этом назначение на должность и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице по-прежнему во многом зависело от покровительства вышестоящих вельмож.

В 1848 г. Толстой поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий при Министерстве внутренних дел. Однако обязанности чиновника не мешали ему заниматься научной работой в области истории. Ему было поручено важное задание – исследовать историю и роль католицизма в Российской империи. Выполнение этой работы заняло два года. Он объехал несколько губерний Западного края, где собрал разного рода материалы, также он работал в архивах. Прделанное исследование было высоко оценено начальством и способствовало его быстрому продвижению по карьерной лестнице.

В 1853 г. Толстой был назначен на должность директора канцелярии в Морском министерстве. Основной задачей канцелярии был сбор и передача разных документов (бухгалтерских отчетов, штатного расписания и т.п.) в другие государственные учреждения. Вместе с этим он принимал самое активное участие в разработке реформ министерства. Знания, полученные на этой ра-

боте, участие в подготовке и проведении реформ помогли ему впоследствии при службе на посту обер-прокурора Святейшего синода (1865–1880). И здесь, по мнению автора, Толстой провел реформы, схожие с теми, что проходили в Морском министерстве. Благодаря нововведениям, были осуществлены меры по децентрализации управления епархиями, упрощены формы переписки и отчетности и др. В результате реформ «расширялись полномочия обер-прокурора, а Синод все больше терял свою самостоятельность – Толстой занимался усовершенствованием управления церковью как части государственного аппарата» (с. 110). Не удивительно, что проведенные Толстым преобразования, в том числе в религиозных учебных заведениях, были отрицательно восприняты духовенством.

Однако правительство высоко оценило его деятельность на разных государственных постах и привлекло к реформированию всей системы образования. По мнению Барыкиной, возглавляя Министерство народного просвещения Толстой проявил себя как «деятельный сторонник “охранительного направления”» (с. 117). Реформы образования были встречены в обществе крайне негативно, а за министром закрепилось прозвище «гонителя просвещения». Вместе с тем историк отмечает положительные и прогрессивные инициативы, предпринятые Толстым. Это, к примеру, проведение съездов археологов, педагогов и естествоиспытателей, а также представителей других научных организаций.

Третья часть «В кругу ученых» посвящена еще одному роду деятельности Толстого, его историческим произведениям. Эту тему автор рассматривает на фоне становления отечественной исторической науки. Первое историческое сочинение – «О винной регалии в России до времен Петра Великого», Толстой написал во время учебы в лицее. О высоком качестве этой работы говорит тот факт, что она была опубликована в авторитетном журнале «Отечественные записки».

Еще одной новаторской работой, по достоинству оцененной специалистами, стал труд по истории финансов – «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II». Рецензент работы историк, академик Н.Г. Устрялов отметил новизну исследования, умение автора работать с источниками, стройную логику сочинения. Эта

работы была удостоена полной Демидовской премии. Барыкина далее анализирует другие исторические труды Толстого, посвященные истории образовательных учреждений разного уровня XVIII в. «Его сочинения с полным правом можно назвать историческими, так как они являлись “законными детищами” исторической науки своего времени, отвечая критериям достоверности, логичности и “живого изложения”» (с. 195).

Не обойдена вниманием Барыкиной археографическая работа Толстого, которая шла по нескольким направлениям. Возглавив Синод, он распорядился разобрать синодальный архив. При составлении служебного обзора о католицизме в Российской империи, он проделал большую работу с архивными документами разных учреждений: Департамента духовных дел, университетов, архива Святейшего синода. Изданные отдельными изданиями или опубликованные в журналах, эти материалы сопровождались предисловием и комментариями. Вместе с тем Барыкина отмечает некоторый дилетантизм его работ.

В заключительной, четвертой части «Историк во власти» раскрывается работа Толстого в должности президента Императорской академии наук. Этот пост граф занял в 1882 г. и оставался на нем до конца жизни. По мнению Барыкиной, назначение было вызвано тем, что Толстой умело решал административные проблемы, к тому же его исторические и археографические труды были оценены историками, а значит, он был не чужд научному, академическому кругу. Возглавляя Министерство народного просвещения, в силу своего служебного положения Толстой регулярно общался с академиками. Он поддерживал создание научных обществ и помогал ученым – например, содействовал организации научной командировки химика А.М. Бутлерова. «Свою задачу Д.А. Толстой видел в том, чтобы в период его президентства Академия наук, не испытывая сильных потрясений и не подвергаясь коренным изменениям, вела будничную жизнь, занимаясь соответственно со своим предназначением повседневным научным трудом» (с. 240).

Итак, перед нами предстает биография яркого, неоднозначного человека, занимавшего высокие государственные и академические посты в период правления трех императоров: Николая I, Александра II, Александра III. Деятельность Толстого на разных

государственных должностях вызвала разную реакцию со стороны общества и профессионалов. Барыкина отмечает, что у современников сформировался противоречивый образ Толстого. Его характеризовали, как «кропотливого ученого, бездарного плагиатора, талантливого администратора, пылкого влюбленного, холодного эгоиста, бескомпромиссного консерватора, проницательного реформатора» (с. 6). Занимая высокие государственные посты, Толстому приходилось принимать сложные, иногда спорные решения. Но тем не менее его вклад в проведение реформ разных ведомств неоспорим. Интересной чертой Толстого являлся его интерес к истории Российской империи и сохранение и публикации архивных документов, что являлось несомненным вкладом в историческую науку.

Рецензируемое биографическое исследование Барыкиной – результат кропотливой работы историка-биографа и представляет собой полномасштабную картину деятельности высокопоставленного чиновника, ученого и президента Императорской академии наук.

Исследование основано на широком круге источников, привлечены архивные материалы. Строгость академического изложения сочетается с прекрасным литературным стилем изложения, что, несомненно, привлекательно для читателей. Несколько фотографий, приведенных в приложении, удачно дополняют текст, придают ему наглядность. Однако, следует отметить недостаток работы – отсутствие списка источников и литературы.

Несомненным достоинством произведения является то, что жизнь и деятельность государственного чиновника представлена на фоне сложных, реформационных и контрреформационных периодов российской истории. Фундаментальное исследование И.Е. Барыкиной вносит значительный вклад не только в освещение неординарной личности и карьеры графа Д.А. Толстого, но и в историю внутренней политики Российской империи второй половины XIX в.

УДК 303.929; 327.323.31

DOI: 10.31249/hist/2024.02.10

СУЗДАЛЬЦЕВ И.А.* Рецензия на кн.: ВАТЛИН А.Ю. УТОПИЯ НА МАРШЕ. ИСТОРИЯ КОМИНТЕРНА В ЛИЦАХ. – Москва : Политическая энциклопедия, 2023. – 896 с.

Ключевые слова: история Коминтерна; биографии политических деятелей; К.Б. Радек, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин.

Keywords: history of the Comintern; biographies of political figures; K.B. Radek, G.E. Zinoviev, L.D. Trotsky, N.I. Bukharin.

Для цитирования: Суздальцев И.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 137–144. – Рец. на кн.: Ватлин А.Ю. Утопия на марше. История Коминтерна в лицах. – Москва : Политическая энциклопедия, 2023. – 896 с. – DOI: 10.31249/hist/2024.02.10

Монография д-ра ист. наук, профессора МГУ А.Ю. Ватлина посвящена изучению биографий основателей и руководителей Коминтерна (В.И. Ленина, К.Б. Радека, Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, И.В. Сталина), их деятельности в этой международной организации. Изучение Коминтерна по-прежнему остается актуальной темой для исследователей: продолжают рассекречиваться архивные фонды, касающиеся ранее неизученных, либо нуждающихся в пересмотре проблем, связанных с политикой III Интернационала, что вызвало «всплеск» публикаций не только в отечественной, но и в зарубежной историографии¹. Однако

* © Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории; ГБОУ Школа №1381; ialoko90@mail.ru

¹ Суздальцев И.А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 18–30.

вплоть до выхода этой книги не существовало работ, в которых бы под одной обложкой были собраны биографии его формальных и неформальных «вождей». Сам автор, говоря об актуальности, отмечает, что «до сих пор остаются недостижимыми цели, которые преследовали компартии: минимизация рисков экономического развития, социальная справедливость, подразумевающая равный доступ людей к общественным благам, эмансипация рабочего класса и прямое участие масс в принятии политических решений» (с. 17).

Чтобы книга была понятна ученым, ранее не интересовавшимся Коминтерном, а также массовой публике, автор во введении упоминает об основных страницах истории этой международной организации. Историк описывает его лидеров, постепенно подводя к деятельности каждого из них в III Интернационале. Ватлин уточняет, что для ознакомления с краткими биографиями российских и зарубежных деятелей коммунистического движения следует обратиться к сборнику «Политбюро и Коминтерн», который содержит ключевые документы о взаимоотношениях российской и иностранных компартий¹. Важную помощь тем, кто хочет понять все хитросплетения кадровой политики Коминтерна, окажет справочник, посвященный его организационной структуре².

Из всего написанного Лениным историком отобраны статьи, где обосновывается необходимость создания нового Интернационала, о котором тот начал писать еще в 1914 г. Ватлин подробно рассматривает взгляд Ленина на мировую революцию и отмечает, что он менялся в зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации. В контексте подписания Брестского мира историк пишет, что «большевики поставили государственные интересы выше своих интернациональных обязанностей» (с. 49); однако, вскоре после Бреста Ленин вернулся к своим первоначальным планам, поэтому его главным союзником «в новых условиях оказывался не осторожный Чичерин, неоднократно предупреждавший об опасности “забегания вперед”, а острый на язык и предприимчивый Карл

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг. : документы. – Москва, 2004.

² Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Г., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. – Москва, 1997.

Радек» (с. 59). Историк считает фактическим отказом от услуг Наркоминдела записку, отправленную 1 октября 1918 г. из Горок Свердлову и Троцкому, в которой Ленин писал, что «дела так «ускорились» в Германии, что нельзя отставать и нам» (с. 59). В монографии представлена цитата Радека о том, что подготовка вооруженного восстания (мировой революции) продолжалась Лениным вплоть до советско-польской войны 1920 г. (с. 44). Сам автор приходит к выводу, что задача сохранения завоеванной в России большевиками власти (фактически подразумевающая отказ от лозунга мировой революции) стала главной в Коминтерне после принятия НЭПа (с. 124), то есть на год позже.

Автор не только рассматривает Зиновьева как «лакея» и «подхалима», как человека, неспособного «продать» собственную политическую линию, но и отмечает решительность этого политического деятеля. Например, Ватлин пишет, что 25 апреля 1918 г. Председатель Северной трудовой коммуны вместе с военкомом М.М. Лашевичем отправился в форт Ино, игравший ключевую роль в защите Кронштадта. Ему удалось предотвратить капитуляцию форта после того, как его комендант перебежал к белофиннам (с. 334). Интересным представляется взгляд на Сталина, который, по мнению, как большинства историков, так и современников (например, Троцкого), не был в первые годы существования Советской России значительным теоретиком и не принимал должного участия в работе Коминтерна. Автор же считает, что еще «в январе 1918 г. в ходе дискуссии вокруг заключения мира с Германией, Сталин высказывал достаточно самостоятельную точку зрения» (с. 735); представители «угнетенных народов», отправленные на I конгресс Коминтерна, были отобраны Наркоматом Сталина; генсек отвечал за наполнение коминтерновского аппарата компетентными кадрами из рядов российских большевиков; «в период работы Второго конгресса он обменивался с Лениным бодрими реляциями об успешном наступлении на Запад»; в 1923 г. Сталин уже смело высказывался по вопросам международного коммунистического движения (с. 737–740).

Делая акцент на биографиях политических деятелей, автор рассматривает их на фоне основных событий истории III Интернационала. Например, анализируя деятельность Ленина, исследователь пишет о взаимоотношениях с Коммунистической партией

Германии (КПП), о тактических поворотах Коминтерна (в том числе рассматривает позицию лидера большевиков в отношении тактики единого фронта). Биография Радека начинается с подробного описания его деятельности в Германии в 1918–1919 гг.; рассматривается его участие в конференции трех Интернационалов и влияние на неудавшиеся восстания в Германии в 1921 и 1923 гг. Отображая деятельность Зиновьева и Бухарина, Ватлин сосредотачивает внимание на достаточно подробном описании хода конгрессов и пленумов (применительно к Зиновьеву – с 1919 по 1926 г., к Бухарину – с 1926 по 1928 г.). Анализируя работу Троцкого, останавливается на взаимоотношениях с Французской коммунистической партией и на дискуссии в партии и Коминтерне, начавшейся в 1923 г. Применительно к Сталину рассматривается период начиная со второй половины 1920-х до роспуска III Интернационала, в том числе дебаты по китайскому вопросу в 1926–1927 гг., по тактике Коммунистической партии Великобритании в 1927 г., путь генсека к единоличной власти в Коминтерне. Архивные документы, использованные историком, позволяют говорить о том, что Радек летом 1923 г. (незадолго до коммунистического восстания в Германии в октябре 1923 г.) был против массовых демонстраций со стороны КПП, предупреждая о значительных жертвах. Он даже сумел добиться от Политбюро задержания телеграммы Бухарина и Зиновьева в Германию о поддержке инициативы немецких коммунистов с проведением антифашистской демонстрации. Несмотря на тот факт, что в каждой биографии описывается практически один и тот же период деятельности III Интернационала, автор смог избежать значительных повторений.

Ватлин во многом оправдывает Радека, который ранее в оценках историков чаще всего выступал в качестве объекта критики. По нашему мнению, такая оценка давно уже назрела в отечественной историографии¹. Касаясь вопроса о его якобы капитуляции перед Сталиным в конце 1920-х годов, историк отмечает, что Радек уже тяготился идейным доминированием Троцкого среди оппозиционеров и поэтому стал готовить пути к отступлению

¹ Суздальцев И.А. Справедливо ли критикуют Карла Радека? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2023. – № 3. – С. 119, 123–124.

(с. 322). Очень точно автор характеризует его, называя человеком, отличавшимся «цепким умом и безудержным цинизмом» (с. 23).

Описывая конференцию трех Интернационалов, Ватлин отмечает, что позиция делегации Коминтерна, которую возглавляли Радек и Бухарин, была раскритикована Лениным и Политбюро ЦК РКП(б). Но последнее слово осталось за Радеком, который 15 апреля 1922 г. в письме к членам Политбюро писал, что «в данной стадии развития всякая зубодробительная линия означает срыв этих слабых связей, которые удалось завязать» (с. 252). В ответ, спустя два дня, Бухарину и Радеку от Политбюро была направлена телеграмма, в которой говорилось, что «обе речи Радека очень хороши»¹. Вскоре после этой конференции, пишет Ватлин, началось не упоминавшееся ранее в литературе противостояние Зиновьева и Радека (с. 257). О соперничестве двух лидеров говорит позиция Радека в отношении статьи Зиновьева с ультиматумами представителям II Интернационала во время работы конференции трех Интернационалов. Радек отмечал, что «требование Зиновьева опубликовать его статью перед собранием Девятки² является тактической ошибкой. Решение ультиматума было правильно, но это правильное и стратегическое решение было тактически плохо исполнено»³.

Использование Ватлиным зарубежной литературы, в том числе мемуаров, позволяет воссоздать ряд ситуаций, не отраженных в отечественных источниках и научной литературе. Например, участник II конгресса немецкий социал-демократ Вильгельм Дитман в своих воспоминаниях писал, что на ленинские обвинения членов НСДПГ в соглашательстве и оппортунизме он ответил, что «если мы будем подходить к вам с такими же мерками, как и вы к нам, то я могу вам сказать: нет в мировой истории больших оппортунистов, нежели Ленин и его товарищи». Дитман даже отметил,

¹ Цит. по: Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Мытищи, 2019. – С. 106.

² Для организации созыва всемирного конгресса трех Интернационалов была создана «Комиссия девяти», в которую вошли по три представителя от каждого Интернационала.

³ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву об окончании переговоров (копии Ленину, Троцкому, Сталину, Бухарину, Куусинену) // Драбкин Я.С. Коминтерн и идея мировой революции : документы. – Москва : Наука, 1998. – С. 403.

что сказал это на конгрессе, но эти слова не нашли отражение в стенографическом отчете (с. 91–93). По воспоминаниям немецкого художника Георга Гросса, участвовавшего в работе IV конгресса, Ленину из-за болезни было трудно подбирать слова, ему периодически подсказывали слово или дату (с. 141–142). По поводу этого же выступления историк приводит оценку французского коммуниста Альфреда Росмера, отмечавшего, что «перед ними стоял человек, над которым витал призрак паралича: черты его лица оставались неподвижными, его поведение выглядело механическим, его обычно простой и уверенный язык уступил место паузам и запины-ниям» (с. 142). Также Ватлин приводит интересную оценку Гроссом Радека. Художник называл его «жуком, изгрызающим то тут, то там газеты и книги, журналы и брошюры со всего мира для того, чтобы переварить их и выдать их уже в виде своих собственных передовиц и полемических статей» (с. 172).

Архивные документы, использованные автором, позволяют уточнить ряд вопросов. Например, о финансировании Коминтерна своих зарубежных секций: «За один только 1921 год – год страшного голода в Поволжье, унесшего миллионы человеческих жизней, через него прошло около 122 млн марок, что составляло 3 млн рублей золотом» (с. 121).

Обнаруженное историком в РГАСПИ письмо сотрудника представительства КПГ при ИККИ Йозефа Айзенбергера (сторонника уже отправленных в отставку Г. Брандлера и А. Тальгеймера) позволяет определенным образом пролить свет на обстановку на V конгрессе Коминтерна. Согласно словам автора письма, «вопрос о виновниках поражения “германского Октября” витал не только над правыми лидерами немецкой партии, но и над самим Зиновьевым» (с. 439).

Ватлин пишет, что «неизвестным даже многим коминтерно-ведам остается такой факт, как резолюция ЦК компартии Бельгии от 27 ноября 1927 г., направленная в Исполком. Руководство партии требовало прекратить исключения оппозиционеров из ВКП(б), срочно созвать конгресс Коминтерна для рассмотрения ситуации в российской партии, а до этого опубликовать документы как большинства, так и меньшинства, не допуская «искажений мыслей Троцкого. Скандал был тихо замят, хотя в ходе обсуждения данного вопроса раздавались призывы к немедленной смене лидера пар-

тии Оверстратена. Горячие головы остудил опытный аппаратчик Пятницкий: за ним стоит большинство (весьма немногочисленных) бельгийских коммунистов, и, сняв его, «мы получим партию против нас»» (с. 640). Судя по всему, «малоизвестность» этой резолюции действительно имеет место – как минимум, в крупных исследованиях, посвященных Коминтерну, о ней не упоминается.

Использование интересных фактов, а также периодическое вкрапление «громких» цитат из дискуссий руководителей Коминтерна на конгрессах и пленумах, придает повествованию эмоциональную окрашенность. Например, во время спора Бухарина и Троцкого по вопросу тактики КПК в 1927 г., «последнему своими колкими замечаниями все-таки удалось вывести из себя Бухарина, и тот сорвался: “ Попрошу Вас немного сократить свои дерзости. Это несколько неприлично. Не думаю, чтобы они вплели новые лавры в Ваш победный венок”» (с. 666).

При всех достоинствах исследования, указанных выше, хочется поспорить с Ватлиным в одном важном вопросе. Он считает, что на I конгрессе Коминтерна «настоящих» иностранцев было только двое – Гуго Эберлейн из Германии и Карл Штейнгард из Австрии, остальные – эмигранты, по тем или иным причинам оказавшиеся на тот момент в столице Советской России» (с. 11). Действительно, ряд делегатов, представлявших зарубежные партии, находился в Москве, но они оставались иностранцами, причем достаточно известными в международном рабочем движении. Например, на конгрессе присутствовали Ф. Платтен, Л. Кашер (оба – Швейцария), А. Гильбо, Ж. Садуль (оба – Франция), О. Куусинен (Финляндия) и др. Из-за рубежа прибыли, помимо указанных автором, Э. Станг (Норвегия) и О. Гримлунд (Швеция). 17 из 52 делегатов I конгресса были представителями зарубежного коммунистического и социал-демократического движения¹, что, по нашему мнению, делало его достаточно представительным форумом.

Подводя итоги, следует сказать, что профессором А.Ю. Ватлиным была выполнена масштабная работа по систематизации как уже опубликованного материала по истории Коминтерна, так и

¹ Суздальцев И.А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2021. – № 3. – С. 93.

новых источников, которая под силу только ученому, глубоко разбирающемуся в данной проблеме. По-новому освещены и исследованы многие страницы истории Коммунистического Интернационала. «История Коминтерна в лицах» вносит значительный вклад в изучение международного коммунистического движения и может быть интересна не только ученому сообществу, но и достаточно широкой аудитории интересующихся историей.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2024 – № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор А.А. Чукаева

Подписано к печати 03.05.2024

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ л. 7,2

Уч.-изд. л. 9,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

